

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

**Актуальные проблемы германистики,
романистики и русистики**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ
ежегодной международной научной конференции
7 февраля 2014 года
г. Екатеринбург, Россия

Екатеринбург 2014

УДК 811.1/.2

ББК Ш 140/159

А 43

Под редакцией:
Доктора педагогических наук, профессора
Н.Н. Сергеевой

Научный редактор:
Кандидат педагогических наук, доцент
Е.Е. Горшкова

А 43

Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 7 февраля 2014 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ин-т. – Екатеринбург, 2014. – Ч.1. – 196 с.

Сборник включает доклады участников конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организованной кафедрой профессионально-ориентированного языкового образования ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» 7 февраля 2014 года.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических и лингвистических специальностей высших учебных заведений.

ISBN 978-5-7186-0584-6

УДК 811.1/.2
ББК Ш 140/159
А 43

© Институт иностранных языков, 2014
© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014

Содержание

Сопоставительная лингвистика, фразеология переводоведение и исследования в области языковых систем	6
<i>Брылина Е.А.</i> Первые грамматики английского языка, изданные русскими авторами (М.Пермского, П.Жданова, П.Суворова)	6
<i>Буренкова С.В.</i> Немецкие жизненные нормы сквозь призму истории и языка	13
<i>Василенко А.П.</i> Ихтионим во фразеологизмах французского и русского языков	20
<i>Гузикова В.В.</i> Идиоматические выражения в современной англоязычной прессе	26
<i>Демидова К.И.</i> Возможности регионального аспекта при изучении ЯКМ	34
<i>Криворот В.В.</i> Ономаσιологическая характеристика историзмов русского языка (на материале наименований транспортных средств)	42
<i>Ларцева Е.В.</i> Проблема межвариантного заимствования в свете общей теории заимствования	47
<i>Телегина Е.В.</i> Некоторые значения числительных в русском и английском языках	52
<i>Федуленкова Т.Н., Глебова Д.А.</i> Три изоморфные структурные модели глагольных фразеологических единиц в современных германских языках	59
<i>Филипацци Ю.А.</i> Фонемно-статистические параметры слога в текстах на тосканском диалекте	66
<i>Хемсакун Чанунпорн, Плотникова Г.Н.</i> Проблема разграничения модификационных и мутационных значений в префиксально-глагольных словообразованиях	74
Когнитивная лингвистика и дискурс-анализ	82
<i>Балакин С.В.</i> Развитие структуры макроконцепта как результат реализации его деривационного потенциала	82
<i>Дмитриева О.А.</i> Проблематика изучения религиозного дискурса	87

<i>Кошкарлова Н.Н.</i> Межкультурный вектор исследования политической коммуникации	94
<i>Лукин О. В.</i> Части речи в системе знаний человека	97
<i>Матыгина Е.Б.</i> Метафоры концептуализации межгосударственных отношений во внешнеполитическом дискурсе Мадлен Олбрайт и Кондолизы Райс	104
<i>Санина Ю.К.</i> Метафорический образ миграции в русском и британском политическом дискурсе по данным местных печатных СМИ 2013 года	107
<i>Хабибуллина С.Б.</i> Лингво-прагматический анализ глаголов передачи знаний в тексте аннотации (на материале англ. яз.).....	113
<i>Чеботарев И.Г.</i> Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «юродивый».....	117
Перевод и переводоведение	125
<i>Алексеева Л.М.</i> Переводимые и непереводаемые писатели	125
<i>Бортников В.И.</i> К синтаксическим трансформациям художественного перевода (блок вступления в русском «Потерянном Рае» 1777 г.)	135
<i>Кушнина Л.В.</i> Переводческие гипотезы: антропоцентрический и синергетический подходы	139
<i>Разумкова Н.В.</i> Ван Динвэн Китайские вариации есенинского колорита (к проблеме исследования концепта ‘цвет’ в аспекте художественного перевода).....	145
<i>Шкрабо О.Н.</i> Особенности перевода технической документации в сфере электроники	151
Литературоведение, стилистика и интерпретация текста	155
<i>Бугакова Н.Б.</i> О некоторых индивидуально-авторских особенностях лексической объективации образа иконы в романе И.С. Шмелева «Пути небесные»	155
<i>Возмилкина В.О.</i> «История Тома Джонса» Г.Филдинга: на пути к социальному роману	161
<i>Дубах Т.М.</i> Языковой скепсис в новеллистике А. Шницлера.....	166

<i>Матвеева Е.П.</i> Концепты цвета и звука как средство движения эмотивной категории в «Скорбных элегиях» Овидия	172
<i>Степанова О. В.</i> Характеристика героев пьес Т.Стоппарда 90-х годов	178
<i>Трошева Т.Б.</i> Стилистические фигуры в русских поговорках сельскохозяйственной тематики	185
<i>Харлов И.Е.</i> Аксиологический подход к изучению английского сленга	192

Сопоставительная лингвистика, фразеология переводоведение и исследования в области языковых систем

УДК 811.111'36(09)

Брылина Е.А.

Екатеринбург, Россия

**ПЕРВЫЕ ГРАММАТИКИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА,
ИЗДАННЫЕ РУССКИМИ
АВТОРАМИ (М.ПЕРМСКОГО,
П.ЖДАНОВА, П.СУВОРОВА)**

Аннотация. В статье анализируется рост интереса к английскому языку и грамматикам, рассматриваются малоизвестные и редкие грамматики английского языка.

Ключевые слова: английский язык как иностранный, распространение английского в XVIII-XIX вв. в России, специфические особенности грамматик М.Пермского, П.Жданова и П.Суворова.

Сведения об авторе: Брылина Елена Александровна, ст. преподаватель иностранных языков, Кафедра германской филологии.

Место работы: Уральский Федеральный университет.

Контактная информация: 620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина 51, к. 208.
e-mail: brulina@list.ru.

Brulina E.A.

Ekaterinburg, Russia

**FIRST TEXTBOOKS OF THE
ENGLISH LANGUAGE, PUBLISHED
BY RUSSIAN AUTHORS
(M.PERMSKII, P.ZHDANOV,
P.SUVOROV)**

Abstract. The growth of interest to the English language and its grammars is investigated, rare English grammar books are considered.

Keywords: English as a foreign language, spreading of the English language in the XVIII- XIX centuries in Russia, specific peculiarities of V. Permski's, P.Zhdanov's and P.Suvorov's grammars.

About the Author: Brulina Elena Aleksandrovna, Lecturer of the Chair of Foreign Languages, Department of Germanic philology.

Place of employment: Ural Federal University.

Английский язык не был широко распространен в России XVIII века и уступал первенство немецкому и французскому, являвшимся языками межнационального общения. Исторические предпосылки и причины сложившейся ситуации были проанализированы в ряде российских и зарубежных работ. Среди них работа М.П.Алексеева «Английский язык в России и русский язык в Англии» и монография Э.Кросса «У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке» (1996). Оба автора придерживаются следующей точки зрения: «главным хранилищем английского языка в течение всего XVIII столетия был русский флот. Уважение к британскому флоту и постоянный приток британских морских офицеров на русскую службу проявилось дополнительно в том, как много русских было отправлено на службу и

учебу в Англию» [Кросс 1996:295]. Именно русским офицерам, морякам, церковнослужителям и переводчикам была отведена важная роль: использовать приобретенные знания английского языка разными способами. Так, М. Пермский и П. Жданов – церковники, преподававшие английский язык в Морском кадетском корпусе, составили грамматики и словари; П. Суворов и В. Никитин, выпускники Оксфорда, преподавали ряд предметов, среди них – английский в Кронштадте.

Что касается россиян, то в течение XVIII века интерес к английскому языку постоянно увеличивался. Конечно, первым толчком, вызвавшим интерес к изучению английского языка, стала поездка Петра I в Англию в 1698 году. С этого времени в «русском книжном языке (нач. XVIII века) стали попадаться английские слова административного языка, *морская терминология...*» (курсив мой.-И.П.) [Алексеев 1944: 86]. В эпоху правления Петра I не ощущалось нужды в переводе религиозной литературы. Перестройка всей жизни, новое направление внешней политики, усиленное развитие экономических и культурных связей с Западом обусловили необходимость овладеть большим иноязычным материалом – книжным и документальным. В начале XVIII века переводились прежде всего книги по военному делу, технике, по точным наукам.

Немаловажным событием XVIII века стало учреждение Екатериной II специального переводческого общества «Собрание старающееся о переводе иностранных книг», просуществовавшее 15 лет (1768-1883), где работали и переводчики английского языка. Среди них: П.И. Жданов, А.Н. Лужков, Л.И. Сичкарев и ряд других.

Достойная подготовка переводчиков, а также открытие учебных заведений в XVIII веке (кадетских корпусов, новых академических гимназий, Московского университета) сыграло значительную роль в развитии учебно-лингвистической литературы. Очень многие «грамматические учебники и словари были изданы для нужд преподавания в учебных заведениях» [Булич 1905: 337].

В ходе нашего исследования мы намерены проследить судьбу и деятельность Михаила Пермского, Прохора Жданова и Прохора Суворова, которые внесли определенный вклад в развитие грамматической мысли того времени.

Первым пособием для изучения английского языка было «Практическая английская грамматика, переведенная с английского языка на российский Морского шляхетного кадетского корпуса переводчиком Михайлом Пермским». Автор пособия М. Пермский (1741-1770 гг.) был уроженцем Петербурга, из духовного звания, получивший образо-

вание в Александро-Невской семинарии. В 1751 г. он был отправлен причетником при посольской церкви в Англию и по возвращении в Россию продолжил свое образование в Московском университете. В 1765 году Михаил Пермский был определен в Морской корпус переводчиком и учителем английского языка. Энтони Глен Кросс в перечне лучших переводчиков XVIII века упоминает и Михаила Пермского. Среди немногих он был способен «переводить прямо с английского оригинала, а не через посредство немецких или французских вариантов» [Кросс 1996: 296].

М. Пермский занимался переводами с латинского и, в особенности, с английского языка и, будучи студентом, сотрудничал в «Свободных часах» и в «Добром намерении». Ему принадлежит и *первый русский перевод* «Практической английской грамматики», с утраченного сегодня оригинала, изданной в 1766 году в Петербурге. Специфична форма подачи материала – вопросно-ответная, причем автор обращается к собеседнику на ты. Грамматика состоит из 15 глав и массы занятнейших приложений. Большое внимание отводится основополагающим понятиям грамматики, знакам, словообразованию, различным сокращениям.

Прохор Иванович Жданов (? - 1802), подобно Михаилу Пермскому, состоял преподавателем Морского кадетского корпуса. Среди виднейших преподавателей Морского кадетского корпуса был и Николай Курганов (1726-1796 гг.) – русский просветитель, математик, военный моряк и отличный переводчик той эпохи. Его перу принадлежит перевод с французского Ал. Саверьена «О точности морского пути, или Искусство, как измерять на море ход корабля».

В 1772 году вышла в свет «Англиска грамматика, сочиненная Морского шляхетного кадетского корпуса учителем Прохором Ждановым в пользу учащагося благородного юношества», изданная в типографии при Морском Шляхетном Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. Объем первого издания грамматики составляет 310 страниц. В руководстве были рассмотрены все части речи (по П.Жданову их 9). В качестве приложения к грамматике был издан первый двуязычный англо-русский словарь, составленный Прохором Ждановым. Этот словарь был построен по тематическому принципу; в словаре было приведено 79 тем, около 3000 слов. В 1784 году П.Жданов издал новый англо-русский словарь «Новый словарь английской и российской», в котором слова располагались уже не по темам, а по алфавиту. Словник увеличился почти до 30000 слов (792 страницы). В предисловии к словарю П.Жданов писал, что « в семь Словаре Вы

найдете все употребительныя слова по алфавитному порядку объясненныя въ ихъ разныхъ знаменованіяхъ: оный послужить вашему любопытству хотя сокращеннымъ но довольнымъ руководствомъ къ познанію языка изобилующаго важными и высокими писаніями» [Жданов 1784: II]. Данная грамматика П. Жданова выдержала несколько переизданий, так как она была востребована временем. В данной статье мы анализируем последнее переиздание грамматики 1801 года «Англиская грамматика, вновь сочиненная Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса учителемъ и секретаремъ 6 го класса Прохоромъ Ждановымъ». В самом названии четко определена аудитория данной грамматики: «(о способе обучения английскому) только нужнаго служащимъ во флоте..» [Жданов 1801:V]. Основываясь на «долговременной опытности в обученіи с присоединениемъ собственныхъ замечаній» он излагает «начальныя правила для обученія сего языка, стараясь изыскивать легчайшія къ сему средства» [Жданов 1801:VII]. Сама грамматика автобиографична. Мы можем извлечь довольно много информации о личности самого писателя. Например, «...имея честь 30 летъ преподавать Английскій языкъ благороднымъ питомцамъ Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса...», «издатель сего следоваль въ етомъ и образовался больше съ выговариваніемъ людей благовоспитанныхъ, пробывъ несколько летъ въ Лондоне въ свите Россиіскихъ Пословъ» [Жданов 1801: 5]. Грамматика П. Жданова состоит из предисловия и 3 отделов: о грамматике вообще, прибавление к словосочинению, содержащее практическія наблюдения, словарь и дополнительно в качестве своего рода разговорника: общественныя речи и общеупотребительныя разговоры. Тематика словаря и общественныхъ речей традиционна: о времени, дни недели, о роде человеческомъ, известныя случаи и свойства тела (стенаніе, стон, чиханіе, икота), вещи, употребляемыя на платье, духовенство и церковныя причетники, о воинскомъ, о корабельномъ (эскадра, военный корабль, шлюпка, руль, палуба), принадлежащее к мореплаванію (пристань, мель, пролив) и подобныя. Изначально подчеркивая узость аудитории, мы попытались акцентировать свое вниманіе на выборке морской терминологии рассматриваемой грамматики. В словаре о воинскомъ (of warfare):

War – война, брань

Warfare – воинская служба

Army – армія, воинство

Regiment – полк

Retreat – отступленіе

Flight – побег

Gun, canon - пушка
или отдельный раздел – принадлежащее к мореплаванию (belong-
ing to navigation):

of Fortification – о укреплении

To raise men - набрать рекрут

To lift a soldier – брать в солдаты и другие [Жданов 1772:228].

В общеупотребительных разговорах встречается специальный условный знак (в виде руки), сигнализирующий узко направленное употребление лексической единицы. Например, диалог XVIII «To hail a versel under sail» (Окликать судно под парусами) изобилует морской терминологией.

Where are you *bound* to? Куда идешь?

I must *over haul* your cargo... Мне надобно осмотреть ваш груз

How many *hands* have you a board?

Сколько у Вас людей на корабле? и подобные примеры [Там же: 424].

В конце XVIII века стали довольно популярными поездки россиян в Англию. По словам Энтони Кросса «Русские, приезжавшие в Англию, ехали сюда учиться и приобретать практический опыт, движимые собственным желанием или стремлением властей избавиться окончательно от иностранцев, занимавших в России важные посты и создать кадры русских специалистов во всех областях» [Кросс 1996: 297]. Прохор Игнатьевич Суворов был одним из них.

Суворов Прохор Игнатьевич (1750-1815 гг.) был сыном священника. В 1758 году поступил в Тверскую семинарию, где пробыл до 1765 года. В это время в Москве возник проект основать высшее духовно-учебное заведение и, в видах создания для него преподавательских сил, синоду, от имени Императрицы было объявлено: «Из обучающихся в семинарии учеников, которые дошли уже до риторики и, превосходя других честным поведением, с тем вместе подают хорошую надежду своими способностями, избрать десять человек для отправления их в Англию, чтобы они в университетах Оксфордском и Кембриджском могли научиться высшим наукам на пользу государства» [Большая биографическая энциклопедия academic.ru]. К регулярным занятиям П. Суворову пришлось приступить не сразу. Помехой были недостаточная его подготовленность для слушания университетских предметов, плохое знание латинского языка, на котором преподавалась большая часть наук, и *полное незнание с английским* (курсив мой.-И.П). П. Суворов в 1775 году окончил курс в Оксфордском университете, был удостоен звания действительного магистра наук и

вернулся в Россию и в этом же году был определен учителем в морской кадетский корпус. Во время работы в морском кадетском корпусе на П. Суворова было возложено преподавание математики с тем, чтобы он преподавал её «читанием лекцій, по образу, какъ въ университетахъ делается» [Сухомлинов 1880: 19]. Прохору Суворову приходилось заниматься составлением учебников, переводом книг с иностранных языков на русский. При составлении руководств целью автора был «не слепой переводъ какой-либо прилучившейся иностранной книги сделать или издать безвкусный сборъ малосостоятельныхъ списаний; но паче, собравъ и состроивъ что въ разныхъ писателяхъ есть наилучшее, къ нему жъ исправивъ и дополнивъ недостаточное, составить некое целое, которое бы не уступало ничему, ими сведомому, какъ на своемъ, такъ и на другихъ языкахъ..»[Сухомлинов 1880:23]. Высоко ценил работоспособность и преданность в работе П.И. Голенищев-Кутузов, давая следующую характеристику Прохору Суворову: «онъ – человекъ редкій, и у насъ въ университете ни изъ русскихъ, ни изъ иностранныхъ ему равного нетъ, какъ по учености, такъ и по моральному характеру» [Васильчаков 1880:290].

Прохор Игнатьевич Суворов преподавал целый ряд предметов – математику, латинский язык, мифологию, английский язык и словесность в названном корпусе. В 1783 году он был пожалован в премьер-майоры и назначен помощником инспектора корпуса, а в марте 1794 года – инспектором. Во время пребывания в корпусе П. Суворов вместе с преподавателем Василием Никитиным составил «Тригонометрию плоскую и сферическую», напечатанную в 1787 году (в Петербурге; переведена на английский и издана в Лондоне). В 1795 году вышел в отставку, но в октябре 1798 года возвратился на службу, поступив преподавателем английского языка в Черноморское штурманское училище в Николаеве. Занятия с учениками побудили его составить «Разговоры английские и российские, разделенные на 30 уроков, для употребления юношеству и всем начинающим учиться сему языку» Николаев, 1803 г.). К сожалению, ознакомиться с текстом данного пособия оказалось проблематичным, так как его руководства нет ни в публичных библиотеках Москвы, ни Санкт-Петербурга. Вероятно, сохранился экземпляр в Николаеве. В 1810 году Высочайшим указом П. Суворов был назначен прямо ординарным профессором высшей математики в Московский университет, пробыв в этой должности до 1814 года.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что авторы рассматриваемых пособий и грамматик, начали свой преподавательский путь в стенах Морского кадетского корпуса, который имел славную репута-

цию и сильнейший преподавательский состав. Преподаватели, имеющие огромный опыт в преподавании различных дисциплин, выпускали свои узкоспециализированные пособия, (в нашем случае – морская специализация) предназначенные для определенной аудитории.

Именно Морское ведомство, Морской кадетский корпус сыграли огромную роль в распространении и изучении английского языка в России XVIII – XIX веков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. – 1944. – №72. – Вып.9. – С. 77-137.

Большая биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/117285/Суворов.

Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. – СПб., 1905 – 337 с.

Васильчаков А.А. Семейство Разумовскихъ. – М.: Типогр. Н.С.Всеволожскаго, 1880. – Т. II. – 320 с.

Жданов П.И. Англиска грамматика, вновь сочиненная Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго корпуса учителемъ и секретаремъ 6 го класса Прохором Ждановым. – СПб.: При Мор.шляхет.кадет.корпусе, 1801. – 494 с.

Жданов П.И. Новый словарь английской и российской. – СПб.: При Мор.Шляхет.кадет.корпусе, 1784. – 782 с.

Кросс Э.Г. У Темзских берегов (Россияне в Британии в XVIII веке). – СПб.: Академич. проект, 1996. – 387 с.

Сухомятинов М.И. История Российской академии. – СПб.: Тип. император. Академии Наук, 1880. – Вып.5. – 432 с.

Буренкова С.В.

Омск, Россия

**НЕМЕЦКИЕ ЖИЗНЕННЫЕ
НОРМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ИСТОРИИ И ЯЗЫКА**

Аннотация. Статья посвящена изучению немецких жизненных норм с точки зрения исторического развития социума. Паремнологический фонд языка и происходящие в его рамках социально обусловленные трансформации рассматриваются в качестве иллюстрации происходящих в немецком обществе изменений.

Ключевые слова: немецкие жизненные нормы, порядок, пословицы, антипословицы.

Burenkova S.V.

Omsk, Russia

**GERMAN LIFE NORMS IN THE
LIGHT OF HISTORY AND
LANGUAGE**

Abstract. The article is devoted to the analysis of German life norms from the perspective of the historical development of society. Proverbs and their socially conditioned transformations are considered as illustrations of changes in German society.

Keywords: German life norms, order, proverbs, anti-proverbs.

Сведения об авторе: Буренкова Светлана Витальевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации.

Место работы: Омский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 644099, г. Омск, ул. Интернациональная, 6, к. 103.
e-mail: burenkova_anna@mail.ru.

About the Author: Burenkova Svetlana Vitaljevna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of German Language and intercultural communication.

Place of employment: Omsk State Pedagogical University.

Определенный запас культурных ценностей – своеобразного инвентаря культуры, транслируемого следующим поколениям через традицию – необходим для нормального развития общества. В силу политических, религиозных, иногда и языковых причин культуры могут обладать общими или похожими нравственно-этическими предписаниями. К примеру, во многих социумах осуждаются и рассматриваются как отклонения от ценностей *трусость, неуважение к окружающим, обман*.

Вместе с тем содержание ценностей может быть неодинаковым в разных культурах. Различия в содержании ценностей разных культурных сообществ обусловлены дифференцированным (до некоторой степени) пониманием понятий *пространства, времени, бытия природы и человека*. Так, подчинение времени и пространства порядку считается одним из величайших достижений германского общества.

Нельзя недооценивать роль религиозных догматов в становлении нравственных основ культуры [Лосский 2005]. Конфессиональные отличия, существующие между католической и православной церковью, объясняют присущие немцам *стоицизм* и *самостоятельность*, характерные для русского народа *смирение*, *силу воли* и *искание совершенного добра*, определяют *обязательность труда* для немецкой нации и *избирательное отношение русских к трудовой деятельности* и мн. др.

Социальный опыт и знания лингвокультурной общности могут находить своё прямое, эксплицитное выражение в заповедях, императивах, рестриктивах, требованиях и предписаниях, а также упоминаться косвенно в виде предостережений и рекомендаций, имплицитно присутствующих в устойчивых оборотах обыденного языка. Например: *Лекарям предаться, деньгами не жаться. Пар костей не ломит. Том здоровья не ценит, кто болен не бывал.* В немецком языке: *Es gibt tausend Krankheiten, aber nur eine Gesundheit. Vorbeugen ist besser als heilen. Nach dem Essen sollst du stehen oder tausend Schritte gehen. Wer Geld hat, kann den Doktor haben, wer keins hat, wird später begraben. Den Kopf halt kühl, die Füße warm, das macht den besten Doktor arm* [Граф 1997].

Соотнесённость указанных фраз с поведением, их ярко выраженная оценочность отражают степень освоенности обыденным сознанием социальных норм, а также фиксируют общечеловеческое и национально-специфичное в системе ценностей. Языковое выражение этической квалификации поступков, качеств, отношений отображает нормы и правила, принятые в данном социуме, формулируя жизненные приоритеты и склонности носителей языка [Рябцева 2000].

Своеобразие немецких культурных норм и способов нормализации окружающего мира определяется особой значимостью норм и правил в жизни отдельного немецкого гражданина и общества в целом. Неотъемлемый элемент немецкой культуры – *порядок (Ordnung)* – приобретает при сравнении с другими культурными сообществами особую яркость.

Приверженность к порядку и чистоте относится к типичным характеристикам немецкого менталитета. С точки зрения других народов, любовь к порядку у немцев носит даже несколько преувеличенный характер. Немецкая нация проникнута стремлением к порядку. Немцы не терпят никакого беспорядка, запущенности, бесхозяйственности. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы, сентенции, острооты: *Ordnung im Haus ist halbes Sparen. Ordnung hilft Haushalten. Lerne Ordnung, übe sie, sie erspart dir Zeit und Müh'. Ordnung regiert die Welt.*

Ordnung hat Gott lieb. Ordnung ist vernünftig und nützlich (das Kredo der Aufklärung). *Unordnung ist ein teurer Hausgenosse* [Мальцева 2000]. *Wer Ordnung liebt in seinem Leben, der trifft ins Loch und nicht daneben.*

В Германии порядку должен подчиняться весь уклад не только общественной, но и частной жизни немца: семья и бизнес, свободное время и учёба. Немцы в состоянии запланировать даже неудачи (*Misserfolge*). Прийти в гости без предупреждения – предосудительно, визиты чаще всего также тщательно планируются в общий распорядок жизни. Видимо, не напрасно немецкая пословица *Ordnung ist das halbe Leben* получила у писателя Людвиг Харига каламбурное переосмысление: *Ordnung ist das ganze Leben* [Bausinger 2002].

Анализируя причины такого пристрастия немцев к порядку, исследователи подчёркивают роль церкви и государственной власти в укреплении послушания и дисциплины, а также влияние чувства страха, испытываемого перед гневом Бога и правителя. Многие ученые (например, А. Вежбицкая, Э. Фромм и др.) указывали на преобладание в Германии так называемого авторитарного типа личности как на возможное объяснение приверженности порядку, несопротивления власти. Личность подобного типа обязательна и услужлива по отношению к вышестоящим (*Wer befehlen will, muss gehorchen können; «Покорность есть первейший долг»* Ф. Шиллер), но ведёт себя в повелительной манере по отношению к подчинённым [Вежбицкая 2001].

Именно власть в лице государства (*Vater Staat*) регламентирует общественную и частную жизнь немцев, что подчеркивают как сами немцы, так и иностранцы, сравните:

Bei jedem ihrer Schritte, selbst bei einer einfachen Ortsveränderung, tritt die allmächtige Bürokratie in Aktion, diese zweite Vorsehung echt preußischer Herkunft. Man kann weder leben noch sterben, weder heiraten, Briefe schreiben, denken, drucken, sich Geschäften widmen, lehren oder lernen, eine Versammlung einberufen, eine Fabrik bauen, auswandern, noch überhaupt irgendwas tun ohne eine „obrigkeitliche Erlaubnis“ (Karl Marx).

Der Staat greift immer mehr in die Privatsphäre der Menschen ein. ... Ich finde es gar nicht gut, aber der Mensch ist von Haus aus unvernünftig. Deshalb ist es eine Aufgabe des Staates, den Menschen zu leiten. Aber es gibt Freiräume, die zu stark eingeengt werden (Jörg Eisele, Auszubildender).

Und die Deutschen lassen sich viele Sachen vom Staat oder von den Behörden verordnen. Hier ist, finde ich, alles durch irgendwelche Institutionen geregelt. Staat als etwas Übergeordnetes sorgt vor und für seine Bürger. Und die Leute verlassen sich auch darauf (eine ausländische Studentin)

[Typisch deutsch 1993].

Немецкий порядок имеет давнюю историю. Исторические документы содержат многочисленные указы и предусматривают штрафные санкции, что продиктовано стремлением к укреплению дисциплины, поддержанию моральных устоев. Сравните описание документа, предписывающего, как правильно вести домашнее хозяйство: *Nach dem Generalrescript gegen die "Übelhäuser" von 1781 konnte jedermann, der seine Landwirtschaft schlecht betrieb, enteignet und zum Militär eingezogen werden. Wer solche 'Übelhäuser' der Obrigkeit anzeigte, erhielt zur Belohnung ein Drittel des eingezogenen Gutes* [ebd.: 76].

Способы наказания, конечно же, претерпели изменения с течением времени. Сегодня за лень и безделье не предусмотрены юридические санкции, но данные пороки осуждаются общественным мнением: *Bis auf den heutigen Tag gilt so das Faulsein, das 'Nichtschaffen', als schlimmstes Vergehen, und nach wie vor beäugt man sich gegenseitig misstrauisch* [ebd.: 77].

На протяжении долгих лет немцам последовательно прививалась любовь к порядку, слагаемые которого *опрятность, пунктуальность, дисциплина*: *Wer Ordnung hält, findet Dinge schneller und spart Zeit. Wer unordentlich ist, verliert hingegen Zeit durch unnötiges Suchen, schlimmstenfalls schämt er sich für seine Unordnung vor sich selbst und anderen Menschen.*

И, несмотря на многочисленные изменения в индивидуальной и общественной жизни, на «усреднённость» характеристик национального менталитета, на существующее мнение о всё большей раскрепощаемости немцев, можно с уверенностью сказать, что «немец не мыслит себе свободы без правил. Они могут расходиться во мнениях из-за того, какими они должны быть эти правила, но не из-за того, должны ли они быть. Для немца явление, противоположное свободе – хаос. Немцы жертвуют частью своей свободы ради порядка» [Фаулз 2001: 349-350] (этим, кстати сказать, немцы отличаются от народов других европейских государств, где порядок предусматривает главным образом наличие политических прав и свобод).

Немцы предпочитают не нарушать даже те правила, которые сильно осложняют им жизнь, и руководствуются принципом: *Всё, что не разрешено – запрещено*. Всё, что нарушает установленный порядок, привычный покой, подлежит осуждению.

Тем не менее каждое современное общество сталкивается, особенно сегодня, с массой новых проблем, требующих этических решений, пересмотра существующей системы моральных норм и ценностей.

Изучая особенности другой культуры, необходимо принимать во внимание *факт изменчивости норм и установлений*. К примеру, в Германии, где основным жизненным принципом считается соблюдение порядка, отмечается в последнее время небрежность в отношении установленных норм и правил, что связывают, в первую очередь, с влиянием других культур.

Видимо не случайно немецкие авторы все чаще обращаются сегодня к ценностям классической этики. Так, известный публицист Райнер Эрлингер в своей книге “Lügen haben rote Ohren. Gewissensfragen für große und kleine Menschen” дает достаточно убедительные пояснения по многим общим и частным «вопросам совести»: *Можно ли воровать цветы в общественном парке? Почему нужно соблюдать правила? Что такое мораль? Нужно ли раскаиваться в супружеской измене?* [Erlinger 2005].

Открытое нарушение запретов и предписаний может повлечь за собой неприятные последствия, вероятно, по этой причине в немецком обществе имеет место такое явление, как двойная мораль: *Die Deutschen haben so viel von der Moral, dass sie eine doppelte haben*.

Сложившиеся нормы поведения находят непосредственное отражение в языке, в частности, в его паремиологическом фонде, который, как и нормы, обладает предельной устойчивостью, но вместе с тем так же поддается варьированию и способен отражать изменения в отношении стандартов и стереотипов.

Небезынтересна в этой связи позиция журналиста Вальтера Шмидта, автора книги «Morgenstund ist ungesund. Unsere Sprichwörter auf dem Prüfstand» [Schmidt 2012]. Автор проверяет некоторые из самых известных житейских мудростей на их состоятельность: *Morgenstund hat Gold im Mund – Утро вечера мудренее*. Исследователи сна не уверены в этом. Или: *Die Zeit heilt alle Wunden – Время лечит*. Медики и психологи могут доказать, что это не всегда так [ibid.].

Соответствует ли поучительное содержание пословиц действительности? Автор приводит в качестве аргументов результаты научного познания, этические соображения. Комментарии к пословицам упорядочены тематически, сомнению автора подвергаются пословицы о мудрости, о здоровье и благополучии, об успехах и неудачах, об учебе и преподавании, о морали и добродетели, о сути человека и человеческого общежития [Schmidt 2012].

Самые неприметные изменения культурно-эстетического и социально-политического плана фиксируются индивидуальным и коллективным сознанием, что не может не найти отражения и в пословичном

материале. В данном случае речь идет о постоянно обновляющемся приложении «традиционных» пословиц к новым ситуациям, что часто ведет к разнообразным отклонениям от узуса. Так возникают различные варианты пословиц, получившие название *антипословиц* (*pseudoposловиц*). Например: *Alles hat ein Ende – und die Mettwurst hat zwei. Aller Mannfang ist schwer. Der Student geht so lange zur Mensa, bis er bricht. “Einmal ist keinmal” für den Henker, nie für sein Opfer. Ende gut, alles schlecht. Lügen haben lange Beine. Steter Tropfen höhlt die Leber. “Zeit ist Geld”, sagte der Ober und addierte das Datum mit. Работа не волк. Зато начальник зверь. Прогноз предполагает, а Бог располагает. Что посеешь, то и пожнешь. Кто рано встает, тот рано помрет. У семи нянек дитя без глаза, а у четырнадцати — без двух* [Mieder 1998; Мокиенко, Вальтер 2006].

Модифицированные варианты пословиц могут служить наглядной иллюстрацией переосмысления и переоценки норм и правил поведения в социуме, что также актуально в плане знакомства с особенностями лингвокультуры. Анализ антипословиц немецкого языка позволяет определить сферы жизни, идеи немецкого общества, в наибольшей степени подверженные переоценке.

Таким образом, система национальных ценностей и норм характеризуется сложностью, многоуровневостью, синхронической и диахронической изменчивостью и не может быть установлена а priori – она должна пониматься как взаимоналожение прошлого исторического развития социально-этнической общности и специфики наличной социально-политической обстановки.

Знание норм и ценностей другой культуры необходимо для адекватного поведения и успешного общения в условиях иноязычной коммуникации. Изучение антипословиц касается многих лингвокультурологических и социолингвистических факторов, а потому не должно оставаться чисто языковым исследованием: антипословицы и пословицы немецкого языка необходимо анализировать в ракурсе их соотношения с изменяющимися или остающимися неизменными традициями, оценками и приоритетами современного немецкого общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов: пер. с англ. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
Граф А.Е. Словарь немецких и русских пословиц: более 6000 ед. – СПб.: Лань, 1997. – 288 с.
Лосский Н. Характер русского народа. – М.: ДарЪ, 2005. – 336 с.

- Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. – 416 с.
- Мокиенко В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). – СПб.: Нева, 2006. – 384 с.
- Рябцева Н.К. Этические знания и их «предметное» воплощение // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 179-183.
- Фаулз Дж. Дэниел Мартин. Книга 2. – М.: Махаон, 2001. – С. 349-350.
- Bausinger H. Typisch deutsch: Wie deutsch sind die Deutschen? – 3. Aufl. – München: Beck, 2002. – 176 S.
- Erlinger R. Lügen haben rote Ohren. Gewissensfragen für große und kleine Menschen. – Berlin: Ullstein, 2005. – 231 S.
- Mieder W. Verdrehte Weisheiten: Antisprichwörter aus Literatur und Medien / Gesellschaft Für deutsche Sprache (Hrsg.). Wolfgang Mieder. – Wiesbaden: Quelle und Meyer, 1998. – 396 S.
- Schmidt W. Morgenstund ist ungesund. Unsere Sprichwörter auf dem Prüfstand. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 2012. – 239 S.
- Typisch deutsch? Arbeitsbuch zu Aspekten deutscher Mentalität. Von H. Behal-Thomsen, A. Lundquist-Mog, P. Mog. – Berlin etc.: Langenscheidt, 1993. – 144 S.

Василенко А.П.

Брянск, Россия

ИХТИОНИМ ВО

ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО

ЯЗЫКОВ

Аннотация. Фразеологизмы можно трактовать как результат языковой материализации быта народа посредством включения в их образ наименования и особого понимания некоторой реалии. Одной из таких реалий в составе устойчивого оборота является ихтионим – компонент «рыба».

Ключевые слова: фразеологизм, ихтионим, тематическая группа, значение, символ, образ.

Сведения об авторе: Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка.

Место работы: Брянский государственный университет.

Контактная информация: 241013, г. Брянск, улица Медведева, дом 56, кв.

234.

e-mail: vassilenkoanatole@yandex.ru.

Vassilenko A.P.

Bryansk, Russia

ICHTHYONYM

OF FRENCH AND RUSSIAN

PHRASEOLOGY

Abstract. Idiom can be interpreted as a result of materialization of people's life. Idiom, itself, is a language image and specific understanding of some realities. One of these realities in phraseological constituents is an ichthyonym, name of fish.

Keywords: phraseological item, ichthyonym, thematic cluster, meaning, symbol, image.

About the Author: Vassilenko Anatole Petrovich, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of French Language.

Place of employment: Bryansk State University.

В структуре фразеологизма «работает» лингвистическая анимационная картинка, составленная из десемантизированных слов (компонентов), позволяющая отразить *нелингвистическую* ситуацию, взятую из повседневной жизни.

Поэтому образ фразеологизма становится своего рода кумуляцией мировидения, свидетельствует о культурно-национальном опыте народа [Телия 1996: 215].

Слова-компоненты в составе устойчивых оборотов являются оязыковленными реалиями, обладают ценным символическим содержанием (об этом, например, [Ковшова 2009], [Кравцов 2008], [Скоробогатова 2013]).

Так, одним из встречающихся образов в организации фразеологизмов можно назвать компонент *рыба* (ихтионим), а его символичный характер во много зависит от того, какой фактор послужил основанием для включения этого объекта реальной действительности в ассоциа-

тивно-образный комплекс самого фразеологизма.

Так, Франция, как правило, известна своими разнообразными сортами вина и сыра, однако и рыбе отводится тоже своё место. К примеру, особой привилегией пользуется *карп* – одомашненный дикий сазан: растёт быстро, даёт высококачественное мясо, приносит неплохую прибыль. В этой связи во французской гастрономии широко используют такую разновидность данной рыбы, как *королевский* (зеркальный) *карп*, название которого, как предполагают, связано с именем короля Людовика XII. А вот, например, *окунь* в отдельных рыболовных хозяйствах Франции считается рыбой сорной и даже вредной.

На Руси рыба являлась едва ли не основным кушаньем, поскольку рыболовство было одним из наиболее распространённых промыслов. Отсюда и разнообразное приготовление этого морепродукта, ну а отдельное внимание заслуживает известное национальное блюдо – русская уха.

И вполне очевидно, что эти и другие приведённые особенности быта народа, связанные с тем или иным видом *рыбы* (величественность, прибыльность, гордость, необходимость, низкопробность и т.п.), в общем плане не могут не учитываться в процессе задействия рассматриваемого компонента в составе фразеологизма.

Можно назвать одну из таких особенностей быта народа, подведя её под общее тематическое название, – **«Поведение»**. В эту группу попадают такие фразеологизмы, которые содержат ихтионим, в большей степени ориентированный на передачу целеустановочной активности живого организма в рамках в той или иной ситуации.

Некоторые фразеологизмы французского языка:

faire la carpe pâtée (букв.: сделать карпа изнемогающего) – ‘приворно упасть в обморок’; *faire des yeux de carpe pâtée* (букв.: делать глаза карпа изнемогающего) – ‘кокетливо закатывать глаза’; *noyer le poisson* (букв.: топить рыбу) – ‘умышленно отвлекать от главного’; *le mariage de la carpe et du lapin* (букв.: свадьба карпа и кролика) – ‘странный противоестественный союз’; *serrer les cinq sardines à qn* (букв.: сдавливать пять сардин кому-либо) – ‘подчёркнуто дружественно поздороваться за руку’; *charger (tirailleur) la brème* (букв.: грузить (дёргать) леща) – ‘нечестно вести карточную игру’ и др.

Некоторые фразеологизмы русского языка:

ловить рыбу в мутной воде – ‘извлекать выгоду из чьих-либо затруднений’; *рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше* – ‘поиск в надежде выбрать наиболее подходящее’; *биться как рыба об лёд* – ‘изо всех сил стараться что-либо сделать’; *из поросля в карася* – ‘выдавать

желаемое за действительное»; *дать леца кому-либо* – ‘сильно ударить ладонью’ и др.

Кроме тематической группы «Поведение» можно выделить и другие комплексы фразеологизмов.

Тематическая группа «Ситуация» – фразеологизмы с компонентом-ихтионимом, указывающими на совокупность условий и обстоятельств, дающих возможность участникам реализоваться с какой-либо стороны.

Французская группа многочисленна, но приведём лишь некоторые примеры:

c'est un panier de crabes (букв.: это сетка для ловли крабов) – ‘сборище интриганов’; *journée des harengs* (букв.: селёдочный день) – ‘затруднительное положение дел’; *s'en moquer comme un poisson d'une rotte* (букв.: насмеяться как с рыбы в картофеле) – ‘ни во что не ставить’; *bailler comme une carpe* (букв.: зевать как карп) – ‘скучать, не знать, чем заняться’; *queue de poisson* (букв.: рыбий хвост) – неожиданное прекращение какого-либо дела; *c'est un vieux poisson pour mordre à l'appât* (букв.: это старая рыба, чтобы кусать приманку) – ‘человека с опытом непросто обмануть’; *l'hôte et le poisson en trois jours sont poison* – (букв.: гость и рыба за три дня становятся ядом) – ‘нужно знать меру своего пребывания в ком-либо месте’; *si la mer bouillait, tous les poissons seraient cuits* (букв.: если бы море кипело, вся рыба сварилась бы) – ‘не имеет смысла говорить о том, чего уже не может быть’; *être comme un poisson hors de l'eau* (букв.: быть как рыба вне воды) – ‘ощущать дискомфорт’; *comme poisson dans l'eau* (букв.: как рыба в воде) – ‘хорошо, непринуждённо’; *il ne sait à quelle sauce manger le poisson* (букв.: он не знает с каким соусом кушать рыбу) – ‘на него не угодишь, ему трудно уладить; он не знает, как это понимать’; *le poisson commence toujours à sentir par la tête* (букв.: рыба начинает всегда пахнуть от головы) – ‘коллективные беспорядки начинаются сверху’; *poisson d'avril à qn* (букв.: апрельская рыба для кого-либо) – ‘шутка-обман на 1 апреля’; *les gros poissons mangent les petits* (букв.: большие рыбы съедают маленьких) – ‘тот правый, кто сильнее’; *jeune chair (et) vieux poisson* (букв.: молодое мясо (и) старая рыба) – ‘всему своё время и место’; *à la graisse de hareng saur* (букв.: на жире копчёной селёдки) – ‘фальшивый, никудышный’; поговорки *poisson sans boisson est poison* (букв.: рыба без питья есть яд) и *la sauce fait manger le poisson* (букв.: соус заставляет съесть рыбу) могут выступить с общим значением ‘должно быть всегда то, что смягчает ситуацию, сглаживает острые углы’ и др.

Некоторые фразеологизмы русского языка:

как *рак на мели* – ‘быть в беспомощном состоянии’; как *сельдей в бочке* – ‘очень тесно, большое скопление людей’; как *рыба в воде* – ‘хорошо ощущать себя в конкретной ситуации’; по *щучьему веленью* – ‘чудесным образом, по волшебству’; *рыба с головы гниёт* – ‘беспорядки начинаются сверху’ и др.

Тематическая группа **«Эмоция»** – ихтионим в составе фразеологизмов, которые показывают социально сформированные переживания личностного характера (удовольствие, неудовольствие, страх, робость и т.п.), оценочное отношение к существующему или субъективно видимому/воображаемому.

Обнаруженная группа устойчивых оборотов не составляет большого количества и представлена следующими французскими единицами: *ni chair ni poisson* (букв.: ни плоть ни рыба) – ‘неодобрительно о том, что посредственно, заурядно, неотличительно’; *engueuler qn comme du poisson pourri* (букв.: ругать кого-то как рыбу гнилую) – ‘браниться, не стесняясь в выражениях’.

В русском языке – это оборот *ни рыба ни мясо*, который аутентичен уже упомянутому французскому *ni chair ni poisson*, а также фразеологизм *реветь белугой* – ‘испускать громкие и печальные стоны по поводу чего-либо’.

Тематическая группа **«Вид»**. В данную группу входят фразеологизмы, которые при помощи ихтионимов описывают наблюдаемые со стороны физические характеристики, параметры, внешний облик, напоминающий что или кого-либо.

Так, обороты *faire cuire son homard* (букв.: заставить вариться своего омара) и *rouge comme un homard* (букв.: красный как омар) имеют одно значение – ‘покраснеть (о коже человека) в результате теплового фактора’.

Другие фразеологизмы: *hareng saur* (букв.: копчёная селёдка) – ‘о слишком худом человеке’; *bête comme un hareng saur* (букв.: глуп как копчёная селёдка) – ‘дурак’; *grand perche* (букв.: большой окунь) – ‘человек очень высокого роста’; *éplucheur d’écrevisses* – (букв.: чистильщик раков) – ‘пустослов, пустомеля’; *marcher en crabe* (букв.: ходить крабом) – ‘ходить вперевалку’; *saut de carpe* (букв.: прыжок карпа) – ‘подпрыгивание на животе без помощи рук’; *se retourner comme une carpe au grill* (букв.: поворачиваться как карп на гриле) – ‘неистово двигаться’; *muet comme un poisson* (букв.: немой как рыба) – ‘неразговорчив’; *nager comme un poisson* (букв.: плавать как рыба) – ‘хорошо плавать’ и др.

Некоторые фразеологизмы русского языка:

пятиться (ползти) как рак – ‘пятиться задом, на четвереньках’; *немой как рыба* – ‘неразговорчивый’; *как рак-отшельник* – ‘сам по себе, живущий в уединении’ и др.

Тематическая группа **«Утварь»** – ихтионимы, которые используются во фразеологизмах для обозначения предметов, встречающихся в быту. Данная группа малочисленна. Было обнаружено единичное употребление во французской фразеологии просторечного *sang de poisson* (букв.: кровь рыбы) ‘растительное масло’ и русского оборота *на рыбьем меху* – ‘об одежде, совсем не предохраняющей от холода’.

Некоторые выводы.

1. Ихтионимы французской и русской фразеологии могут быть комплексно представлены следующими тематическими группами: «Поведение», «Ситуация», «Эмоция», «Вид», «Утварь». Каждое из объединений имеет свои идентификационные признаки, но не исключаются случаи размывания границ этих групп. Например, *как рыба в воде* – это ‘благоприятная «Ситуация», при которой человек чувствует себя эмоционально непринужденно’, а также ‘положительная «Эмоция», которая является результатом складываемой благоприятной ситуации’.

2. Наиболее частотными ихтионимами во фразеологии являются следующие разновидности рыбы: *щука, карп, сельдька, белуга, сёмга, треска*. Распределение этих видов в рассматриваемых языках происходит неодинаково. В основном, это распределение связано со степенью распространённости и востребованности в каждой культуре отдельно взятой рыбы. Так, для французских фразеологизмов характерны компоненты *карп, сельдька, треска*, для русских – *щука, сельдька, белуга*.

3. Использование одинакового ихтиологического компонента во фразеологизмах французского и русского языков есть лишь формальное внешнее сходство, тогда как внутренне эти одинаковые компоненты в рамках оборота различаются. Так, для русской *сельдьки* присуща реализация количественного показателя, во французской фразеологии *сельдька* – это, помимо количественного, ещё и показатель статуса ареального, нутриционного, физиологического, физического, интеллектуального, экономического, эмпирического.

4. Есть общее и отличное в семантике ихтиологического компонента. Общим, например, представляется контекстуальная направленность часто используемого во фразеологии обоих языков ихтиологического гиперонима *рыба (poisson)*. Специфическим видится, в частно-

сти, русский гипоним *щука* – магический символ, и французская *sémgá* – символ злобы.

5. В подавляющем большинстве случаев ихтионимы французской и русской фразеологии содержат и реализуют негативный оценочный компонент значения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2009. – 48 с.

Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 40 с.

Скоробогатова Т.И. Фразеология и историческая память: интериоризация нового знания в лингвистике (на материале французского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Майкоп, 2013. – 49 с.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 26.

Гузикова В.В.
 Екатеринбург, Россия
**ИДИОМАТИЧЕСКИЕ
 ВЫРАЖЕНИЯ В
 СОВРЕМЕННОЙ
 АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ**

Guzikova V.V.
 Ekaterinburg, Russia
**IDIOMS IN MODERN ENGLISH
 PRESS**

Аннотация. В статье рассматриваются идиомы в англо-американской прессе. Особое внимание автор уделяет трансформированным идиоматическим выражениям, которые используются в англо-американских газетах.

Ключевые слова: идиома, трансформация, редукция, эллипсис, парцелляция, вклинивание, контаминация, аллюзия

Abstract. The article deals with the use of idioms in English and American press. The author pays particular attention to the transformed idiomatic expressions used in modern English and American newspapers.

Keywords: idiom, transformation, reduction, ellipsis, parceling, splitting, contamination, allusion

Сведения об авторе: Гузикова Валентина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Уральский юридический институт МВД России.

About the Author: *Guzikova Valentina Victorovna*, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, к. 318.
 e-mail: V.Guzikova@e1.ru.

Идиоматика играет в языке одну из самых значимых ролей в силу своего семантического богатства, образности, колорита, лаконичности и яркости. Она привносит в устную и письменную речь такие важные особенности как плавность, оригинальность и изящество. Нельзя не согласиться с профессором А.В. Куниным, одним из ведущих исследователей в рассматриваемой области, который называет фразеологию «сокровищницей языка». «Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта... Английский фразеологический фонд – сложный конгломерат исконных и заимствованных фразеологизмов с явным преобладанием первых» [Кунин 1996: 5].

Значительное число английских идиом связано с античной мифологией, историей, литературой (*the root of all evil* – корень зла; *the olive branch* – оливковая ветвь (символ мира и успокоения)). Некоторые идиомы восходят к басням Эзопа и другим греческим легендам и сказкам (*cherish a viper in one's bosom* – пригреть змею на груди; *the lion's*

share – львиная доля). Весомый вклад в английскую «сокровищницу языка» был внесен такими языками как французский (*burn the candle at both ends* – прожигать жизнь); немецкий (*like a bolt from the blue* – как гром среди ясного неба); испанский (*tilt at windmills* – “сражаться с ветряными мельницами”); русский (*the Sick Man of Europe* – “больной человек Европы” (в настоящее время любая европейская страна, находящаяся в тяжелом экономическом положении)); китайский (*lose face* – терять престиж); итальянский (*every dog is a lion at home* – ≈ всяк кулик в своем болоте велик) и ряд других.

Как известно, идиомы находят широкое применение не только в устной речи и произведениях авторов художественной литературы, но и в медиатексте, делая стиль изложения образным, ярким и красочным. Случаи употребления идиом в газетных текстах показывают, что часто функционирование идиом выходит за пределы традиционного представления об их устойчивости и неизменяемости. Современная журналистика ориентируется на создание яркого, привлекающего внимание материала. В век глобализации и информационных технологий, с развитием рекламы и расширением информационных полей, параметр устойчивости фактически превратился в свою противоположность, тем самым открыв потенциальные возможности для нестандартного употребления идиом.

Широко используя языковую игру для нестандартного употребления идиом, авторы газетных статей предпочитают трансформировать компонентный состав идиом или их расположение по отношению друг к другу, что не только не разрушает идиому, а, напротив, интенсифицирует ее смысл. Особые случаи употребления идиом в газетных и рекламных текстах объясняют возрождение интереса к проблемам фразеологии, вызванного стремлением лингвистов определить формирующиеся закономерности в трансформации идиом.

Идиоматические выражения несут огромную функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную нагрузку в материалах СМИ. Фразеологизмы могут представлять собой фигуры речи, т.е. переосмысленные обороты, которые используются не в обычных, а в особых, переносных значениях. Отсюда следует, что четкая, правильная интерпретация их значений во многом способствует воссозданию при переводе образности, стилистических особенностей и эмоционально-экспрессивной специфики оригинала. Трудности перевода идиоматических выражений могут возникать в тех случаях, когда в оригинале называются те или иные явления, отсутствующие в принимающей культуре или неизвестные переводчикам. Важным условием достиже-

ния максимально высокого качества межкультурной коммуникации и снижения неизбежных потерь при переводе является весьма осторожное, аккуратное обращение с идиомами. Всегда помогает эрудиция, знания из области страноведения – истории, культуры, обычаев и традиций англоязычных стран. [Чужакин, Палажченко 2000: 62].

Тема трансформации устойчивых единиц не теряет своей актуальности, потому что этот процесс происходит постоянно, непрерывно. Изменяется со временем сам “набор” нетрансформированных устойчивых выражений. В газете процесс обновления устойчивых выражений особенно заметен. Кроме того, журналисты обычно изменяют фразеологизмы, особенно, если используют их в заголовках. Те крылатые слова, которые пришли к нам из далекого прошлого получают новое звучание, отвечающее духу времени. Будет правильно сказать, что трансформация устойчивых выражений отражает настроение современности.

Публицистический стиль – функциональная разновидность речи, обслуживающая широкую сферу общественных отношений: культурных, спортивных, общественно-политических и др. Наиболее полно публицистический стиль проявляется в газетах и общественно-политических журналах, отчего его называют также газетно- или журнально-публицистическим [Виноградов 1977:76]. Рассматриваемому стилю присущи две основные функции, слитые в единстве, – информационная и воздействующая.

По словам В.Г.Костомарова, основным конструктивным принципом языка газеты является диалектическое сочетание стандарта и экспрессии. Это объясняется не только такими функциями газеты, как информационная и воздействующая, но и тем, что язык газеты должен “быть коммуникативно обозначимым, то есть ясным и выразительным, точным, кратким” [Костомаров 1971:90].

Фразеологические обороты, пословицы, поговорки и крылатые выражения являются обязательным стилистическим компонентом языка газеты, важным источником экспрессивно-эмоциональной насыщенности, существенным средством реализации конструктивно-стилевых особенностей газетной речи. Они придают газетному тексту определенную воздействующую силу, помогают создавать специфическую образность. Они способны не только выразить соответствующую мысль более емко, но и передать отношение, оценку. Например, поговорка *толочь воду в ступе (to flog a dead horse)* передает большую экспрессивность, оценку, чем свободное словосочетание *заниматься бесполезным делом, стараясь достичь недостижимое, (to do something in*

vain). Фразеологизм *обещать золотые горы* (*promise the moon*) является более выразительным по сравнению с выражением *обещать невыполнимое* (*to make a promise that you are unlikely to be able to keep*). Приведем пример употребления идиомы в газетном тексте: «*The banks promised the moon to lure customers*». – «Банки обещали золотые горы, чтобы привлечь вкладчиков».

С целью создания художественного эффекта авторы медиатекстов прибегают к трансформации фразеологизмов.

«В стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» [Шанский 1985:149]. Чаще всего под трансформацией понимается «любое отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [Гусейнова 1997:7].

Трансформация фразеологизмов рассматривается в работах многих исследователей фразеологии: Н.М. Шанского Т.С. Гусейновой, В.В. Горлова и др. Обобщив классификации выше названных лингвистов, все трансформации можно разделить на 4 наиболее общие группы:

- 1) семантические трансформации,
- 2) лексические трансформации,
- 3) синтаксические трансформации,
- 4) морфологические трансформации
- 5) словообразовательные трансформации.

При **лексических** трансформациях семантика фразеологизма может приобретать новые смысловые оттенки в результате более или менее существенных изменений в компонентном составе ФЕ, при этом синтаксическая структура фразеологизма остаётся без изменений: она не удлиняется и не укорачивается.

К данному типу трансформаций относят приёмы *замены* и *перестановки компонентов* ФЕ.

Например: *The rapid global economic downturn has **rekindled** fears that Japan may be slipping back into a deflationary cycle.* (WSJ) – Быстрый экономический спад во всём мире возродил страхи о том, что Япония вновь может войти в дефляционный период. В ФЕ *kindle the flame* – зажечь пламя чего-либо, происходит лексическая замена второй части ФЕ. Это делается для того, чтобы создать более тесную связь семантики ФЕ с тематикой текста.

Синтаксические трансформации идиом приводят к удлинению, укорачиванию или изменению синтаксической структуры фразеоло-

гизма. Сюда относят: редукцию (эллипсис); добавление (вклинивание) компонентов; изменение коммуникативного типа предложения; парцелляцию; контаминацию; аллюзию.

Редукция – это сокращение структуры ФЕ, опущение значимых элементов. В большинстве случаев в ФЕ со структурой словосочетания опускается глагол, так как он, будучи структурным стержнем глагольных фразеологизмов, не несёт основной тематической нагрузки, и, следовательно, его редукция не представляет опасности для семантики фразеологизма.

Например:

WHEN parts of Hampton Court were damaged in a fire two years ago, few could see **the silver lining**. (словарная форма данного ФЕ – every cloud has a silver lining) – Когда части здания Хэмптон Корт были разрушены во время пожара пару лет назад, немногие смогли увидеть **положительное побочное следствие**. (Independent)

К эллипсу относится также *усечение* фразеологизма – редукция начальных или конечных элементов многокомпонентной ФЕ, когда возникает незавершённая, открытая конструкция. Особенно часто усечение используется при цитировании. Например, известная английская пословица “*Birds of a feather flock together* – Рыбак рыбака видит изда-лека” очень часто используется в усечённом виде: “*Birds of a feather*”. Примером служит следующее высказывание:

“*In Washington’s lexicon of pariahs, Col Gaddafi and President Saddam may be **birds of a feather**, but a report by the US state department earlier this year concluded that there was no evidence that Libyan leader had supported violent groups for a number of years*”.

Добавление компонентов возможно в любой части ФЕ – в начале, в конце или в середине (в этом случае говорят о вклинивании). При добавлении компонентов происходит “приращение смысла, и именно добавленный компонент берет на себя основную эмоциональную и экспрессивную нагрузку, поскольку благодаря своей новизне и неожиданности он не прогнозируется читателем” [Внук 2008:78].

Например:

*And even the BBC, the Tory Party’s **favourite whipping boy**, know that whoever replaces Mellor is unlikely to be as sympathetic.* (*The Daily Mirror*). – И даже ББС, любимый козел отпущения партии Тори, знает, что , кто бы не заменил Меллора, маловероятно, что он будет таким приятным.

*NASA still thinks space is the final frontier, but like the rest of the shrinking government, the agency wants the private sector **to pick up** more*

responsibility – and more of the tab. (Newsweek) – НАСА все еще рассматривает освоение космоса как свою конечную цель, но также как и остальная часть урезанного правительства, агентство предпочитает, чтобы частный сектор **взял на себя** больше ответственности и **большую часть расходов**.

New York's Guerrilla Girls (and their slightly embarrassing English imitators Sweet Fanny Adams) try to fight fire with fire and porn with porn. (New Statesman and Society. London: Foundation House, 1992).

We came up against an emotional blank wall, a dead end. – (WSJ) – Мы **натолкнулись на глухую стену** эмоционального **равнодушия**, зашли в тупик.

Случаи окказионального *изменения коммуникативного типа высказывания* ФЕ немногочисленны и включают в себя в основном преобразования повествовательных предложений в вопросительные. Они чаще всего используются в заголовках для привлечения внимания читателей и стимулирования их интереса.

Например:

Is there really as good fish in the sea? (USAT) – **Свет клином не сошёлся?**

Парцелляция представляет собой особый приём преобразования ФЕ, заключающийся в том, что элементы фразеологизма разделяются запятой или точкой. Этот приём используется для усиления экспрессивности ФЕ, хотя используется он нечасто. Парцелляцией особо выделяется и подчёркивается наиболее важная информация.

Например:

They welcomed the law. With open arms. (WSJ) – Они **приняли закон. С распротёртыми объятьями**.

Под *контаминацией* понимают “стилистический приём, устанавливающий синтаксическое и смысловое взаимосцепление двух и более ФЕ благодаря утрате компонента как минимум у одного фразеологизма” [Внук 2008:80].

Например:

Aonach Mor may be a step ahead of the game because it is a new skiing resort with attitudes untainted by years of traditional working practices. (Scotsman). – Аонак Мор может оказаться **на шаг впереди всех**, поскольку это новый лыжный курорт, не подвергшийся влиянию установок многолетней традиционной практики работы.

В данном случае происходит контаминация двух английских фразеологизмов: *ahead of the game* – впереди всех, в выигрышном положении, *a step ahead* – на шаг впереди.

К **морфологическим трансформациям** относятся изменения в грамматическом аспекте фразеологического значения. Окказиональные морфологические изменения затрагивают все части речи, и каждый раз это ведёт к преобразованию семантики. В данном случае речь идёт о модификации артиклей, числа существительных, формах степеней сравнения прилагательных, временные формы глаголов и т. п.

Например:

Guangzhou's hottest dance mecca lures a thousand freespending hepsters a night at 80 yuan a head. (Time) – Самая модная танцевальная мекка Гуанчжоу соблазняет тысячи не знающих счета деньгам **фанатов** потратить за вечер 80 юаней.

The Secret Service is spilling a few secrets to avoid spilling the beans. (Newsweek) – Чтобы избежать **выдачи всех секретов**, секретная служба открывает некоторые из них.

Необходимо заметить, что возможности морфологических трансформаций в ФЕ сильно ограничены по сравнению со свободными сочетаниями слов и, как правило, сопровождаются другими окказиональными модификациями.

Словообразовательные трансформации компонентов ФЕ весьма ограничены и не отличаются разнообразием. Чаще всего это лишь прибавление словообразовательных аффиксов.

Итак, с помощью идиоматических выражений, которые не переводятся дословно, а воспринимаются переосмыслено, усиливается эстетический аспект языка. Именно благодаря фразеологическим выражениям, иначе называемыми идиомами, информационный аспект языка дополняется чувственно-интуитивным описанием нашего мира, нашей жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

Внук Т.В. Особенности окказиональных модификаций фразеологизмов в текстах немецкой коммерческой рекламы // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2008. – №3 (34). – С. 74-84.

Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: на материале центр. газет 1990-1996 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. / Т.С. Гусейнова; Даг. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 1997. – 23 с.

Горлов В.В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газеты // Русский язык в школе. – 1992. – №5 – С. 35-37.

- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк. ; Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
- Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Высшая школа, 1971. – 342 с.
- Карпова М.В. Словарь живых идиом американского английского языка. – М.: Астрель: АСТ: ВЗОИ, 2004. – 319 с.
- Литвинов П.П. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: ВАКО, 2005. – 336 с.
- Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода – 2000. Introduction to Interpreting. – М.: Р. Валент, 2000. – с. 62.
- Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 192 с.
- The New York Times Company [Electronic resource] / The New York Times Company, 2008. – URL: <http://www.nytimes.com>.
- The Wall Street Journal [Electronic resource] / Dow Jones & Company, Inc., 2009. – URL: <http://online.wsj.com>.
- The Washington Post Company [Electronic resource] / The Washington Post Company, 1996-2009. – URL: <http://www.washingtonpost.com>.
- USA TODAY [Electronic resource] / Division of Gannett Co. Inc., 2009. – URL: <http://www.usatoday.com>.
- British National Corpus [Electronic resource]. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

Демидова К.И.

Екатеринбург, Россия

**ВОЗМОЖНОСТИ
РЕГИОНАЛЬНОГО АСПЕКТА
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯКМ**

Demidova K.I.

Ekaterinburg, Russia

**THE POSSIBILITY OF THE
REGIONAL ASPECT IN STUDY
OF THE LANGUAGE WORLD
PICTURE**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ДЯКМ в системе НЯКМ и их причины

Ключевые слова: языковая картина мира, диалектная языковая картина мира, диалектное сообщество, диалектная личность, диалектная коммуникация, модусы диалектной речи.

Сведения об авторе: Демидова Калерия Ивановна, доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры общего языкознания и русского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: Demidova K I@mail.ru.

Abstract. The peculiarities of dialect language picture of the world in the system of national language picture of the world and their causes.

Keywords: linguistics world picture, the dialect linguistics world picture, the dialect association, the dialect individual, the dialect communication, the modus of dialect speech.

About the Author: Demidova Kalerija Ivanovna, doctor of Philological Sciences; Professor; Professor of the Chair of General Linguistics and Russian Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Языковая картина мира (ЯКМ) в современной науке исследуется в разных аспектах. Она рассматривается как субъективный образ объективного мира, отражённый в языке, при этом особое внимание обращается на то, что ЯКМ – это не зеркальное отражение мира, а результат репрезентации этносом окружающего пространства с позиции своего мироощущения, миропонимания.

ЯКМ изучается в разных научных направлениях, что даёт возможность анализировать различные её стороны, и следовательно, глубже и основательнее проникнуть в сущность изучаемого явления.

Лингвокогнитивное направление помогает исследованию способов концептуализации и категоризации картины мира и их вербализации в конкретном языке и его разновидностях, раскрывая и углубляя наши знания о мыслительных и номинативных процессах.

Исследование ЯКМ в лингвокультурологическом направлении даёт возможность показать, что язык – феномен культуры, в котором отражается определённое мировидение носителями того или иного

языка, обусловленное особенностями этнической и субэтнической культуры, раскрыть причины различий в ЯКМ разных этносов и субэтносов. Например, в говорах Урала смотрины невесты номинируются неодинаково: *пучеглазник*, *долгоглядство*, *глядёны*, что связано с традициями и обычаями конкретного субсоциума (ср. внутреннюю форму указанных слов: *пучеглазник* – слово отражает типовую ситуацию “смотреть с интересом и удивлением”, как бы пучить глаза; *долгоглядство* – “смотреть приданое невесты долго, разглядывая”, слово *глядёны* соотносится со словами *глядеть*, *смотреть*).

При лингвоаксиологическом исследовании ЯКМ основное внимание обращается на ценностную информацию и её передачу в смысловой структуре слова. Например, понимая важность сельскохозяйственного труда в своей жизни, диалектоносители характеризуют период напряжённого сельского труда следующими словоформами: *без отхОда* (Красноуфимский район), *без передЫху* (Ирбитский), *беспере-мЕжку* (Таборинский). Одна и та же типовая ситуация “работать напряжённо, без отдыха” репрезентируется по-разному. В этих языковых единицах отражается и опыт крестьянской жизни, и понимание важности для субсоциума и для каждого его члена сельскохозяйственного труда, обеспечивающего их жизнь. Диалектная лексика выступает в качестве репрезентатора аксиологической информации.

В психолингвистическом научном направлении изучается процесс восприятия, порождения и представления окружающего мира и его вербализация в языке и речи, анализируются взаимоотношения языка и индивида, восприятие окружающего мира последним, при этом определяются особенности речемыслительной деятельности индивида, в частности выявляется характер ассоциативных образов и связей в сознании и речи людей, живущих на разной территории функционирования одного и того же языка, в данном случае русского языка. Например, в одних говорах Урала ягода *брусника* номинируется общенародным словом, мотивационным признаком номинации является цвет ягоды (общеславянское бруснь – “красный”), в других говорах эта же ягода называется словом *боровИка* (по месту произрастания).

При антропоцентрическом подходе к ЯКМ внимание исследователя акцентируется на важных в жизнедеятельности человека концептах и их репрезентации в языке, языковые явления анализируются в тесной связи с человеком, его мышлением и духовно-практической деятельностью. В речемыслительном процессе особое внимание уделяется выделению в смысловой структуре слова мотивационного признака, связанного с назначением называемого. Например, в некоторых го-

ворах Урала место на чердаке, где сушат бельё, номинируют словами: *бельевик* (Режевской район), *сушило* (Ачитский район: *мама поднялась на бельевик и развесила бельё*); перила на лестнице в дом словами: *дёржка*, *ухват* (за них можно держаться, чтобы не упасть). В подобных примерах проявляется понимание номинатором практической значимости для человека обозначаемого.

При этнолингвистическом подходе к ЯКМ изучается этнический опыт этноса и субэтноса и его реализация в языке.

Сказанное даёт основание утверждать, что в современной русской и зарубежной лингвистике наблюдается полипарадигмальный подход к изучению ЯКМ.

Цель настоящей статьи – показать на основе исследования языкового лексического материала уральских говоров в шести названных выше научных направлениях особенности ДЯКМ как одной из разновидностей НЯКМ и раскрыть причины её наличия, цели изучения.

Методология данного исследования может быть использована при изучении ДЯКМ иных этносов и субэтносов, а также других разновидностей национального языка.

Остановимся на некоторых базовых понятиях изучения ДЯКМ, которая определяется нами как территориальный вариант национального образа мира, отражённый в совокупности коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций диалектного сообщества: в традиционно-народном восприятии окружающего мира, имеющая особенности ЧДС (частных диалектных систем), включающих черты, обусловленные как языковыми, так и неязыковыми причинами. ДЯКМ – схема восприятия действительности, сложившаяся на протяжении многих веков существования социума, ограниченного определённой территорией, имеющего свою историю, природные, экономические, хозяйственные условия жизни, которые и определили его мировосприятие, мировидение. Формирование окружающей субэтнос среды происходило неодинаково на разной территории функционирования русского языка, что и обусловило языковые различия по говорам одного и того же этноса, наиболее ярко это проявляется в лексике.

Например, слово *селянка* в разных говорах Урала обозначает кушанье, которое готовят сельяне (принцип номинации – “кто готовит”), но конкретная реализация его зависит от традиций, образа жизни социума конкретной территории бытования языка: “овощная жидкая похлёбка” (Туринский, Тугулымский районы), “овощная запеканка” (Камышловский, Красноуфимский, Талицкий районы), “запеканка из взбитых с молоком или сметаной яиц” (Каменский район Свердлов-

ской области, Суксунский район Пермского края), “сладкая большая ватрушка” (Сухоложский, Таборинский, Асбестовский районы) и др.

Изучение лексико-семантического пространства как русского языка, так и других языков будет способствовать проникновению в глубины ЯКМ, выявлению языковых универсалий и национально-специфических черт этноса и его культуры.

ЧДС – минимальная территориально ограниченная система говора, обслуживающего диалектный социум небольшой территории, который сформировался в одинаковых исторических условиях и имеет черты макросистемы, в которую он входит, и свои уникальные, отличающие его от других микросистем одной и той же макросистемы.

Современное диалектное сообщество (субсоциум) - территориально ограниченный социум, сформировавшийся в условиях сельской культуры, имеющий особенности восприятия окружающего мира, репрезентируемые в говоре, обслуживающем эту часть социума.

Диалектное сообщество неодинаково: оно находится в зависимости от территории проживания, особенностей его формирования и окружающей среды обитания. Например, лес по берегу реки или озера один субсоциум уральской территории называет словом *тАльник* (Талицкий район), другой *бережИна* (Туринский район), третий *арёма* (Артинский район), четвёртый *водоохрАнка* (Таборинский район).

Каждое диалектное сообщество наряду с общими с другими диалектными сообществами чертами протекания познавательного процесса и его репрезентации в лексике говоров имеет и особенности, обусловленные прежде всего характером образно-ассоциативной деятельности головного мозга и выбором диалектным сообществом существенных признаков реалий объективного мира, а также принципов и моделей в процессе номинирования окружающей действительности и её составляющих. Ассоциативная связь во многом определяется условиями жизни, историей образования субсоциума и его культурой.

Например, игра в вышибалы в Слободотуринском районе номинируется словом *вышибАла*, в Режевском районе словом *напродолЯ*, в Ирбитском районе – *утки-охотники*. Мотивировочный признак первых двух слов – главное действие в игре: игроки одной команды мячом выбивают из круга игроков другой команды, затем команды меняются местами. Мотивировочный признак слова *напродолЯ* другой: мяч бросают вперёд, горизонтально (в длину). В основе названия *утки-охотники* лежит принцип “участники игры”. Одни участники игры, как охотники, пытаются попасть мячом в других игроков, которые, в свою очередь, как утки, стараются увернуться от преследователей.

Диалектная личность – субъект диалектного сообщества, тесно с ним связанный.

В обычной сельской коммуникации наблюдается переключение с диалектной речи на литературно-разговорную (дисгlossия) и возвращение диалектоносителя к родному говору (регрессия). Например, *Невеста-то неткошИха-непрямИха, одно слово лентЯйка* (Махнёвский район). И это определило выделение в диалектологической науке такого понятия, как модусы речи диалектоносителей, выбор которых зависит от характера коммуникантов, от обозначаемой реалии и других факторов. Обычно выделяют два модуса речи: модус свой (*Часто лемза говорят, когда что худо сделает и не на что не способен* - Богдановичский район) и модус чужой (*Вербочку у нас балечкой зовут* – Верхнепышминский район).

Образование диалектного сообщества уральской территории связано с рядом исторических факторов: 1) более поздним их образованием по сравнению с русскими говорами Европейской части России и на их основе (активное заселение уральской территории русскими началось со 2-ой половины XVI в.; в разные периоды заселения Урала русские переселенцы были носителями различных русских говоров: севернорусских, южнорусских, среднерусских, которые приносили на Урал и особенности своей культуры, мировосприятия); 2) исторически на одной и той же уральской территории оказались носители различных первичных русских говоров; 3) дальнейшая их оторванность от материнских говоров; 4) взаимодействие диалектного социума с аборигенами края: хантами, манси, татарами, башкирами и другими; 5) миграция внутри региона; 6) сложившиеся веками традиции, обычаи и т.д.

Русские переселенцы-крестьяне вступали в те или иные отношения с аборигенами края. В то же время русские переселенцы с разных территорий передавали друг другу особенности своих говоров, традиций, обычаев, сельской культуры, в рамках которой формировалось их мировосприятие, что имело большое значение для дальнейшего развития языковой среды на Урале как средства репрезентации культурных и лингвокультурных концептов в языке, с одной стороны, а с другой, изучение языковых репрезентаций в говорах Урала даёт возможность увидеть общие особенности, характеризующие ДЯКМ, и отличные, сформировавшиеся под влиянием таких факторов, как оторванность говоров Урала от материнских, своеобразие культурно-исторического и общественно-хозяйственного развития, связанного со спецификой заселения уральской территории русскими, с особенностями природ-

ных, климатических условий, различий в укладе жизни, культуре и т.д. Всё сказанное обусловило неоднозначность ДЯКМ на уральской территории.

Остановимся конкретнее на причинах наличия в ЯКМ такой её разновидности, как ДЯКМ. Прежде всего особенности диалектных систем объясняются наличием территориально обусловленных стереотипов отражения окружающего мира диалектными сообществами разного ранга. Во-первых, одной из особенностей мировосприятия диалектным сообществом окружающего мира является конкретно-образное и образно-эмоциональное его видение. Новые знания познавались и познаются через известные реалии, окружающие социум в повседневной жизни, их образы. Эта особенность мышления диалектоносителей является не только способом восприятия мира, но и основой мыслительного процесса, средством воздействия на психику и эмоциональный мир адресата. Характер видения окружающего мира современными диалектоносителями зависит от многих факторов, в том числе и от условий быта сельского жителя. Поэтому при процессе номинации в качестве ассоциативного образа диалектный социум использует реалии, окружающие его в повседневной жизни. Например, в говорах Урала непоседу номинируют словом *жИгало* через образ хорошо известного крестьянского предмета (*жИгало* – палка для ворошения углей в печи). Этим можно объяснить и высокую частотность антропоморфной модели и её разновидности бытийной метафоры в говорах вообще и говорах Урала в частности. Словом *заскрёбок* номинируют ребёнка, родившегося последним (ср. с прямым значением слова “остатки теста в квашне”).

Диалектный социум воспринимает себя в единстве с природой, поэтому в процессе номинации широко используются фитоморфная (основанная на образах окружающего растительного мира) и зооморфная (основанная на образах окружающего животного мира) метафоры. Например, местного коренного жителя называют словом *бурундук*, лежащую дымовую трубу именуют словом *бОров*; людей одного возраста в Туринском районе называют словом *роща*, в Нижнесергинском районе этим словом номинирует озимую пшеницу. Растительный и животный мир на разной территории неодинаковы, поэтому и образы для номинации в речи диалектоносителей разные.

Во-вторых, диалектное сообщество характеризует перцептивный тип познания, что во многом определяет конкретность образного осмысления окружающего и его номинирования. Например, словами

ожОг, ожИга уральские диалектоносители называют крапиву; окрошку словом *холоднИк*.

В-третьих, в условиях сельской культуры диалектное сообщество при номинации тех или других концептов репрезентируют, как правило, те признаки концепта, которые, с точки зрения конкретного диалектного сообщества, имеют практическую значимость в повседневной хозяйственной деятельности. Например, постройка для зимнего загона скота номинируется в говорах Урала словом *зимогОн*, сарай для повозок, саней и сельскохозяйственного инвентаря словом *закАтник* (*Закатывают туда возы, телеги, сани, вот и назвали закатник* – Кушв.) и т.д.

В-четвёртых, речемыслительный процесс и результаты его номинирования происходят неодинаково на разной территории бытования национального языка. Поэтому, например, несозревшую ягоду в разных уральских говорах называют неодинаково: *зрЕлка, однобОк, односторОнка, зЕлень и зеленУшка*.

Выше отмечалось, что одна из особенностей ДЯКМ – её неоднородность на разной территории, что можно также объяснить различиями в субэтнической среде проживания, в образно-ассоциативных представлениях диалектных сообществ, живущих на разной территории Урала: ср., номинации жареного картофеля: *жарёнки* и *рЯбчик*; названия дремучего леса: *урёма, сузёмок, глухотА, трещОба*.

Особенности ЧДС связаны с тем, что каждый субсоциум формировался не в одинаковых условиях, и его мироощущение денотативно-пространства было неодинаковым, с чем связан и выбор мотивировочных признаков при номинации. Например, см. приведённые выше слова *бережИна, водоохрАнка, тальник, арёма*.

В-пятых, при рассмотрении причин наличия диалектных разновидностей НЯКМ нельзя не учитывать и характер протекания в системах диалектов общеязыковых процессов, например, процесса семантического отталкивания, сущность которого заключается в том, что при наличии в говоре нескольких слов, обозначающих одно и то же, между ними происходит перераспределение значений, и слова приобретают новые значения; в разных ЧДС уральской территории он охватывает неодинаковые группы слов, что приводит к различиям плана их содержания. Например, в красноуфимском говоре слово *гАсник* обозначает тонкий пояс для праздничной мужской одежды, а слово *опоЯска* используется для наименования пояса для будничной мужской одежды. В говоре Новолялинского района указанные слова являются лексическими вариантами.

Таким образом, ДЯКМ. – одна из форм территориальной реализации общенациональной ЯКМ, заключающейся в традиционном восприятии окружающего мира и имеющей особенности ЧДС, обусловленные как языковыми, так и неязыковыми причинами.

Криворот В.В.

Минск, Республика Беларусь
**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
ИСТОРИЗМОВ РУССКОГО
ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ
НАИМЕНОВАНИЙ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ)**

Аннотация. Данная статья посвящена ономасиологическому исследованию историзмов русского языка, обозначающих транспортные средства. Цель исследования – определить роль основных способов номинации в образовании устаревших наименований транспортных средств.

Ключевые слова: ономасиология, историзм, архаизм, способ номинации, морфемная деривация, семантическая деривация.

Сведения об авторе: Криворот Виктория Владимировна, аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета.

Контактная информация: 220136, г. Минск, ул. Одицова, 115, к. 53.
e-mail: victoriakrivorot@gmail.com.

Krivorot V.V.

Minsk, Belarus
**THE ONOMASIOLOGICAL
CHARACTERISTIC OF RUSSIAN
HISTORICISMS (ON THE
MATERIAL OF NAMES OF
VEHICLES)**

Abstract. This article is devoted to the onomasiological study of Russian historicisms denoting vehicles. The purpose of the study is to determine the role of the main ways of nomination in the formation of obsolete names of vehicles.

Keywords: onomasiology, historicism, archaism, way of nomination, morphemic derivation, semantic derivation.

About the Author: Krivorot Victoria Vladimirovna, post graduate student of the Chair of theoretical and Slavic linguistics of Belarusian State University.

Ономасиология изучает слова как средства обозначения отдельных фактов действительности. Номинация рассматривается как познавательный и номинативно-классификационный процесс именования и результат этого процесса (сама лексическая единица).

При ономасиологическом исследовании современной лексики отдельно взятого языка весьма полезным оказывается анализ устаревших слов, которые представлены в ограниченном количестве в толковых словарях современного языка и наиболее полно в словарях историзмов и архаизмов. Под устаревшими словами мы понимаем слова, которые вышли из активного употребления, но сохранились в пассивном словаре. Обычно носители языка понимают значение этих слов. По своему происхождению они бывают исконно русскими (*волокуша, капитан, роспуски, дрожки, пролетка*), ст.-славянскими (*воз, колесница, ладья*) или заимствованными из других языков (*бричка, дилижанс*,

кабриолет, галера, тендер и т.д.).

Все устаревшие слова делят на два вида: архаизмы и историзмы. Архаизмы – это слова, которые называют существующие реалии, однако они были вытеснены из употребления современными более подходящими и приемлемыми синонимами. Кроме лексических архаизмов выделяют также семантические архаизмы, которые обозначают устаревшие значения слов, относящихся к активному словарю. Н.М. Шанский отмечает, что архаизмы обычно используются авторами различных произведений, чтобы создать колорит эпохи и воссоздать реальную историческую обстановку и речь героев, придать торжественный стиль либо, наоборот, использовать как средство создания комического в произведениях юмористического и сатирического характера. Историзмы используются с теми же целями, однако их употребление может быть продиктовано также не столько стилистической целью, сколько желанием выразить исчезнувшие понятия и явления в различных исторических произведениях [Шанский 2009: 164-166].

Историзмы – это слова или устойчивые словосочетания, которые означают исчезнувшие реалии (явления, предметы, вещи и т.д.). Эти реалии могут относиться как к далекому прошлому, так и к недавним эпохам. Историзм может также являться одним из значений многозначного слова. Зачастую, в качестве обозначения новых реалий, историзмы снова могут войти в активный словарь. В таком случае они сохраняют свою формальную сторону, изменяя содержательный компонент, т.е. приобретая новое значение [Языкознание: 540]. Так, например, *колымага* ‘старинный закрытый четырёхколесный экипаж’ > ‘*пре-небр.* о громоздкой, неуклюжей повозке, машине и т.п.’; *тарантас* ‘дорожная крытая четырехколесная повозка на длинных дрогах’ > ‘приходящий в негодность автомобиль’ (*Не машина, а тарантас какой-то!*)

Среди историзмов, относящихся к транспортной лексике можно выделить несколько групп слов в зависимости от вида транспорта (например, сухопутного, морского и др.). Устаревшая лексика водного транспорта представлена такими заимствованными наименованиями как *галера* ‘старинное гребное многовесельное военное судно, на котором гребцами были обычно рабы, каторжники и пленные’ < итал. *galera*. Итал. *galera* (с XV в.) является изменением более древнего *galea* (XI-XII вв.), заимствованного из греч.-визант. *γαλέα* ‘мелкий хищник’. Судно названо по признаку скорости движения [Этимологический словарь 1972: 14]. Первая такая галера, заказанная Петром I в Голландии, появилась в Москве в 1695 г. Производство галер прекра-

тилось с появлением парусного флота [Аркадьева 2005: 28-29]. Значение формы мн. ч. *галеры* ‘наказание для осужденных на каторжные работы – принудительный труд в качестве гребцов на таких судах’ сохранилось и используется в качестве образного выражения и в наши дни (*отправить на галеры* ‘заставить старательно трудиться’, *работать как раб на галерах* ‘выполнять очень сложную работу’).

В России до 1917 г. существовали *каторги* ‘гребные суда типа галер, на которые преступники ссылались в гребцы’. Слово *каторга* является древне-русским заимствованием из ср.-греческого *katargon* ‘галера’, которое являлось суффиксальным производным от *katergō* ‘принуждать’. При Петре I каторга комплектовалась матросами, военнопленными и осужденными. Работа гребцов на таких судах была очень суровым наказанием, именно поэтому название кораблей приобрело в дальнейшем новые значения ‘особый вид наказания: содержание заключенных в тюрьмах с особо суровым режимом и с привлечением к тяжелому физическому труду’, а также ‘непосильный изнурительный труд, невыносимо тяжелая жизнь’.

К данной группе относятся также *галеас* ‘парусно-гребной военный корабль XVI-XVII вв.’ < франц. *galéace* или голл. *galeas* < итал. *galeazza* ‘большая галера’; *галион* ‘старинное испанское или португальское военное трехмачтовое судно, которое имело до 100 орудий и отряд солдат до 500 человек’ < исп., порт. *galion*; *галиот* ‘старинное двухмачтовое транспортное судно с прямыми парусами на передней мачте и с косыми – на кормовой мачте’ < франц. или голл. *galiot*; *тендер* ‘в России 1-ой пол. XIX в.: небольшой одномачтовый военный корабль с косым парусным вооружением и несколькими пушками’ < англ. *tender* < англ. *tend* ‘обслуживать’. В активном словаре слово *тендер* используется также в значении ‘вагон специальной конструкции, сцепленный с паровозом и предназначенный для хранения запасов воды, топлива и размещения вспомогательных устройств’.

Слово *ладья* ‘град.-поэт. судно, большая гребная и парусная лодка’ было заимствовано и фонетически переоформлено из ст.-славянского языка, где *ладии*, образовано с помощью суффикса *-*iji* от **oldь*. Фасмер рассматривает слово *ладья* как исторически неправильную форму вместо *лодья* [Этимологический словарь 1999: 13]. Первоисточником является и.-е. корень **aldh-* ‘корыто’. Ладьи существовали со времен Древней Руси до XVIII в., когда их постройка была прекращена по указу Петра I.

В группе сухопутного транспорта выделяется ряд историзмов, обозначающих названия конных экипажей, карет и повозок. Среди них

отмечаются многочисленные заимствованные наименования. Например, слово *бричка* ‘старинная лёгкая дорожная повозка (иногда с откидным верхом) было заимствовано в первой половине XIX в. из польск. *bruczka* ‘лёгкий возок (полукрытый)’; *дилижанс* ‘многоместная карета, запряжённая лошадьми, для регулярной перевозки пассажиров и почты’ заимствовано в конце XVIII в. из франц. *diligence* ‘дилижанс’; *дормез* ‘старинная дорожная карета, оборудованная для сна в дороге’ из франц. *dormeuse* ‘дормез’; *кабриолет* ‘лёгкая двухколёсная повозка с одним сиденьем без козел, в которую впрягается одна лошадь’ (конец XVIII в.) из франц. *cabriolet* ‘кабриолет’ или нем. *Kabriolett* ‘кабриолет’; *карета* ‘закрытый со всех сторон четырехколесный конный экипаж на рессорах’ (середина XVII в.) из польск. *kareta* ‘карета’; *тильбюри* ‘в России XIX в.: легкий открытый рессорный экипаж, управляемый самим пассажиром, в который запрягалась одна лошадь’ из англ. *tilbury*, названного по фамилии изобретателя этого экипажа Tilbury. Такие экипажи любили молодые аристократы, которые следовали французской моде. В России XVIII-XIX вв. была довольно распространена легкая рессорная одноконная повозка для одного человека под названием «*эгоистка*» (от франц. *égoïste* < лат. *ego* ‘я’). Наименование образовано способом семантической деривации на основании образного сравнения. Пассажир этой повозки сам правил лошадью, сидя верхом на узком сиденье.

Среди собственно русских наименований сухопутных средств передвижения, которые перешли в разряд историзмов, следует отметить *гуляй-город* ‘в Московском государстве XVI в.: подвижное (на колесах или полозьях) сборное укрепление из брусчатых или дощатых щитов’. Такое подвижное укрепление, которое было применено впервые в 1530 г. при осаде Казани, могло вмещать воинов и орудия [Аркадьева 2005: 38]. Данное наименование образовано путем словосложения. Наименования *двуколка* ‘двухколесная повозка’ и *одноколка* ‘лёгкий двухколесный экипаж’ являются сложными суффиксальными образованиями на базе *дву-* (одно) и *коло* ‘колесо’. *Извозчик* в значении ‘наемный экипаж с кучером’ образовано способом семантической деривации (метонимического переноса) от *извозчик* ‘лицо, правившее лошадьми, запряженными в наемную повозку’. Примером использования конверсии, и в частности субстантивации прилагательного, является наименование *перекладные*, которое в России до 1917 г. обозначало почтовый экипаж для перевозки почтовых отправок и пассажиров, лошади которого менялись на почтовых станциях. Прилагательное *перекладные* образовано от глагола *перекладывать* в значении ‘заклады-

вать, впрягать лошадей снова; перепрягать’.

Таким образом, анализ устаревшей транспортной лексики показал, что данные наименования образовывались с помощью способов номинации, характерных современному состоянию русского языка: морфемной деривации, семантической деривации и заимствований. Наибольшее количество проанализированных слов представляют заимствования, за ними следуют морфемные дериваты и семантические дериваты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Аркадьева Т. Г. Словарь русских историзмов: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – 228 с.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие. – 4-е изд., доп. – М.: Либроком, 2009. – 312 с.

Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1972. – Т.1, вып. 4. – 215 с.

Этимологический словарь русского языка / под ред. А.Ф. Журавлева, Н.М. Шанского. – М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1999. – Т. 2, вып. 9. – 240 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Ларцева Е.В.

Екатеринбург, Россия

**ПРОБЛЕМА
МЕЖВАРИАНТНОГО
ЗАЙМСТВОВАНИЯ В СВЕТЕ
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ
ЗАЙМСТВОВАНИЯ**

Аннотация. Изучается понятие меж-вариантного заимствования на материале американских заимствований в британском варианте английского языка, демонстрирующих специфику заимствования из одного национального варианта в другой. Определяются системные связи исследуемого термина с коррелятивными терминами (вариантное заимствование, внутреннее заимствование).

Ключевые слова: заимствование, межвариантное заимствование, американизм, британский вариант, американский вариант.

Сведения об авторе: Ларцева Екатерина Владимировна, ассистент кафедры германской филологии.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина.

Контактная информация: 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 208.
e-mail: ekalarceva@yandex.ru.

Lartseva E. V.

Ekaterinburg, Russia

**THE PROBLEM OF INTER-
VARIETY BORROWING IN
LIGHT OF THE GENERAL
THEORY OF BORROWING**

Abstract. The article considers the notion of inter-variety borrowing with reference to American loanwords in British English, which demonstrate the specific character of the process of borrowing from one national variety into another. The author reveals the system connections of the term under consideration with correlative terms (variety borrowing, internal borrowing).

Keywords: borrowing, inter-variety borrowing, Americanism, British English, American English.

About the Author: Lartseva Ekaterina Vladimirovna, assistant lecturer of Germanic Philology Department.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Заимствование является одним из фундаментальных понятий языкознания (прежде всего, исторической лексикологии, социолингвистики, контактологии), имеющих длительную историю исследования как в российской, так и зарубежной науке. Вопросы заимствования не теряют актуальности и сегодня, получая новое осмысление в условиях интенсивных языковых контактов, динамизма языковых состояний, связанного с мобильностью населения и активным развитием информационных технологий, а также в контексте глобализации и широкого распространения английского языка в мире, в особенности, его американского варианта.

© Ларцева Е.В., 2014

Следует признать, что целый ряд проблем, связанных с изучением заимствований, до сих пор остается нерешенным. В контексте динамических процессов в области полинациональных языков мало исследованным является вопрос *межвариантных заимствований*, то есть заимствований из одного варианта полинационального языка в другой. Цель статьи – изучить понятие межвариантного заимствования на материале американских заимствований в британском варианте английского языка, демонстрирующих специфику заимствования из одного национального варианта в другой, а также определить системные связи исследуемого термина с другими терминами, именующими заимствования из одного национального варианта языка в другой (*вариантное заимствование, внутреннее заимствование*).

Использование термина *межвариантное заимствование* не имеет богатой традиции в отечественной лингвистической науке. Несмотря на это, проблематика, связанная с взаимодействием вариантов единого полинационального языка, в частности, американского и британского вариантов английского языка и спецификой функционирования американизмов в британском варианте, ставится в ряде отечественных работ [Черняков 1993; Чурюканова 2004; Варганова, Руськина 2005; Ибрагимова 2011]. В указанных исследованиях термин *межвариантное заимствование* употребляется наряду с коррелятивными терминами *вариантное заимствование* и *внутреннее заимствование*. Этот факт свидетельствует о том, что термин не устоялся в научном обиходе и нуждается в отдельном рассмотрении.

В русле англистики дискуссионным является вопрос о придании статуса заимствований американизмам, функционирующим в британском варианте английского языка. Тем не менее анализ трудов, появившихся в нашей стране в течение последних двух десятилетий и посвященных роли и тенденциям функционирования американизмов в британском варианте английского языка, позволяет говорить о доминировании подхода, при котором взаимодействие американского и британского вариантов английского языка исследуется в рамках теории языковых контактов. Как следствие, американизмы рассматриваются в качестве заимствованных элементов в системе британского английского языка. Вслед за Е.О.Чурюкановой, мы полагаем, что в данном случае нельзя говорить о заимствовании в чистом виде, но нельзя и отождествлять микросистемы британского и американского вариантов английского языка, поскольку они обладают различительными элементами, возникающими в результате развития наций и отражающими их культурное своеобразие. Единицы американского варианта функцио-

нируют в британском варианте английского языка как национально-маркированные единицы, воспринимаясь носителями британского английского языка как знаки чужой, иной культуры, что позволяет относить их к заимствованиям особого рода. Е.О.Чурюканова определяет их как *вариантные заимствования* [Чурюканова 2003: 34].

Теперь остановимся на термине *межвариантное заимствование* в его отнесенности к другим терминам ряда и поясним выбор именно такого термина в рамках нашего исследования. Соглашаясь с положениями Е.О.Чурюкановой касательно статуса американизмов в британском английском языке, мы, в свою очередь, полагаем, что термин *вариантное заимствование* требует коррекции в силу того, что может использоваться в лингвистической литературе в двух смыслах. Во-первых, вариантное заимствование — это «перемещение и результат этого перемещения инвариантного материала из одной микросистемы в другую» [Чурюканова 2003: 34]. Однако в лингвистической литературе встречается и другое употребление термина, согласно которому под вариантными заимствованиями понимаются параллельно функционирующие фонетические, грамматические и словообразовательные варианты заимствованного слова (см., например, статью Г.Ф.Благовой «Вариантные заимствования *турок – тюрк* и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)» [Благова 1972]).

Как было отмечено выше, в литературе, посвященной взаимодействию национальных вариантов языка, наряду с термином *вариантное заимствование* употребляется термин *внутреннее заимствование*, традиционно противопоставляемый понятию внешнего, или иноязычного, заимствования. Термин *внутреннее заимствование* также используется неоднозначно, отражая не только взаимодействие национально-территориальных вариантов полинационального языка, но также пополнение словарного фонда литературного языка элементами диалектов и жаргонов.

Так, Е.В.Маринова определяет внутреннее заимствование как «проникновение в литературную разновидность национального языка (литературный язык, стандарт) единиц из других его вариантов (из диалектов и социолектов – профессиональных, социальных и возрастных жаргонов, то есть из субстандарта); сам результат такого проникновения (конкретная лексическая единица)» [Маринова 2013: 81].

В зарубежной лингвистической науке такого подхода придерживается М.Герлах, который определяет соответствующий русскому англоязычный термин *internal borrowing* как процесс заимствования, в ре-

зультате которого происходит перемещение элементов территориальных и социальных диалектов, просторечия, жаргонов в литературный язык [Görlach 2001: 158]. Отметим, что в классификации Л. Блумфилда для обозначения заимствованных явлений, которые приходят из того же самого языкового ареала, используется термин *диалектные заимствования*. От них отличаются *заимствования из области культуры* (*cultural borrowings*), когда заимствованные явления приходят из другого языка [Блумфилд 1968: 487-488].

С.И.Ибрагимова использует термин *внутренние заимствования* широко, включая в него *межвариантные заимствования* (заимствования из одного национального варианта языка в другой) и заимствования литературным языком элементов сленга и социальных диалектов. Исследовательница подчеркивает особую роль внутренних заимствований в системе английского языка, отмечая усиление тенденции пополнения лексико-фразеологического фонда английского языка посредством собственных языковых ресурсов в последние десятилетия. Данный процесс, по мнению С.И.Ибрагимовой, предопределён поливариантностью и полифункциональностью английского языка, взаимодействием его национальных вариантов и социально-функциональных подсистем. В частности, благодаря межвариантным заимствованиям макросистема английского языка пополняется не только новыми лексическими и фразеологическими единицами (как в случае межъязыковых заимствований), но и лексико-семантическими вариантами слов и даже новыми словообразовательными моделями и элементами [Ибрагимова 37].

Отметим, что термин *межвариантное заимствование* использует и А.Д.Швейцер, говоря о динамике взаимодействия и взаимопроникновения американского и британского вариантов в области лексики [Швейцер 1971: 184, 189].

Таким образом, следует признать, что коррелирующие термины *межвариантное заимствование*, *вариантное заимствование*, *внутреннее заимствование*, безусловно, демонстрируют близость, отражая активные процессы в рамках одного языка, пополнение и обновление словарного состава за счет внутренних ресурсов языковой макросистемы. Вместе с тем, используемый в нашем исследовании термин *межвариантное заимствование* представляется более определенным и однозначным, чем близкие термины *внутреннее заимствование* и *вариантное заимствование*, которые имеют различные значения. В настоящей работе мы будем понимать под ним, вслед за А.Д.Швейцером и С.И.Ибрагимовой, заимствование (как процесс и результат этого

процесса – лексическую единицу) из одного национально-территориального варианта языка в другой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Görlach M. Eighteenth-Century English.–Heidelberg: Winter, 2001. – 392 p.
Благова Г.Ф. Вариантные заимствования турок - тюрк и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник. 1972 / АН СССР; Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1972. – С. 93-140.

Блумфилд Л. Язык. – М: Прогресс, 1968. – 606 с.

Варганова Е.Н., Руськина В.Г. Влияние американского варианта на британский вариант английского языка и тенденции его развития // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. – Саранск: Мордовский государственный университет имени Н.П.Огарева., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-2538.html?page=15>.

Ібрагімова С.І. Типологія та парадигматичні відношення міжваріантних запозичень сучасної англійської мови // Культура народів Причорномор'я. – Симферополь, 2011. – No 209. – С. 37-39.

Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. – М., 2013. – 239 с.

Черняков В.В. Современные американские заимствования в британском варианте английского языка (семантико-прагматический анализ): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 1993. – 16 с.

Чурюканова Е.О. Американизмы в британском и русском газетном стиле: сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. обл. пед. ин-т. – М., 2003. – 290 с.

Швейцер А.Д. Литературный язык в США и Англии. – М., 1971. – 200 с.

Телегина Е.В.

Екатеринбург, Россия

**НЕКОТОРЫЕ ЗНАЧЕНИЯ
ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Статья посвящена описанию числительных в поле количественности. Числительные русского и английского языков составляют центр количественных слов, реализующих понятие числа. Числительные используются для номинации точного, приблизительного и неопределенного числа. Рассматриваются также значения числительных в составе ФЕ.

Ключевые слова: количественные и порядковые числительные, значение, фразеологические единицы.

Сведения об авторе: Телегина Елена Васильевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Место работы: ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Контактная информация: 620020, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, ауд. Т-616.
e-mail: elenatel09@rambler.ru.

Telegina E.V.

Ekaterinburg, Russia

**SOME MEANINGS OF
NUMERALS IN THE RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES**

Abstract. The article is devoted to the description of numerals in the field of quantity. Russian and English numerals are considered to be the center of the quantitative words which realize the concept of the number. Numerals are used to nominate the exact, approximate and indefinite number. The meanings of numerals in phraseological units are also given.

Keywords: cardinal and ordinal numbers, meaning, phraseological units.

About the Author: Telegina Elena Vasilievna, senior lecturer of Foreign Languages Department.

Place of employment: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin».

Количество как понятийная категория, выражающаяся средствами языка, является предметом лингвистики. О необходимости выяснения соотношения языкового и математического количества писал И. А. Бодуэн де Куртене: «вместе с количественным математическим мышлением следует рассматривать и количественную сторону языкового мышления» [Бодуэн де Куртене 1963:312-313].

В языке понятийные категории представлены в семантических категориях, образующих функционально-семантическое поле (ФСП) со своей структурой, центром и периферией. Проблема поля в разных его аспектах рассматривается в исследованиях А.В. Бондарко, В.В. Акуленко, М.М. Копыленко, С.А. Швачко и др.

© Телегина Е.В., 2014

В.А. Бондарко определяет ФСП как «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне [Бондарко 2003:4].

Структура функционально-семантического поля количественности рассматривается исходя из многообразных типов квантитативных значений и средств их выражения в языке.

Так, в концепции В.А. Бондарко поле количественности опирается, с одной стороны, на грамматическую категорию числа, а с другой – на имена числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адverbальные показатели квантитативных отношений [Бондарко 2002:288].

Целью данной статьи является рассмотрение значений имен числительных, которые занимают центральное место среди лексических средств выражения количества.

В.В. Акуленко отмечает, что центральное место числительных в поле определенного количества обусловлено их соотносительностью с натуральным рядом чисел, способностью к замещению нумеральных слов, используемых для выражения точного и неточного числа [Акуленко 1990:49].

Имя числительное в свободном употреблении, выступая в собственном значении, указывает на точное количество, например, *семь столов; seven tables*. В сочетаниях с именами существительными семантика, в частности, количественных числительных совмещает сему количества, сему признаковости и сему предметности, которые лежат в основе категориального значения числительных [Чеснокова 1997:73].

Точное количество может быть выражено с помощью конструкции “числительное + раз” / “numeral + time (s)”: *один раз, the first time*.

В концепции В.В. Акуленко наряду с полем нумеральности в составе поля определенной количественности существует поле единичности, центр которого объединяется вокруг количественного числительного *один / one*.

Остановимся подробнее на числительном *один/one*, которое отличается многозначностью в сопоставляемых языках.

Кроме основного лексического значения “единица” числительное *один / one* имеет значение “один из множества”, что обусловлено историческим развитием языковых форм, в которых «одно» противопостав-

лялось «многим». Например, *Москва – один из крупнейших мировых финансовых центров. She is one of the nicest people I know.*

В составе фразеологических единиц числительное *один* используется для создания эмоционального эффекта или противопоставления: *ни одной живой души, один ум хорошо, а два лучше; one and only, two heads are better than one.* Кроме того, данное числительное реализует значение одномоментности совершаемого действия в некоторых фразеологических единицах: *одним словом, в один присест; in one word, in one stroke of the pen.* В английском языке числительное *one* может выражать оценку качества предмета: *number one* [Акуленко 1990:200].

К периферии поля нумеральности относятся порядковые числительные, которые реализуют значение единичности, поскольку указывают на место в счетном ряду: *десятый класс; the first rule.*

На парадигматическом уровне, как отмечает С.А. Швачко, порядковые числительные сходны с количественными числительными, но их различия выявляются в контексте. Порядковые числительные приобретают признаки качественности (*первый ученик, второй сорт; of the first order, at second hand*), тогда как количественные числительные реализуют как точное, так и неточное число (*один мяч, one balls*) [Швачко 1981:27].

По морфологическим и синтаксическим признакам порядковые числительные сходны с прилагательными, что послужило основанием включать их в разряд относительных прилагательных [Лукин 1987:48]. В русском языке порядковые числительные так же, как и прилагательные, имеют три формы рода, две формы числа, изменяются по падежам и числам. Однако в формах множественного числа порядковые числительные свободно не употребляются: *пятые сутки.*

Л.Д. Чеснокова, анализируя порядковые числительные в их функционально-коммуникативном аспекте, отмечает, что порядковые числительные в форме мн. числа употребляются редко, чаще всего в сочетаниях с именами существительными *pluralia tantum*: *вторые сутки; третьи джинсы* [Чеснокова 1997:125]. Формы мн. числа порядковых числительных получили в языке особое значение – значение десятилетия: *сороковые, семидесятые годы.* Кроме того, формы мн. числа данного типа числительных возможны в сочетаниях *первые этажи, восьмые классы,* в которых актуализируются значения определенного и неопределенного количества. В сочетаниях *первые блюда, вторые блюда, третьи блюда* порядковые числительные реализуют семантику качества. Например, выражение *первые блюда* означает “жидкие блюда на

мясном, рыбном, овощном бульоне, обычно горячие” [Чеснокова 1997: 127].

Следует отметить, что слово *первый* наиболее многозначно в системе порядковых числительных. Например, порядковое числительное *первый* может означать не только “первый по счету”, но и “лучший”, “главный”: *Сегодня Гарлицкий – первый скрипач в оркестре в Лионе и профессор Парижской консерватории* [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

В словосочетаниях *в первое время, первая молодость, с первого взгляда* числительное *первый* синонимично прилагательным “начальный”, “ранний”: *Первая молодость воспевает любовь, более поздняя – смятения* [Александр Архангельский. Александр I (2000)].

В некоторых устойчивых выражениях *первый* выступает как синоним прилагательного “случайный”, например, *первый встречный*: - *Да какой же вы, Александр Львович, первый встречный!* [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993-2003)].

Значение начала действия, а не значение количества передает порядковое числительное *первый* в выражении *первые слова*: *Наша кухня первые слова произнесла в пять лет, когда ей дали прокатиться на пони* [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001].

Отличительной чертой слова *первый* является способность вступать в ассоциативные связи. *Первый сорт* ассоциируется с *высшим сортом* и противостоит *низкому качеству, третьему сорту*; *первый вагон – последнему вагону, первый человек – плохому человеку* [Швачко 1981:28].

Кроме числительного *первый*, наиболее полисемантическими в счетном ряду являются *второй, третий, седьмой, девятый*. Так, порядковые числительные *седьмой, девятый* актуализируют значение неопределенного множества во фразеологических единицах (*седьмая вода на киселе*); значение неопределенно-большого количества (*охотника девятая заря кормит*); значение отвлеченности (*девятый вал*); значение максимума возможного (рус. *на седьмом небе*; англ. *be in seventh heaven*).

Таким образом, порядковые числительные характеризуются специфической смысловой структурой и обладают признаками, присущими как числительным, так и прилагательным.

Перейдем к рассмотрению других значений, которые числительные способны актуализировать в сопоставляемых языках.

В процессе фразеологизации числительные утрачивают семы нумеральности, приобретая значение неопределенно большого или малого количества. Например, числительные *один, два / one, two* часто реали-

зуют значение малого количества в составе фразеологических единиц: *раз-два и обчелся / two or three*.

Значение неопределенного множества может реализоваться на синтаксическом уровне: *один ум хорошо, два лучше; у семи няnek и дитя без глаза; it takes two to make a company; two heads are better than one*. Прежде всего, данное значение реализуют числительные *три / three, четыре / four*, поскольку понятия «три», «четыре» когда-то служили крайним пределом чисел и выступали символом множества. Например, *наврать (наговорить) с три короба; the three tailors of Tooley Street; на все четыре стороны, жить в четырех стенах*.

Из числа числительных русского и английского языков особо следует выделить числительное *семь / seven*, которое сохранило свое исходное значение «много» во фразеологизмах [Швачко 1981:126]. Например, *семеро одного не ждут, семь потов сошло; seven stars of destiny*. В отличие от английского языка в русском языке фразеологических единиц, содержащих числительное *семь*, гораздо больше. Особое выделение числа *семь*, по словам В.В. Акуленко, связано с универсальным интересом к этому “магическому числу” [Акуленко 1990:202].

Известно, что фразеология является один из наиболее национально-специфических пластов языка. Особенности культуры, истории и традиций народа отражены также во фразеологических единицах, содержащих нумеративы. Так, счет девятками, существовавший у наших предков, отражен во фразеологизмах русского языка *за тридцать земель, тридцатое царство*, квантитативные компоненты которых сочетают неопределенно-количественное значение “много-несколько” и значение превосходной степени.

Культурно специфическим также является фразеологизм русского языка *сорок сороков*, в котором числительное *сорок* реализует значение «много». Известно, что числительное *сорок* когда-то было количественным словом, которым называли сорок шкурок для пошивки шубы.

В литературе отмечается (Швачко 1981), что в английском языке круг числительных в составе фразеологических единиц шире, чем в русском языке.

В английском языке значение неопределенно большого количества могут реализовать числительные высокого порядка: *to have fifty things to tell* – много новостей [Акуленко 1990:203]. Для русского языка, как отмечает С.А. Швачко, не характерно употребление числительных, соответствующих английским *sixty, forty, fifty, ninety* [Швачко 1981:131]. Однако в русской речи употребление числительных высокого порядка возможно в юмористическом контексте: *У меня очень много связей в*

Италии, я двадцать пять раз беседовала с женой Челентано [Е. Черных. Будет вам Мадонна, будут Шер и Принс // Комсомольская правда (2004)].

Кроме значения неопределенно большого количества числительные высокого порядка в составе фразеологических единиц могут реализовать значение качественно-оценочное: *to look (feel) like a million dollars; на все сто*.

В некоторых фразеологизмах английского языка числительные высокого порядка могут усиливать значение фразеологизма, придавая большую экспрессивность: *like a hundred (thousand ton) of bricks*.

Таким образом, в языке точное указание на количество выражается посредством числительных, которые являются ядром поля определенного количества. Кроме точного числа, числительные используются для номинации приблизительного и неопределенного числа. В составе фразеологизмов числительные могут десемантизироваться, реализуя значение неопределенного количества, а также развивать качественные оттенки значения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бодуэн де Куртене И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 312-313.
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики на материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 208 с.
- Категория количества в современных европейских языках / В.В. Акуленко, С.А. Швачко [и др.] – Киев: Наукова думка, 1990. – 284 с.
- Лукин М.Ф. К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1987. – №6. – С. 43-51.
- Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 354 с.
- Чеснокова Л.Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. – Ростов н/Д.: Гефест, 1997. – 292 с.

Швачко С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. – Киев: Вища школа, 1981. – 144 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: www.ruscorpora.ru.

Федуленкова Т.Н., Глебова Д.А.

Владимир, Россия

**ТРИ ИЗОМОРФНЫЕ
СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ
ГЛАГОЛЬНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННЫХ
ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Fedulenkova T.N., Glebova D.A.

Vladimir, Russia

**THREE ISOMORPHIC
STRUCTURAL MODELS OF
VERBAL PHRASEOLOGICAL
UNITS IN MODERN GERMANIC
LANGUAGES**

Аннотация. Теоретической базой работы является фразеологическая концепция А.В. Кунина и его метод фразеологической идентификации и структурно-типологическое учение В.Д. Аракина. Результат анализа – выявление наиболее частотных изоморфных моделей в глагольной фразеологии изучаемых языков.

Ключевые слова: фразеологические единицы, изоморфизм, модель, типология.

Abstract. The basis of the paper is the phraseological conception and the method of phraseological identification suggested by A.V. Kunin and the comparative-typological conception by V.D. Arakin. The result of the analysis is the most frequent isomorphic models in the verbal phraseology of the languages under study.

Keywords: phraseological units, isomorphism, model, typology.

Сведения об авторах: Федуленкова Татьяна Николаевна, член-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры ИЯПК.

Глебова Дарья Андреевна, преподаватель немецкого языка.

Место работы: Владимирский государственный университет.

Контактная информация: 600005, г. Владимир, ул. Горького, 87 – 101.
e-mail: fedulenkova@list.ru.

About the Author: Fedulenkova Tatiana Nickolaevna, RANH correspondent member, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages PC.

Glebova Daria Andreevna, German teacher.

Place of employment: Vladimir State University.

В процессе исследования фразеологии, вслед за А.В. Куниным, целесообразным считаем включение в параметрическое описание, наряду с изучением семантической стороны ФЕ, также изучение строения фразеологических единиц, так как «без этого нельзя изучать их свойства» [Кунин 1996: 105].

Необходимость детального изучения структурного состава фразеологических единиц диктуется, в основном, двумя причинами. Во-первых, одной из задач современной сопоставительной лингвистики и лингвистической типологии является задача компрессии структуры языка, т.е. такое ее свертывание, которое дает возможность предельно экономно и в то же время единообразно кодировать информацию о

данной структуре. Так, например, Б.А. Успенский предлагает «сводить структуру каждого языка к определенному структурному ядру, к какой-то ядерной формуле, в которой была бы заключена информация, достаточная для того, чтобы восстановить по этой формуле структуру языка в его первоначальном виде» [Успенский 1969: 14]. Процедура такого свертывания представляется автором как «последовательное устранение избыточных моментов, характеризующих структуру данного языка».

Во-вторых, современный анализ фразеологии невозможен без учета моделируемости структуры ФЕ [Мокиенко 1980: 42], т.к. всякое выявление существенного структурного противопоставления предполагает возможность установления и важного семантического различия, т.е. различия «по крайней мере, двух самостоятельных значений» [Кунин 1970: 101]. Существование тесной связи между структурой и семантикой – на примере глагольных фразеологических единиц – подтверждается их системностью и моделируемостью.

При исследовании структуры фразеологических единиц необходимо учитывать в их составе переменные элементы, или компоненты. Пути исследования переменных компонентов в фразеологии современного английского языка были намечены А.В. Куниным, который называет их альтернантами [Кунин 1972: 169-174].

Лингвистический статус переменных компонентов фразеологических единиц находит дальнейшую разработку в исследованиях А.М. Каплуnenко и Т.Г. Дремовой. Признавая семантическую и синтаксическую самостоятельность переменных элементов в составе ФЕ, А.М. Каплуnenко считает их, тем не менее, фразеологическими компонентами [Каплуnenко 1977: 4]. Развивая эту мысль, Т.Г. Дремова посвящает роли переменного компонента в составе глагольных фразеологических единиц целое диссертационное исследование, в котором убедительно доказывает, что «альтернанты не являются факультативными, они принадлежат структуре фразеологизма как словосочетания», обладают релевантностью как «конструктивные интегранты» фразеологических единиц, а также «принадлежат плану выражения ФЕ» [Дремова 1979: 19].

Изучая структурную организацию фразеологических единиц, непременно будем принимать во внимание альтернанты, не исключая их из состава ФЕ. Считаем, что альтернант словарной формы ФЕ есть обобщенное представление эксплицированной части семантики фразеологизма на уровне высказывания.

Для обозначения альтернанта в структурной модели фразеологизма считаем целесообразным введение знака математической символики θ , обозначающего всякую переменную величину [Федуленкова 2006: 14].

Рассмотрим наиболее распространенные структурные модели [Fedulenkova 2012: 324; Непомилуева, Федуленкова 2012: 178] в глагольной фразеологии трех современных германских языков: английского, немецкого и шведского.

Модель I. V + (d) + N (англ., швед.)
 (d) + N + V (нем.)

– двухкомпонентная структурная модель глагольных фразеологических единиц с константной и константно-вариантной зависимостью компонентов. По данной структурной модели строятся 11,2% глагольных ФЕ современного английского языка, 13,8% однотипных ФЕ современного немецкого и 11,3% однотипных ФЕ современного шведского языка:

англ. *remove mountains, make a hand, strike the eye, offend the ear, measure noses, tell noses, take thought, bear the cross, darken council, cumber the ground, curse the day;*

нем. *die Hände regen, ein Auge riskieren, die Ohren steifhalten, die Nase hängenlassen, das Land hindern, den Tag verfluchten;*

швед. *skaka hand, hänga näsan, spetsa öronen, slå läger, vara en dåre, utsuga jorden, förinta/ utplåna den dag, etc.*

Лексическая вариантность фразеологических единиц данной структурной модели особенно сильно развита в немецком языке, где она охватывает около 40% ФЕ с данной структурной организацией, причем вариациям подвергается, в основном, глагольный компонент фразеологического оборота: *die Hand aufhalten/ aufmachen, die Augen aufmachen/ aufhun/ aufsperrn.*

Разнообразие и распространенность лексических вариантов глагольных фразеологических единиц рассматриваемой структуры в немецком языке могут быть объяснены типологическими особенностями лексической системы немецкого языка, одной из характерных черт которой является продуктивность аффиксального способа словообразования и, как следствие, наличие в словарном составе языка большого количества производных глаголов, а также обилие глаголов-синонимов.

В английском языке, так же как и в шведском, вариативность глагольного компонента фразеологических единиц данной структурной модели не имеет широкого распространения, а носит лишь единичный

характер: англ. *lift/ move/ raise/ stir a finger, give/ mouth tongue*, швед. *förbanna/ förinta/ utplåna den dag*.

Модель 2. V + θ 's + N (англ., швед.)
 θ 's + N + V (нем.)

– трехкомпонентная структурная модель глагольных фразеологических единиц с константно-переменной и константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов. Данная структурная модель характерна для 3,7% глагольных ФЕ современного английского языка, для 1,5% однотипных ФЕ современного немецкого и 3,3% однотипных ФЕ современного шведского языка.

В качестве альтернантов в данной структурной модели могут выступать как неопределенно-личное местоимение *one's* (англ.), притяжательные местоимения *sein* (нем.) и *sin* (швед.), которые в соответствии с требованиями речевой ситуации заменяются обычно одним из притяжательных местоимений, так и неопределенно-личные местоимения *somebody's* (англ.), *jemandes* (нем.), *någons* (швед.), которые в речи заменяются либо одним из притяжательных местоимений, либо существительным в родительном падеже, либо переменным сочетанием слов с существительным в родительном падеже. При этом первый альтернант (*one's – sein – sin*) употребляется в фразеологизмах, действие исходных переменных сочетаний которых направлено на самого говорящего, в то время как действие, обозначаемое самой ФЕ, может быть направлено на другое лицо, например: англ. *oil one's tongue* – смазывать свой язык – льстить (кому-л.), нем. *seine Zunge wetzen* – точить свой язык – болтать (с кем-л.). В свою очередь, второй альтернант (*somebody's – jemandes – någons*) употребляется в тех фразеологических единицах, в исходных переменных словосочетаниях которых действие субъекта всегда направлено на другое лицо, ср.:

англ. *find one's tongue, harden one's heart, give one's life, search one's heart, cock one's eye, throw one's tongue, saddle one's nose, wipe somebody's eye, split somebody's ears, find one's feet, pitch one's tent;*

нем. *seine Zunge hüten, jemandes Händen entkommen, jemandes Ohr besitzen, jemandes Ohr erbitten, sein Zelt aufschlagen;*

швед. *två sina händer, sluta sina ögon, öppna sina ögon, binda någons händer, slå (upp) sitt tält, ta sitt kors (på sig), styrka någons mod, tillstoppa sitt öra, etc.*

В современном английском языке количество фразеологических единиц данной структурной организации с альтернантом *one's* в 1,5 раза превосходит количество ФЕ с альтернантом *somebody's*, в современном же немецком языке, напротив, количество данных ФЕ с аль-

тернантом *sein* вдвое меньше по сравнению с численностью ФЕ с альтернантом *jemandes*. В современном шведском языке количество исследуемых фразеологических единиц с теми и другими альтернантами приблизительно одинаково.

Вариантность фразеологических единиц с данной структурной организацией компонентов связана главным образом с варьированием глагольного компонента и в целом носит спорадический характер в исследуемых языках: англ. *call/ declare/ play/ show one's hand*; нем. *seine Zunge hüten/ bezähmen/ beherrschen*, швед. *slå (upp) sitt tält, ta sitt kors (på sig)*.

Часто фразеологические единицы английского и шведского языков рассматриваемой структурной организации имеют в качестве эквивалента в немецком языке ФЕ с четырехэлементной структурой $\theta + d/\theta's + N + V$: англ. *close one's ears*, швед. *sluta sina öron*, но нем. *j-m sein Ohr (ver)schließen*; англ. *open smb's eyes*, швед. *öppna någons ögon*, но нем. *j-m die Augen öffnen*; англ. *tie smb's tongue*, швед. *binda någons tunga*, но нем. *j-m die Zunge binden*, etc., что свидетельствует о межъязыковом алломорфизме отношений ФЕ данной структуры.

Структурно-синтаксический анализ таких фразеологических единиц показывает, что переменный компонент ФЕ английского и шведского языков выполняет функцию определения при субстантивном компоненте, оставляя фразеологизм тем самым двухвершинным образованием [Смирницкий 1956: 223]. В немецком же языке мы имеем дело с трехвершинным образованием вследствие появления в дополнение к субстантивному компоненту объекта-лица, выраженного в словарной форме ФЕ неопределенно-личным местоимением в дательном или винительном падеже: *jemandem, jemanden*. Необходимо отметить, что указанное изменение структурной организации эквивалентных ФЕ немецкого языка носит регулярный характер не только в рамках данной модели, но и в рамках иных структурных моделей: нем. *jemandem zu Öhren kommen*, (англ. *come to smb's ears*, швед. *komma till någons öron*); нем. *jemandem an der Nase herumführen* (англ. *play with smb's nose*, швед. *dra vid näsan*).

Очевидно, что особенности структуры фразеологических единиц немецкого языка обусловлены его характерными типологическими чертами, т.е. наличием четырехпадежной системы имени существительного, которым заменяется переменный компонент в каждом конкретном случае контекстуальной реализации ФЕ, в отличие от двухпадежной системы в шведском языке и отсутствия категории падежа в системе имени в английском языке.

Отмечая дискуссионный характер вопроса о категории падежа в современном английском языке, мы, вслед за В.Д. Аракиным, считаем, что «в системе имени сложилась новая грамматическая категория – категория притяжательности, имеющая свое материальное выражение в виде морфемы 's, носящей агглютинативный характер» [Аракин 1979: 114].

Модель 3. V + Prep + (d) + N (англ., швед.)
 Prep + (d) + N + V (нем.)

– двухкомпонентная с вводимым предлогом субстантивным компонентом структурная модель глагольных фразеологических единиц с константной и константно-вариантной зависимостью компонентов. Данная структура объединяет 9,5% глагольных ФЕ современного английского языка, 7,9% однотипных ФЕ современного немецкого и свыше 9,7% однотипных ФЕ современного шведского языка:

англ. *walk in darkness, kick against the pricks, fall by the wayside, wrestle with an angel, float before the eyes, fall upon the ear, pay through the nose, leap to the eyes, appeal to Caesar, fall by the wayside;*

нем. *mit den Händen reden, vor den Augen liegen, auf dem Ohr liegen, ins Ohr gehen, auf der Nase liegen, auf das Felsige fallen, an den Weg fallen, in der Finsternis wandeln;*

швед. *vara till hands, sälja under hand, falla i ögonen, dra vid näsan, vandra i mörkret, falla på stengrund/ steniga ställen, handla i dårskap, falla på vägkanten/ vid vägen, etc.*

Фразеологические единицы рассматриваемого структурного ряда обнаруживают незначительную лексическую вариантность за счет изменения глагольного компонента в английском языке *bite/ pluck by the nose*, предложного компонента в немецком языке *ins Auge fallen/ springen/ stecken, auf/ bei den Ohren sitzen* и субстантивного компонента – в шведском *falla på stengrund/ steniga ställen*.

В современном английском языке в рамках анализируемой структуры зафиксирован также случай морфологической вариантности ФЕ, представленный вариацией числа именного компонента: *come to hand/ come to hands*.

В результате проведенного анализа выявляем три наиболее распространенные изоморфные модели в глагольной фразеологии изучаемых германских языков: английского, немецкого и шведского:

Модель 1. V + (d) + N (англ., швед.)
 (d) + N + V (нем.)

Модель 2. V + θ's + N (англ., швед.)
 θ's + N + V (нем.)

Модель 3. V + Prep + (d) + N (англ., швед.)
Prep + (d) + N + V (нем.)

Различия в компонентной наполняемости этих моделей и грамматическом оформлении компонентов фразеологических единиц объясняется типологическими особенностями каждого из изучаемых языков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1979. – 259 с.
- Дремова Т.Г. Альтернатива и границы глагольных фразеологических единиц современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1979. – 20 с.
- Каплунович А.М. Семантические параметры фразеологических единиц (фразеологические единицы с переменными компонентами в современном английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 22 с.
- Кунин А.В. Английская фразеология: теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970. – 344 с.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
- Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. – Москва: Международные отношения, 1972. – 288 с.
- Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
- Непомилуева Т.И., Федулёвкова Т.Н. Модели описания английских фразеологических единиц с компонентом *some* // Культура народов Причерноморья. Симферополь. – 2012. – № 220. – С. 178-180.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
- Успенский Б.А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969. – С. 5-19.
- Федулёвкова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Северодвинск, 2006. – 544 с.
- Fedulenkova T.N. English Verbal Phraseological Units of Biblical Origin: Frequent Structural Models // Наукові Праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. Випуск 30. – Кам'янець-Подільський, 2012. – С. 324-327.

Филипацци Ю.А.

Москва, Россия

**ФОНЕМНО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ
ПАРАМЕТРЫ СЛОГА В
ТЕКСТАХ НА ТОСКАНСКОМ
ДИАЛЕКТЕ**

Аннотация. В статье освещаются результаты фонемно-статистической обработки корпуса слогов на материале 5 тосканских текстов: сравниваются сочетания, которые выступают в позиции вершины и инициалы слога, прослеживаются закономерности в их сочетаниях с финалями. Слоги проверяются на соответствие их строения закону восходящей звучности, выявляются и интерпретируются аномальные структуры.

Ключевые слова: тосканский диалект, слог, инициаль, вершина, финаль слога, закон восходящей звучности.

Filipazzi J.A.

Moscow, Russia

**STATISTIC AND PHONEMIC
PARAMETERS OF SYLLABLES
IN THE TEXTS WRITTEN IN
TUSCAN DIALECT**

Abstract. The article elucidates the results of statistic and phonemic analysis of syllable corpus as exemplified in the 5 Tuscan texts: phonemic combinations as a syllabic peak and syllabic initial are compared, and the logic of their combinations with finals are observed. The syllables are checked for compliance of their structures with the law of ascending sonority, and abnormal structures are discovered and interpreted.

Keywords: Tuscan dialect, syllable, initial, peak, final, the law of ascending sonority.

Сведения об авторе: Филипацци Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, переводчик с итальянского языка.

Место работы: Федерация фехтования России.

Контактная информация: 141070, Московская область, г. Королев, ул. Калинина, 15, кв. 35.

e-mail: juliaflip@gmail.ru.

About the Author: Filipazzi Julia Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Translator of Italian.

Place of employment: Russian Fencing Federation.

Фонемный анализ слога на базе письменных источников уже проводился, в частности, Е.Д. Панфиловым, на материале классического латинского языка (Панфилов 1994). Ученый предложил пространственную синтагматическую модель слога, которая повторяла поверхностную структуру фактического слога, и впоследствии изучение «латинского опыта» подтолкнуло нас на мысль о необходимости применить данную модель к материалу итальянских диалектов, но предварительно абстрагировать ее с учетом сущностных — системных — характеристик составляющих ее фонем. В самом деле, вместо того, чтобы механически вести отсчет от правой границы слога и размещать подряд фо-

© Филипацци Ю.А., 2014

немы разного класса звучности по синтагматической оси, не оставляя лагун, мы попытались проследить, к каким классам звучности относятся фонемы, наполняющие слог, и какие синтагматические позиции при этом реализованы (Кретов, Филипацци 2012). Под классами звучности понимаются следующие пять множеств фонем: 1, S – фрикативные согласные; 2, T — смычные согласные и аффрикаты; 3, N – не-плавные сонанты; 4, R – плавные сонанты; 5, O – гласные (Кретов, 2010, 17-21).

Объектом исследования в данной статье выступает современный тосканский диалект итальянского языка, представленный в нескольких территориальных вариантах — речи города Флоренции и флорентийской провинции (г. Эмполи), луккского и пизанского поддиалектов.

В тосканском диалекте итальянского языка указанные звучности выражаются следующими фонемами:

S: s, š, f

T: b, č, d, g, dž, k, p, t, z [ts, ś]

N: m, n, nj, v

R: l, lj, r

O: a, e, i, o, u

Источником корпуса слогов послужили 5 художественных текстов диалогического характера (театральных комедий), написанных тосканскими авторами: флорентийцами Аугусто Новелли и Габриеле Верцукколи, автором из г. Эмполи Массимо Валори, уроженцем Лукки Катальдо Фамбрини и пизанцем Джорджо Казини. Исследуемые тексты мы обозначили условно «Флор-1» (Новелли), «Флор-2» (Верцукколи), «Эмполи» (Валори), «Лукка» (Фамбрини), «Пиза» (Казини).

Гласные. Е.Д. Панфилов, при описании латинского слога, должен был учитывать долготу и краткость гласных, а потому расположил латинские гласные в двух позициях. Описывая гласные итальянского языка и его диалектов, где долгота не является фонологическим признаком, можно расположить слоговые вершины в порядке следования полугласных элементов относительно гласного. Абстрактная модель гласного ядра слога насчитывает 4 позиции: полный гласный на нулевой отметке, две предшествующие позиции для полугласных со знаком «минус», одна последующая позиция для полугласного элемента: /-2/ /-1/ /0/ /1/. Данная модель никогда не реализуется полностью: в тосканских текстах количество гласных в вершине слога может насчитывать от 1 до 3 элементов (монофтонги, дифтонги и трифтонги), которые преимущественно располагаются в зоне /-1/ /0/ /1/ в комбинациях /-1/ /0/, /0/ /1/ и /-1/ /0/ /1/. С учетом нестандартных слогов, в которых отсутствует гласная вершина, получаем 25 фонологических вариантов

вершины тосканского слога: 1. а, 2. е, 3. і, 4. о, 5. у, 6. ја, 7. је, 8. јо, 9. ју, 10. ај, 11. еј, 12. ој, 13. уј, 14. јај, 15. јеј, 16. ѡа, 17. ѡе, 18. ѡі, 19. ѡо, 20. ѡај, 21. ѡеј, 22. ѡој, 23. аѡ, 24. еѡ, 25. м, н, р, бр, мн, тс.

Монофтонги (позиция /0/). Наиболее часто вершина слога представлена монофтонгами /а/, /е/, /і/, /о/, /у/: на них в анализируемых текстах приходится 90-95% употреблений от всего количества слогов. Во всех текстах, кроме «Флор-1» (А. Новелли), самым часто употребляемым является гласный /а/: 25,84% - 28,20%. В тексте Аугусто Новелли немного чаще, чем /а/ (26,39%), используется гласный /е/: 26,70%. Кроме того, если в остальных четырех текстах прослеживается явный перевес вершины, выраженной /о/, над /і/ (на 2-5%), то здесь вершины /о/ и /і/ практически равны друг другу по частоте употреблений, так же, как /а/ = /е/: 18,28% — 18,27%. В целом участие гласных в тексте Аугусто Новелли как будто специально выверено: употребление /а/ равно /е/, а употребление /і/ равно /о/. Вершина /у/ является наименее употребительной, как и во всех остальных текстах (5,36% - 6,21%). Нельзя не отметить, что «Флор-1» - самый ранний текст из всех представленных (год его написания — 1911): тогда флорентийский диалект был объектом литературной обработки и культивирования, особенно на театральной сцене. Выскажем предположение, что числовая гармония гласных в тексте может свидетельствовать о таланте автора и быть одним из признаков мастерства литературной формы.

Дифтонги с предупредным полугласным элементом (позиции /-1/ /0/). Предупредный элемент /j/ сочетается со всеми гласными фонемами, кроме /і/. Дифтонги ја, је, јо, ју присутствуют во всех текстах, частота их употреблений взаимно сопоставима: ја 0,8%-1,03%; је 0,56%-0,79%; ју 0,19%-0,42%, не считая превышающего средний показатель дифтонга /јо/ в тексте на лукском поддиалекте (0,33%-0,69% против 1,06%). Дифтонги с первым предупредным элементом /ѡ/ дают варианты ѡа, ѡе, ѡі, ѡо (кроме ѡу). Частота их употреблений мала и плохо сопоставима; дифтонги ѡе, ѡі отсутствуют в тексте «Флор-2».

Дифтонги с послепредным полугласным элементом (позиции /0/ /1/). Дифтонги ај, еј, ој, уј сопоставимы по своей употребительности, за исключением текста «Лукка»: здесь, из-за ассимиляции конечного /-j/ местоимения *lui* с начальным согласным следующего за ним слова, характерного для данного поддиалекта, полностью отсутствует вершина *uj*: *luf fece < lui fece*. Кроме того, во всех текстах отсутствует структура *ji* (так же, как не употребляется обратная ей структура *ij*). Что касается флорентийского ареала (тексты «Флор-1», «Флор-2» и «Эмполь»), то здесь заметно реже встречается дифтонг /ај/ (около 0,30%), чем

в остальных текстах (0,57% в тексте «Лукка» и 0,58% в тексте «Пиза»). Это объяснимо, поскольку в городском говоре Флоренции и в прилегающей провинции более последовательно реализуется правило тосканской апокопы, в результате которой моносиллабы теряют конечный /-j/, например, у Новелли: *lo senti che be' fatti succede* (*be' < bei*).

Дифтонги с послеударным элементом /ǔ/ находятся на периферии системы тосканского диалекта: /aǔ/ является латинизмом и встречается преимущественно в именах собственных (Gaudenzio, Laudomia, Claudio и т. п.) и в отдельных словах (*aumentare, auto*). Дифтонг /eǔ/ встречается в заимствованиях из греческого языка: *reumatismo, neurologo, euro*.

Трифтонги (позиции /-1/ /0/ /1/ и /-2/ /-1/ /0/) встречаются редко, отдельные их типы характерны только для одного какого-то поддиалекта. Так трифтонги с пред- и послеударным элементом /j/ - *jaǐ, jej* - являются вариантом дифтонга *ja, je* и встречаются только в пизанском тексте (*siei, sborniai*). Трифтонги с предударным /ǔ/ и послеударным /j/ - *ǔaj, ǔoj* - встречаются в тексте «Флор-1»; только *ǔoj* — в тексте «Лукка». Наконец, встретилась также редкая структура с двумя предударными элементами, характерная, как представляется, для старотосканских текстов: *jǔo*; она встретилась в луккском тексте в словоформе *aiuole*.

Слоги, не содержащие гласных. Последняя, 25-я, структура объединяет слоги, возникшие в результате афerezиса начального /i-/ приставок и артиклей (*ir, in-, im-*): *'nteso < inteso, 'r < ir*. В наибольшей степени афerezис отражен в пизанском тексте, не случайно именно в нем употребительность гласного /i/ оказалась самой низкой. Также достаточно много случаев падения /i-/ зафиксировано в тексте «Эмполи». Во флорентийских текстах это явление развито меньше и не носит системного характера. В тексте «Лукка» нет случаев афerezиса, именно поэтому здесь и употребительность /i/ самая высокая. Кроме афerezиса, слоги без гласной вершины служат для передачи на письме междометий: *tss, brt, mnnn*.

Согласные. Показать полную статистику употребления согласных в разных позициях слога в рамках статьи невозможно, а потому представим основные статистические параметры обобщенных структур, где символами обозначены не конкретные согласные, а классы звучности S, T, N, R, O.

Самые частотные - первые пять позиций (слоги структуры TO, NO, RO, O, SO), которые покрывают наибольший объем всех употреблений: в тексте «Флор-1» - 78,61%, «Флор-2» - 78,78%, «Эмполи» -

78,89%, «Лукка» - 76,50%, «Пиза» - 76,08%. Флорентийский ареал (тексты «Флор-1», «Флор-2» и «Эмполи») показывает поразительно схожие цифры, пизанский и луккский — также. Отставание на 2% в последней группе компенсируется большим, чем у флорентийцев, употреблением слогов с финалью /-r/: OR (больше на 1%) и TOR (больше почти на 1%).

Слог TO (to, da, ghi, re и т.п.) является самым употребительным во всех текстах (29,56% - 31,26%). В текстах «Лукка» и «Пиза» отражено падение заднеязычного согласного /k/, реже /qu/, в интервокальном положении, которое снижает употребление TO в обоих текстах примерно на 1%.

Вторая строка демонстрирует неоднородность предпочтений диалектных субзон: для текстов, написанных на городском просторечии Флоренции, второй по употребительности слог - RO (15,74% у Новелли и 17,46% у Верцуколи), в то время как для трех остальных текстов — это слог структуры NO (16,41% у Валори, 15,2% у Фамбрини и 16,61% у Казини). Этот факт вытекает из системно-языковых отличий: только в речи флорентийцев-горожан используются субъектные глагольные клитики, выраженные формами *glie*, *la*, *le* (структура RO). Третья позиция дает зеркальное отражение второй: во флорентийских текстах (только город, без провинции) — это NO (14,81% и 14,54%), а в текстах «Эмполи», «Лукка» и «Пиза» - это RO (13,78%, 14,45%, 13,16%). Для всех текстов, кроме написанного на пизанском диалекте, слог O более употребителен, чем SO, однако, если принять во внимание утрату интервокального заднеязычного согласного и превращение слогов TO → O (ka > a, ko > o и т. д.), эта пропорция окажется соблюдена и здесь: O – 8,89%, SO – 8,21%.

За пределами ядра употребительных слогов количество фиксаций каждого из остальных 43 типов становится очень маленьким: самые употребительные слоги встречаются в текстах не чаще 4% случаев. Рассмотрим группу слогов, чье употребление находится в диапазоне от 1% до 4%.

Шестая и седьмая позиции отражают преимущество слога ON над слогом TOR во всех текстах, кроме пизанского; далее следует слог TOR. В тексте «Пиза» мы наблюдаем зеркальную ситуацию: слог TOR немного, но все же более употребителен по сравнению с ON. Слог STO является восьмым по употребительности у Новелли, девятым у Верцуколи, десятым в трех остальных текстах. Слог TON является девятым у Новелли и восьмым в четырех других текстах. Слог TRO занимает десятую строчку у Новелли и Верцуколи и девятую в трех остальных

текстах. Зеркально расположенная относительно друг друга позиция слогов STO и TRO делит все тексты условно на «флорентийскую» (включая провинцию) и «нефлорентийскую» группы, и эта тенденция сохраняется и далее по ходу уменьшения частоты использования слогов. У флорентийцев следующим по употребительности оказывается слог OT, которому противостоит слог OR в текстах «Лукка» и «Пиза». В какой-то мере этот факт перекликается с доминированием в текстах флорентийских авторов (правда, только городских) слога RO над NO: получается, что, если RO более употребителен, чем NO, то OR — менее употребителен, чем OT, и наоборот.

12-ую, 13-ую и 14-ую строки занимают слоги NON, SON и NOR/TOT/SOR в разных комбинациях: в тексте «Флор-1», по убыванию, это NON, SON, NOR; в тексте «Флор-2» - SON, NON, NOR; в тексте «Эмполи» - NON, SON, TOT; в тексте «Лукка» - SON, NOR, NON; в тексте «Пиза» - NON, SON, NOR/SOR. Далее усматривать какие-либо закономерности становится все труднее, поскольку оставшиеся слоги представлены только одним-двумя употреблениями.

Полученный материал удалось систематизировать в абстрактную схему, в которую укладываются все реализации тосканского слога в изученных текстах. Максимальная формула насчитывает 8 позиций: /0/ /1/ || /-4/ /-3/ /-2/ /-1/ /0/ /1/. Знак /0/ указывает на вершину слога (гласный), двойной вертикальной чертой обозначена левая граница слова или слога. Левый крайний символ /0/ может быть выражен полным гласным (O), что будет свидетельствовать о прохождении здесь границы слога, но не слова (позиция середины слова; /0/ /1/ относятся к предыдущему слогу в слове); знак Ø обозначает нулевой гласный, в этом случае двумя вертикальными чертами обозначена граница слога и слова.

Зачем понадобилось вводить абстрактную позицию нулевого гласного? Дело в том, что в тосканском диалекте итальянского языка (а также в самом итальянском языке и других его диалектах) встречаются слоги, начинающиеся с SS- = /sf-/. Это не самая продуктивная инициаль: в текстах «Флор-2» и «Эмполи» она не зафиксирована, в других текстах зафиксированы единичные употребления: «Флор-1» - *sfa, sfi, sfo, sfor*; «Лукка» - *sfa, sfar, sfat, sfo*, «Пиза» - *sfa, sfor*. Когда такой слог находится в середине слова, то проблема решается просто: согласные /s/ и /f/, как относящиеся к одному классу звучности, должны быть распределены между двумя слогами: *a-sfar-to* 'asfalto', являющееся заимствованием из греческого языка, приобретет вид *as-far-to*; существитель-

ное *sod-dis-fa-zjo-ne* вернется к этимологической границе между слогами: *sod-dis-fa-zio-ne* < *satis factum*.

Однако в том случае, если структура SS- (/sf/) употребляется в абсолютном начале слова, то это свидетельствует о наличии здесь в прошлом морфемного шва: в самом деле, практически все слова со сложной инициальной, начинающейся на s-, восходят к латинским словам с приставками DIS-, EX-: *s-fo-ga-re* < *ex-fogare*, *stor-ce-re* < *distorgere* и т.п. В этом случае, чтобы структура была фонологически допустима, она должна содержать в составе нулевой опорный гласный либо на стыке морфем: *sø-fo-ga-re*, либо в крайней левой позиции: *ø-fo-ga-re*. К примеру, слог SSOR (sfor) в слове *sfortuna* будет расположен на схеме следующим образом:

/ø/ /s/ || /f/ /-/ /-/ /-/ /o/ /r/

Знаком /-/ отмечены лакуны — позиции -3, -2 и -1, не занятые фонемами класса смычных/аффрикат, неплавных сонантов и плавных сонантов.

Таким путем можно описать любой тосканский слог. К примеру, структура / S = s (≠ f, š) / T = qu / - / - / O / - / отражает слог *squa*, встретившийся в словах *Pasqualina*, *squaccherona*.

Что касается финалей тосканских слогов, то, как правило, фонемы классов T, S, а также фонема /v/ используются в финали, только если следующий слог в слове начинается с того же самого согласного (случай геминат). Фонемы классов R, N (кроме [j, ŋ]) имеют большую свободу употребления в финали и часто заканчивают собой служебные проклитики (*il, ir, in, im, al, sul, sur* и т. д.). Отсутствие согласной финали встречается и в середине слова, но чаще всего сигнализирует об абсолютном конце словоформы. Сложные финали, состоящие из двух согласных, говорят о том, что перед нами заимствование: *-ns* (латинское *ridens*) и т.п.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кретов А.А. Два принципа устройства мироздания и языка // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения: материалы Международной конференции, посвященной 50-летию со дня основания кафедры русского языка филологического факультета ВГУ, 85-летию со дня рождения проф. И.П. Распопова, 75-летию со дня рождения проф. А.М. Ломова (Воронеж, 12-14 марта 2010 г.): в 2 ч. – Воронеж: ВГПУ, 2010. – Ч.1. – С.17-26.

Кретов А.А. Закон возрастающей звучности в славянском слоге и его теоретические последствия // Язык и национальное сознание. Вып. 2. – Воронеж: ЦЧКИ, 1999. – С. 118-122.

Кретов А.А., Филипацци Ю.А. Две модели латинского слога // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. – №1. – С. 42-51.

Панфилов Е.Д. Место слога в словоформе (Исследования в области силлаботактики на материале классического латинского языка). – Спб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та., 1994. – 144 с.

Pianigiani O. Vocabolario etimologico della lingua italiana. – Edizioni POLARIS, 1993. – 1559 p.

Хемсакун Чанунпорн

Бангкок, Таиланд,

Плотникова Г.Н.

Екатеринбург, Россия

**ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ
МОДИФИКАЦИОННЫХ И
МУТАЦИОННЫХ ЗНАЧЕНИЙ В
ПРЕФИКСАЛЬНО-ГЛАГОЛЬНЫХ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯХ**

Аннотация. В современной словообразовательной теории единого мнения исследователей по поводу разграничения глагольных деривационных значений модификационного и мутационного типа нет. Однако, при разграничении модификационных и мутационных значений в префиксально-глагольных образованиях существуют много критериев.

Ключевые слова: модификационное значение, мутационное значение, транспозиционное, нетранспозиционное, приставки-квалификаторы, приставки-модификаторы, денотативный подход

Сведения об I. авторе: Хемсакун Чанунпорн, Аспирант, кафедры РКИ. Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ).

Сведения об II. авторе: Плотникова Г.Н., Доктор филологических наук, профессор, кафедра РКИ.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина (УрФУ).

Контактная информация: 20083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, филологический факультет, к.309-311. Телефон: (343) - 257-07-63. e-mail: iam_per@hotmail.com.

Hemsakun Chanunporn

Bangkok, Thailand

Plotnikova G.N.

Ekaterinburg, Russia

**PROBLEMS OF CLASSIFICATION
THE WORD-FORMATION'S
MEANING IN THE DERIVATION OF
PREFIX**

Abstract. Derivation process of prefix in Russian language appears in the word formation system of all parts of speech especially for verbs. Basically, word formation meaning could be divided into modification and mutation. However, there is no single opinion about the derivation process of verbs and also so many criterions for classification in this sphere.

Keywords: modification meaning, mutation meaning, transposition of word-formation, in transposition of word-formation, prefix-modifier, prefix-qualifier, denotative approach

About the I. Author: Hemsakun Chanunporn, Aspirant from the faculty the Russian language for foreign students. Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

About the II. Author: Plotnikova G.N., Doctor of Philology Associate Professor of the Chair the Russian language for foreign students.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

В современной словообразовательной теории одной из самых актуальных задач является классификация типов отношений между производящей и производной основами в соответствии с характером словообразовательных значений. Следует отметить, что первоначальным звеном в создании любой классификации подобного рода является учет частеречной соотносительности между производящим и производным, т.е. учет того, относится ли производное слово к той же части речи, что и производящее, или переходит в иную часть речи. С этой точки зрения выделяют два направления в процессе словообразования: транспозиционное и нетранспозиционное. Те производные, которые изменяют грамматическую семантику по сравнению с производящими относятся к транспозиционному словообразованию. К нетранспозиционному словообразованию принадлежат производные, которые не изменяют грамматическую семантику, т.е. находятся в кругу слов той же части речи, что и производящие. На этом основании некоторые ученые разграничивают «*внутреннее* (внутри данной части речи) словообразование (внутриглагольное, внутрисубстантивное и т.п.) и *внешнее* – с переходом производного слова в часть речи, отличную от части речи производящего (ср.: *лететь-улететь* и *лететь-летчик*)» [Моисеев 1985: 79].

Разграничение транспозиционного и нетранспозиционного словообразования не вызывает особого возражения т.к., основывается на вполне определенном критерии: принадлежности или непринадлежности производных и производящих к одной и той же части речи.

Более того, вполне обосновано выделение разных типов словообразования внутри каждого из этих направлений. Так, к нетранспозиционному словообразованию относят модификационный тип и мутационный тип. А к транспозиционному направлению – синтаксическую деривацию и тоже мутационный тип [АГ-80, Моисеев 1985, Белошاپкова 2011 и др.].

Теория производной номинации чаще исследовалась на существительных и прилагательных. Именно на этом материале выделяются довольно четко типы модификационных и мутационных значений, которые «противопоставлены по направленности трансформации лексического значения исходной единицы» [Резанова 1996: 15], т.е. модификационное значение – это значение, которое формируется на базе исходного понятия путем его видоизменений различного рода, а мутация направлена на коренное изменение его внутренней структуры. Так, среди существительных в АГ-80 выделяется 7 групп с модификационным значением и 4 группы среди прилагательных с модификационным значением [АГ-80: 200-219, 332].

Что касается внутриглагольного словообразования, то единого мнения исследователей по поводу разграничения глагольных деривационных значений модификационного и мутационного типа нет. Речь идет прежде всего о префиксально-глагольном словообразовании, поскольку оно более характерно для русского словообразования, поэтому при изучении семантических закономерностей префиксально-глагольного словообразования приобретает важное значение вопрос о том, к кому типу словообразовательных значений оно относится – модификационному или мутационному, которые отличаются друг от друга характером преобразования исходного значения.

Определение типа глагольных деривационных значений считается одной из важнейших задач в исследовании глагольного образования. Основные положения разграничения модификационных и мутационных глагольных словообразовательных типов были разработаны чешскими и польскими учеными. Однако в настоящее время не все ученые соглашались с некоторыми из этих положений. Так, например, подвергается критике тезис М. Докулила о том, что внутриглагольное словообразование почти полностью находится в рамках модификации (М. Докулил 1961) Хотя эту точку зрения поддерживают и некоторые российские ученые, например, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, М.Н. Яценецкая и др.), они вообще отрицают наличие мутационных значений у префиксально-производных глаголов и относят подобные дериваты к области модификации. Однако, исследования ученых в этой области в последние десятилетия убедительно доказывают, что модификация и мутация для префиксально-глагольных образований так же характерна как и для существительных, и прилагательных. В связи с этим актуальным становится вопрос о критериях разграничения модификационных и мутационных значений, возникающих в процессе внутриглагольного словообразования, прежде всего – префиксально-глагольного словообразования. В научной литературе при исследовании глагольного словообразования неоднократно поднимался вопрос о таких критериях [Карцевский 1962, Апресян 1974, Авилова 1976, Арутюнова 1992, Вараксин 1996, Петрухина 1998, 2000, Королева 2006, Лебедева 1999 и др.].

Одним из самых распространенных критериев является роль приставки в процессе глагольного словообразования. Сочетание глаголов с приставками определяется не только семантикой и структурой мотивирующего глагола, но и сами приставки в процессе словообразования по-разному проявляют свою семантику, так как имеют морфо-семантические компоненты, т.е. «между исходными основами и различными приставками устанавливаются сложные связи и отношения»

[Тихонов 1998: 35]. Между тем взаимодействие между значением префикса и семантикой исходного глагола определяет характер семантики префиксального (производного) глагола или лексико-семантического варианта, если глагол является многозначным. В связи с этим среди глагольных префиксов выделяются *приставки-модификаторы* и *приставки-квалификаторы* (термины принадлежат А.В.Исаченко). Приставки-модификаторы служат, по мнению многих ученых, прежде всего для формирования видовременной семантики (Н.С.Авилова, Ю.С.Азарах, А.И.Моисеев, З.Скоумалова, М.А.Шелякин др.). Однако на сегодняшний день имеются разные точки зрения по поводу существования чистовидовых приставок. Так, Ю.С. Маслов (и его ученики) считает, что чистовидовых приставок в русском языке нет [Маслов 1962], т.к. «большинство префиксов выражают одновременно не только значение видового противопоставления, но и другое номинативное значение: начало действия, оканчание его, ограничение действия во времени, доведение действия до какого-либо предела, предельную исчерпанность действия, повторность его и многое другое» [Белешапкова 1981: 317]., которые относят к способам глагольного действия (А.В.Бондарко, Б.Н.Головин, О.М.Соколов, М.А. Шелякин и др.). «Модификационные словообразовательные значения присущи семантико-словообразовательным группировкам глаголов, представляющим собой способы глагольного действия» [РГ-79: 558] . Такую точку зрения находит и у Л.А. Вараксина: «если те или иные глаголы входят в группировки с начинательным, ограничительными, финитивным, однократным, дистрибутивным и т.д. значением, то они являются результатом модификационного преобразования исходной основы» [Вараксин 1986: 42]. Такие глаголы обладают модификационным типом значения: *ахать-заахать*, *болтать-проболтат (2 часа)*, *читать-дочитать* и др. В этом случае приставки не изменяют лексического значения глагольной основы. При выражении модификационных значений производная основа сохраняет интенциональную перспективу исходной основы.

Средством выражения мутационных словообразовательных значений является приставки-квалификаторы. Это собственно лексические приставки, потому что результатом мутационного преобразования исходной основы является порождение глаголов со значением нового типа действия: «производные становятся носителями нового предметно-понятийного содержания» [Вараксин 1996: 41]. Как отмечает Ю.В.Королева, «При мутации именно на приставке лежит нагрузка выражения действия, а мотивирующая основа выполняет при ней роль

определения» [Королева 2006: 276]. При этом в подобных глаголах значение исходного глагола входит в значение производного «в качестве одного из смысловых компонентов, указывающих на новую структуру действия, то есть на новое действие по сравнению с действием исходного глагола» [Шелякин 1983: 168]. Ср.: например, **диктовать** – «Медленно и раздельно произносить что-л. вслух с тем, чтобы слушающие записывали» *Поэт начал диктовать понравившееся слушателям стихотворение* и **продиктовать** в значении – «Предписать, предложить для выполнения». *Сергей продиктовал свои требования начальству*. Присоединение приставки в этом случае изменяет внутреннюю содержательную структуру исходного глагола. Однако следует учесть, что одна и та же приставка может участвовать как в формировании мутационного, так и модификационного значения даже в условиях присоединения к одной и той же глагольной основе, ср.: **говорить-отговорить** в значении «Перестать говорить» и **говорить-отговорить** в значении «Убедить не делать чего-либо».

Существует еще один критерий, который связан с грамматическим значением глагола, так как одним из основных признаков у глаголов с мутационным значением является изменение в грамматической характеристике глагола. Хотя у глагольных дериватов с модификационным и мутационным значением категориально-грамматическая сема не изменяется, однако происходят изменения в частно-грамматических значениях. Это проявляется прежде всего в том, что все глаголы с мутационным значением образуют видовую пару с одной и той же приставкой, т.е. имеются соотносительные формы совершенного и несовершенного вида. Например: *бить-перебить, читать-считать, твердить-подтвердить и др.* А глаголы, относящиеся к модификационному типу, в большинстве случаев лишены вторичного имперфектива, т.е. являются морфологически *дефектными*, например, ср.: *писать-написать* и *писать-списать/списывать*. На этом основании некоторые лингвисты и проводят границу между глаголами с мутационным и модификационным значением, хотя и они признают, что и здесь не все так однозначно. Дело в том, что некоторые из этих глаголов все же могут иметь соотносительный по виду глагол, т.е. глаголы с модификационным значением по наличию или отсутствию видовой пары можно разделить на две группы: глаголы, имеющие видовую пару, и глаголы, не имеющие префиксального видového коррелята. В таком случае они соотносятся по виду с производящим глаголом. Например, глагол **отговорить** в значении «Кончить говорить» относится к модификационному типу. Он остается семантически и грамматически соотнесенным с

исходным бесприставочным глаголом несовершенного вида (говорить) и свою собственную видовую пару не образует. А другой глагол **договорить**, тоже относится к модификационному типу, т.к., имеет практически такое же значение («окочить говорить, довести до конца свою речь, ответ и т.п.») и характеризуется таким же способом действия, но образует видовую пару: **договорить-договаривать**.

Таким образом, наличие видовой пары у глагола тоже не может быть основополагающим критерий разграничении модификационных и мутационных значений у префиксально-производных глаголов.

В последние десятилетия в связи с формированием когнитивного подхода к явлением словообразования разграничение модификационных и мутационных значений глагола все чаще рассматривается на основе анализа денотативной глагольной семантики, которая «может быть представлена в виде своеобразной семантической подсистемы особого когнитивно-коммуникативного плана, образуемой в результате отражения в мыслительной сфере человека динамического фрагмента мира. Этот фрагмент мира воспринимается языковым сознанием как **полиситуативная, полисобытийная, полипропозициональная** структура **открытого** типа, расширяющаяся или служащая в зависимости от коммуникативных условий» [Лебедева 1999 : 241].

При этом анализ полиситуативной семантики глагола проводится с разных позиций. Одни ученые рассматривают модификационные и мутационные типы глагольного значения на основе сопоставления семантики производящего и производного глаголов с учетом семантических валентностей (на сигнификативном уровне) и логических валентностей (на денотативном уровне), которые вместе с целевой перспективой действия составляют ядро семантической структуры глагола. И если внутриглагольное словообразование связано с изменением этого ядра у производного глагола (изменение валентности на обоих уровнях и изменение перспективы действия), то как считает Е.В. Петрухина, образуется в производном глаголе мутационное значение. При этом называется не только новая ситуация, но и выражается связь между ней и исходным глаголом. Эту точку зрения поддерживает Ю.В. Королева, отмечая, что вполне оправдано «обращение к денотативно-пропозициональной структуры производного и исходного глаголов, поскольку сопоставление этих действий на денотативно-пропозициональном уровне даст возможность разграничения мутационных и модификационных типов деривации» [Королева 2006: 277]. Если же изменения связаны лишь с количественно-временными характеристиками действия, а в остальном семантическая структура исход-

ного глагола остается без изменения, то в этом случае мы наблюдаем модификационное значение производного глагола [Петрухина 1996: 40-40; 2000: 118-119].

Другие ученые, рассматривая полиситуативную семантику глагола в плане разграничения мутационных и модификационных значений в процессе внутривербальной деривации, делят акцент на количестве ситуаций, легших в основу формирования семантической структуры производного глагола, и предполагают, что глаголы, образованные на базе двух ситуаций и более (на денотативном уровне), приобретают мутационное значение [Лебедева 1979].

Таким образом, и в аспекте когнитивного словообразования пока еще нет единого мнения по поводу разграничения модификационных и мутационных значений в глагольной деривации.

В итоге можно сделать вывод, что в современной лингвистике пока не существует единого, универсального критерия, который мог бы быть использован и для довольно четкого разграничения между модификационным и мутационным значением в префиксально-глагольных образованиях. В результате мы приходим к тому, что для более убедительного разграничения модификационных и мутационных значений в префиксально-производных глагольных образованиях следует использовать комплекс критериев, который может формироваться в зависимости от принадлежности к лексико-семантической группе анализируемых глаголов и от цели их исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белошапкова В.А. Современный русский язык. – М.: Высш. школа, 1981. – 560 с.

Вараксин Л.А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. – Екатеринбург, Изд-во Урал.ун-та, 1996. – 179 с.

Королева Ю.В. К вопросу о модификационной и мутационной глагольной номинации (на материале русских многоприставочных глаголов) // Актуальные проблемы русского словообразования. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 2006. – С. 276-279.

Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1999. – 262 с.

Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962.

- Моисеев А.И. Словообразование современного русского языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 207 с.
- Петрухина Е.В. Производная глагольная номинация: модификация и мутация (на материале русского и западнославянских языков) // Вести. МГУ. Филология. – 1996. – № 6.
- Русская грамматика – М.: Наука, 1980. – I том [АГ-80]
- Русская грамматика. – Прага, 1979. – Ч. 1. [РГ-79].
- Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. – М.: Академия, 1998.

УДК 81'1

Балакин С.В.

Екатеринбург, Россия

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ МАКРОКОНЦЕПТА КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению магистральных путей развития в структуре макроконцепта. По нашему мнению, основными деривационными процессами являются расширение, сужение и углубление структуры макроконцепта.

Ключевые слова: *деривационный потенциал, концептуальная деривация, макроконцепт, расширение, сужение, углубление.*

Сведения об авторе: Балакин Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки и межкультурные коммуникации». Место работы: Уральский государственный университет путей сообщения.

Контактная информация: 620078, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 154 - 40.
e-mail: SBalakin@usurt.ru.

Balakin S.V.

Ekaterinburg, Russia

THE DEVELOPMENT OF MACROCONCEPT STRUCTURE AS A RESULT OF ITS DERIVATIONAL POTENTIAL

Abstract. The present article is devoted to the study of railway development within the structure of macroconcept. In our opinion the main derivational processes are expansion, contraction and intensification of the structure of macroconcept.

Keywords: *derivational potential, conceptual derivation, macroconcept, expansion, contraction, intensification.*

About the Author: Balakin Sergey Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural State University for Railway Transport.

Основной целью настоящей статьи является изучение постоянно идущих в структуре макроконцепта деривационных процессов и их предпосылок, поэтому ключевыми в нем являются понятия *деривации* и *деривационного потенциала*.

Под *концептуальной деривацией*, вслед за Л.В. Бабиной, мы понимаем когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептуальных образований [Бабина 2003: 73].

© Балакин С.В., 2014

Под *деривационным потенциалом* концепта мы понимаем его способность развиваться за счет потенциалов каждого из содержащихся в нем элементов и их признаков. Для изучения деривационного потенциала макроконцепта нами вводится понятие *деривационного узла*. Деривационный узел – это особая *точка роста*, в которой создаются наиболее благоприятные условия для развития концепта. Иными словами, это такие концептуальные признаки, на основе профилирования которых происходят деривационные процессы в структуре концепта.

Согласно классификации, как известно, предложенной Э. Рош, в структуре макроконцепта выделяются концепты трех уровней: суперординатного (*superordinate*), базового (*basic*), и субординатного (*subordinate*) [Rosch 1978]. На суперординатном уровне макроконцепт отражает всю совокупность представлений о том или ином макроконцепте, сложившихся в определенной лингвокультуре.

Каждый из макроконцептов представлен большим или меньшим количеством микроконцептов. Микроконцепты как производные единицы возводимы непосредственно к соответствующим концептам базового уровня, то есть микроконцепты формируются на базе производящей основы (то есть концепта базового уровня) за счет профилирования тех или иных концептуальных признаков, которые и создают деривационные узлы разных мощностей.

Деривация в структуре концепта, на наш взгляд, осуществляется по трем моделям: расширение, сужение и углубление.

Деривационный процесс, приводящий к появлению новых структурообразующих элементов, то есть микроконцептов или концептов базового уровня в макроконцепте, мы рассматриваем как деривацию по типу *расширения*. Возникновение новых элементов в структуре макроконцепта происходит в основном на субординатном уровне, поскольку, микроконцепты более подвижны и по сравнению с концептами базового уровня являются относительно неустойчивыми.

Наряду с деривационным процессом по типу *расширения* в структуре макроконцепта, как показало исследование, может происходить и обратный процесс, который мы квалифицируем как деривацию по типу *сужения*. Данный тип деривации проявляется, например, в концепте *детские игры*. Так, в русской лингвокультуре исчезли *игра в озябушки*, *игра в бирюльки*, *игра в гулочки* и др.

Третий тип деривации мы рассматриваем как *углубление*, то есть такой процесс, при котором развиваются различные концептуальные признаки микроконцептов на основе когнитивных механизмов метафоры, метонимии и сравнения, что происходит в основном при взаимо-

действии макроконцепта с другими концептами (концептуальными областями). Углубление – это такой деривационный процесс, при котором структура концепта усложняется («углубляется») за счет появления у концепта новых концептуальных признаков, объективируемых, как правило, во фразеологических и паремиологических единицах метафорического и метонимического характера. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, паремии и фразеологизмы, которые включают лексему, наминирующую концепт, входят в его «номинативное поле», поэтому анализ их значения «позволяет установить определенные признаки соответствующего концепта» [Попова 2006: 128-129]. Процессу углубления, по нашему мнению, также способствует «участие» рассматриваемого концепта в оценочной категоризации, то есть соотнесение какого-либо предмета/явления с эталоном оценки. По словам Н.Н. Болдырева, оценочная категоризация – это «результат пересечения или отражения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия окружающего мира – буквальную, физическую и ценностную, идеальную, то есть результат переосмысления окружающего мира с позиций ценностных концептов и категорий» [Болдырев 2002: 107]. Оценочный концепт имеет определенную иерархию. Ядерные признаки выражают прототипические характеристики, которые принадлежат коллективному знанию и распознаются через конкретные элементы, составляющие индивидуальное оценочное знание [там же: 109].

Процессу углубления структуры макроконцепта способствует, на наш взгляд, и его взаимодействие с другими концептами. По мнению Л.В. Бабиной, процесс концептуальной деривации при таком взаимодействии подразделяется на два этапа. На первом этапе концепт переходит в «состояние взаимодействия с другим концептом», что служит «пусковым механизмом» концептуальной деривации. Второй этап знаменует поиск соответствующего обоснования для взаимодействия концептов, осуществление которого становится возможным благодаря способности концепта выступать и как ментальное пространство, и как ментальная область [Бабина 2003: 62]. Направление изменений, которые претерпевают исходные концепты, зависит от потенциальности концепта, а также от влияния взаимодействующего с ним концепта [там же: 61].

Все рассмотренные виды взаимодействия концептов осуществляются на основе процесса концептуальной интеграции. Процесс концептуальной интеграции и его результаты целесообразно рассматривать с позиции теории *интеграции* М. Тернера и Ж. Фоконье, развиваемой в трудах многих современных лингвистов. Так, А. Ченки, осно-

вываясь на выводах М. Тернера и Ж. Фоконье и исследуя слияние грамматических концептов, пишет, что оно представляет собой «динамический процесс, при котором говорящий втягивает элементы из разных ментальных пространств (или «входов» – «inputs») в единое интегративное пространство, в так называемое «смешанное пространство» [Ченки 2000: 6-7; см. также Coulson, Fauconnier 1999]. Теория интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера на материале французского языка получает развитие в работах современного исследователя Ф. Греа, который отмечает, что деривационный потенциал языковых единиц реализуется в интегративной сети [réseau d'intégration] [Gréa 2003: 65]. Интеграция элементов различных концептов, несомненно, является одним из факторов концептуальной деривации.

В связи с взаимодействием концептов и образованием производной единицы, интегрирующей их признаки, встает вопрос о соотношении этих признаков. Выдвижение одного из них на первый план рассматривается как его профилирование. Согласно Р. Лэнкекеру, профилирование – это выделение (фокусирование) отдельного элемента, в результате чего имеет место контрарность, основанная на выделении профиля и базы [Langacker 1991: 187].

В результате процесса взаимодействия появляются концептуальные образования гибридного типа, отражающие своеобразные зоны пересечения.

Деривационные узлы как средоточие потенции того или иного элемента структуры концепта то активизируются, то «затухают». При этом важно отметить, что в «памяти» концепта сохраняется «угасший» деривационный узел. Следы его можно найти в виде отдельных сохранившихся элементов. Это означает, что при благоприятных условиях он может снова активизироваться. Пусковым механизмом активизации деривационных узлов являются разнообразные экстралингвистические факторы. Так, достижения последних десятилетий в области телекоммуникационных средств привели к появлению совершенно новых *объектов* игры и к формированию в структуре макроконцепта «игра» нового концепта базового уровня – электронные игры.

В случае исчезновения какого-либо элемента макроконцепта можно сказать, что экстралингвистический фактор прекратил «подпитывать» его извне.

Результаты концептуальной деривации отражаются на вербальном уровне, но это отражение не всегда является зеркальным: лексические единицы, репрезентирующие элементы концептуальной «дерива-

ционной цепочки», не всегда могут рассматриваться как элементы, связанные деривационными отношениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. – Тамбов-Москва: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 246 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2002. – 123 с.

Попова З.Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

Ченки А. Конструкции, метафоры и слияние концептов // Когнитивная семантика: материалы второй международной научной школы: в 2 ч. Ч. 2. – Тамбов: 2000. – С. 6-8.

Coulson S., Fauconnier G. Fake Guns and Stone Lions: Conceptual Blending and Privative Adjectives [Electronic resource]. – URL: <http://cogisci.uscd.edu/~coulson/Fake/fakeguns.htm>

Gréa Ph. Les limites de l'intégration conceptuelle // Langage. La constitution extrinsèque du référent. – 2003. – №150. – P. 61-74.

Langacker W.R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. – Berlin-N.-Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.

Rosch E. H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. – Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27-48.

Дмитриева О.А.

Волгоград, Россия

**ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА**

Аннотация. Статья посвящена проблематике выделения границ дискурса. Трансляция ценностей, смещение хронотопа, модификация социальной роли приводит к разрушению целостности дискурса и требует научного осмысления.

Ключевые слова: дискурс, языковая личность, мода, институциональный дискурс, религиозный дискурс, хронотоп, концепт, социальная роль.

Сведения об авторе: Дмитриева Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Контактная информация: 400005, г. Волгоград, ул. Бакинская 13 - 163.
e-mail: dmoa@mail.ru.

Dmitriyeva O. A.

Volgograd Russia

**PERSPECTIVE OF STUDYING OF
THE RELIGIOUS DISCOURSE**

Abstract. Article is devoted perspectives of allocation of borders of a discourse. Translation of values, shift the time, modification of a social role leads to destruction of integrity of a discourse and demands scientific judgment.

Keywords: discourse, language personality, fashion, institutional discourse, religious discourse, time, concept, social role.

About the Author: Dmitriyeva Olga Aleksandrovna, Doctor of Philology, associate professor, professor of chair of English philology.

Work of place: Volgograd state social and pedagogical university.

Антропоцентрический подход в лингвистике значительно расширил исследовательскую сферу ученых, интересы которых распространяются на изучение проблематики проявления языковой личности во всем своем многообразии. Данная статья касается некоторых уязвимых моментов в выделении типов дискурса и их анализа. Особая трудность в характеристике и классификации дискурса является смещение одного из структурирующих признаков дискурса, при котором происходит нарушение целостности дискурса. Рассмотрим данную проблему на примере трансляции концептов при смене социальной роли участников и хронотопа дискурса. В качестве такого концепта мы избрали моду, как поведенческий регулятив любого социума. Изучение феномена «мода в языке» предполагает выделение определенного языкового материала, маркированного с точки зрения моды, а также характеристики языковой личности, активно оперирующей данными единицами с целью поддержания своего статуса. Проанализировав словарные дефиниции, выделяем следующие признаки моды: периодичность, акту-

альность, цикличность, доминирование, проявление в различных сферах, частотность. Будучи социальным феноменом, мода представляет собой, с одной стороны, поведенческий регулятив, с другой – характеристику языковой личности с точки зрения вербального проявления, учитывая, что мода реализуется на всех уровнях языка, начиная с фонетического, заканчивая синтаксисом, и невербального проявления, по этой причине целесообразно говорить о языковой моде. Не каждая языковая личность характеризуется активным использованием модных языковых единиц, выделение которых возможно только после выработки определенного критерия, одним из которых является триада «частотность, массовость, статусность». Отметим, что мода как феномен не охватывает всех носителей лингвокультуры, то есть, моду игнорируют, негативно оценивают или следуют ей. С позиции прагмалингвистики, использование модных единиц в речевом акте целенаправленно и преднамеренно, кроме того, конвенциональность полностью зависит от социороловой позиции говорящего. Цель использования модных языковых единиц двойка, во-первых, она заключается в демонстрации своей причастности к адресанту (адресантам), когда происходит своего рода апелляция к архетипу «свой», а во-вторых, наблюдается намеренное возвышение статуса и подчеркивание лидерской позиции. Что касается наиболее подверженного моде бытового дискурса, то здесь наблюдается максимальное воздействие языковой моды на коммуникантов. Как отметила О.Б. Сиротина, для речи носителей разговорных типов характерна погоня за модой: модными же сейчас являются далеко не лучшие элементы речи: жаргонизмы, максимальная сниженность речи и «высокая» книжность, насыщенность иностранными словами [Сиротина 2001].

Перейдем к рассмотрению места моды в ценностной системе приоритетов языковой личности «верующий» (в рамках РПЦ). Выбор данного направления неслучаен. Во-первых, после идеологии, запрещающей открыто выражать религиозные чувства, в российском обществе предоставляется свобода вероисповедания. Традиционно большая часть населения России исповедует православие, так по данным опроса, проведенного ВЦИОМ, 72% взрослого населения считают себя православными [http://www.pravmir.ru/soglasno-dannym-vciom-pravoslavnyimi-sebya-schitayut-tri-chetverti-rossiyan/]. Таким образом, религиозный (православный) дискурс актуален и охватывает большую часть носителей русской лингвокультуры. Во-вторых, в настоящее время активно изучается речевая специфика верующих, а в целом и весь религиозный дискурс. Необходимо отметить ряд разногласий сре-

ди лингвистов, так, в своих работах, И.В. Бугаева определяет статус языка верующих как православный социолект [Бугаева 2008], однако, эту точку зрения оспаривает Л.И. Маршева, подчеркивающая актуальность проблемы дифференциации современного русского языка, но видящая слабую аргументативную базу, позволяющую определить язык православных как социолект [Маршева 2010]. Описывая религиозный дискурс, Е.В. Бобырева, разделяя точку зрения В.И. Карасика [Карасик 2000], предлагает ограничивать сферу реализации дискурса хронотопом и участниками данного институционального дискурса [Бобырева 2007]. Эту точку зрения оспаривает Н.К. Миронова, считающая параметры выделения религиозного дискурса несовершенными, т.к. они не позволяют включить в рамки религиозного дискурса огромный пласт церковной и околоцерковной коммуникации, связанной, например, с деятельностью СМИ [Миронова 2010]. Этой же позиции придерживается А.Д. Самойлова, оценивающая параметры хронотопа религиозного дискурса неоправданно узким и оставляющим недоступным для анализа широкий пласт экстралингвистического материала, маркированного религиозной тематикой [Самойлова 2012]. Проблема определения границ религиозного дискурса налицо. В любом случае, отталкиваясь от признаков «хронотоп, тематика общения, участники», следует выделить церковное общение и околоцерковное, что и предлагает К. Чумакова, подчеркивающая неизменность целей религиозного дискурса в обеих формах коммуникации [Чумакова]. Не ставя перед собой задачу, поддержать или опровергнуть ту или иную точку зрения, акцентируем внимание на тот факт, что, говорить о моде и православии можно только в рамках околоцерковной коммуникации, скорее здесь уместно упомянуть бытовой и бытийный дискурсы, в рамках которых происходит общение на религиозную тему.

Проявление такого типичного для социума регулятива поведения как мода, еще не рассматривался с позиции аксиологической лингвистики. Языковая личность «верующий» может рассматриваться не только в рамках религиозного дискурса, при смене социальной роли и хронотопа общения, меняется речевая характеристика «верующего» в зависимости от условия протекания коммуникативной ситуации. Говоря о религиозном дискурсе, подчеркнем его институциональность и персуазивность. Соответственно, выделяем агентов – священнослужителей (в собирательном значении, то есть клириков) и клиентов – прихожан. Жесткие прескриптивы, регулирующие коммуникативное поведение клиентов и агентов религиозного дискурса, не позволяют привнести новизну в типичные коммуникативные ситуации: молебен, проповедь,

исповедь, свершение таинств, богослужения и т.д., кроме того, ценностные доминанты языковой личности «верующий», отрефлексируемые в Священном Писании в форме заповедей статичны, не подвергаются изменениям и переосмыслениям. Первые две заповеди «Я есть Господь Бог твой, и нет других богов, кроме Меня», «Не сотвори себе кумира и никакого изображения; не поклоняйся им и не служи им» полностью отрицают следование моде. Поскольку мода как антиценность имплицитно представлена в русском коммуникативно-массовом сознании в следующих выражениях: дань моде, жертва моды, мы видим, что мода соотносится с идолом, наподобие языческого божества, который деструктивно влияет на личность, поклоняющуюся ему, вынужденную платить дорогую цену. Отношение к моде среди православных верующих характеризуется негативной оценкой, об этом свидетельствует пилотажное исследование, проведенное нами. В целом, при опросе 93% респондентов, относящих себя к православным, выразили отрицательное отношение к моде, при этом, в 67% ответов прозвучало прецедентное высказывание монахини Антонии: «Прочитайте слово мода и увидите, как оно связано с... (адам, прим. автора)», то есть, как показал опрос, верующие в зависимости от степени воцерковленности соотносят моду с земными радостями - «греховными», которые не должны превалировать над духовным ростом личности. Но используя методы наблюдения, интроспекции, статистического подсчета и интерпретации, мы выделили ряд языковых единиц, стоящих на пике популярности в околоцерковной коммуникации, также нами отмечено и невербальное проявление моды.

Участники религиозного дискурса при смене хронотопа, включаются в бытовую коммуникацию, смена социальной роли предполагает более свободное коммуникативное поведение, расширение тематики коммуникации, соответственно, будучи членом социума, агенты и клиенты религиозного дискурса подвергаются влияниям его ценностей, что позволяет, например, священнослужителю придерживаться в быту тем или иным модным веяниям, в том числе и языковым. Отметим, что если агент, как и клиент научного дискурса может позволить себе придерживаться моде во всех ролевых исполнениях и смене дискурса (изучение языковой моды в научном дискурсе ведется М.М. Рипяховой в рамках работы лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в ВГСПУ), то участники религиозного дискурса при смене регистра общения и социальной роли менее свободны в возможности модификации ценностных приоритетов, поскольку вера налагает строгие прескриптивы поведения во всех сферах существования человека. Прояв-

ление языковой моды связано с тем, насколько личностная ценностная шкала приоритетов верующего соотносится с заповедями, которые представляют собой жесткие прескрептивы. При поверхностном следовании заповедей, моральный облик человека, фактически не меняется, однако, наблюдается активная демонстрация принадлежности к православному сообществу посредством внешней атрибутики и показного поведения. Иными словами, степень воцерковленности оказывает значительное влияние на специфику коммуникативного поведения православного верующего. В настоящий момент, в русском массовом коммуникативном сознании актуально стереотипное представление верующего, подробное описание которого представлено в следующей цитате: «В обывательском понимании это человек, который ходит в церковь, соблюдает посты, читает церковную (и околоцерковную) литературу, имеет духовника и во всем его слушается, совершает паломнические поездки и т.д. Кроме того, в общественном сознании уже прочно укоренилось мнение, что воцерковленные люди непременно должны разделять антизападнические, монархические и тому подобные общественно-политические воззрения. Подлинное же воцерковление — это становление православного христианина прежде всего как личности, и личности со вполне определенными свойствами: нравственной целостностью, свободой, ответственностью, зрелостью, самостоятельностью, а прежде всего опытом христианской духовной жизни, дающим христианину мудрость, умение отличать добро от зла» (игум. Петр (Мещеринов). Как мы видим, проблема подмены ценностей актуальна и связана с таким социальным явлением, как мода на православие, под которой понимается поверхностное отношение к религии, выражающееся в целенаправленном создании имиджа «православный». Сущность имиджа состоит в намеренном выпячивание ряда характеристик для целенаправленного воздействия на окружающих, имидж «православный» поддерживается апелляцией в разговоре к религиозной тематике и активном использовании лексем: старец, пост, праздник, чудотворная икона, знамения, частом обращении в речи к историзмам и архаизмам, звательному падежу. Иными словами, с помощью маркированных единиц, относящихся к православной тематике языковая личность намеренно вызывает необходимую реакцию у участников коммуникации, а именно ассоциативный ряд, объединенный тематикой «православие». В качестве стимула выступают не только вербальные средства, но и невербальный, которые заключаются в «показном» наложении на себя крестного знамения, и т.д. Фактически, имидж базируется на избыточности и неуместности в апелляции к православным

прецедентным текстам, именам, атрибутам (ношении нательного креста поверх одежды, в виде сережек и колец) и ситуациям в широком аспекте коммуникативных ситуаций вне религиозного дискурса, так, цитирование вырванных цитат из богословской литературы и Священного Писания происходит в коммуникации с целью заявить о своей принадлежности к определенной группе, в данном случае к православным. Проиллюстрируем примером: «По информации «ЗН», будущий президент Украины собирается подкрепить свой имидж «православного президента», предварив инаугурацию торжественным молебном в Киево-Печерской лавре» (<http://www.edrus.org/content/view/19150/47/>). Опять-таки, эта тенденция противоречит сущности православия, что заявляется отцами Церкви со времен первых христиан: «христиане по внешнему виду могут ничем не отличаться от людей той страны, в которой они живут, но могут отличаться внутренним состоянием и поведением». В цитате, взятой из Псково-Печерского листка, приведена типичная оценка поверхностного отношения к символам православия: «...В последние годы появилась неправильная манера носить православный нательный крест поверх одежды или на короткой цепочке, так, что его видно при открытом вороте рубашки. Таким образом, крест используют как декоративную деталь туалета, он низводится на степень кулона, значка, украшения. Это оскорбление святыни» (Псково-Печерский листок № 564). Таким образом, неуместное бравирование православной символикой в рамках религиозного дискурса расценивается как оскорбление святыни. Таким образом, соотношение поведенческого регулятива «мода» и языковой личности «верующий» является лакмусовой бумажкой, указывающий на необходимость пересмотра параметров выделения дискурса, в нашем случае, религиозного. Мода как феномен априори не может являться ценностью религиозного дискурса, что определается нормами христианства, заключенными в заповедях. Но, реальное присутствие моды как одной из ценностной составляющей языковой личности «верующий» требует либо расширить рамки религиозного дискурса, что нарушит его характеристику как институционального, либо переосмыслить и классифицировать явление околоцерковного общения, при котором происходит модификация социальной роли и хронотопа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография - Волгоград: Перемена, 2007. – 375 с.

Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2010. – 410 с.

Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С.37-64. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vspu.ru/%7Eaxiology/vik/vikart9.htm>.

Маршева Л.И. Православный социолект (религиолект) как способ языковой маргинализации // Вестник ПСТГУ III: Филология 2010. – Вып. 2 (20). – С. 74-85.

Миронова Н.К. Религиозный дискурс, религиозный социолект и религиозный стиль – к проблеме определения понятия // Медиастилистика. – 2011. – Вып. 1. [Электронный ресурс]. URL: www.mediascope.ru/node/756.

Сиротинина О. Б. 2001: Разговорные типы речевой культуры и хорошая [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_129.

Самойлова А.Д. Дискурс: К проблеме определения понятия [Электронный ресурс]. URL: <http://any-book.org/download/54968.html>.

Чумакова К.В. Религиозный дискурс в массмедиа // Современный дискурс-анализ. Электронный журнал. – 2012. – № 6. – С. 82.

Кошкарлова Н.Н.

Челябинск, Россия

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ВЕКТОР
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Koshkarova N.N.

Chelyabinsk, Russia

**INTERCULTURAL TENDENCY
IN POLITICAL
COMMUNICATION STUDY**

Аннотация. Статья посвящена анализу политической коммуникации с межкультурной точки зрения. В работе предлагается определение межкультурного политического пространства.

Ключевые слова: политическая коммуникация, межкультурная коммуникация, межкультурное политическое пространство.

Сведения об авторе: Кошкарлова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международных коммуникаций.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Контактная информация: 454000, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования.

e-mail: nkoshka@rambler.ru.

Abstract. The paper is devoted to the analysis of political communication from intercultural point of view. The definition of intercultural political space is given.

Keywords: political communication, intercultural communication, intercultural political space.

About the Author: Koshkarova Natalya Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of International Communication.

Place of employment: South Ural State University.

Межкультурный подход к исследованию политической интересует нас в связи с проблемой взаимоотношения конфликтных и кооперативных форм общения с национально-культурными характеристиками коммуникантов. Становление теории межкультурной коммуникации является результатом длительного научного изыскания целого ряда гуманитарных областей знания: философии, социологии, психологии, филологии, истории и т.д. При этом, как отмечает О.Ю. Левашкина [Левашкина 2005], интегративный (междисциплинарный) характер межкультурной коммуникации не исключает наличия специфических подходов к её исследованию. Поэтому в области межкультурной коммуникации автор выделяет социологические, психологические и лингвистические направления. И.В. Наместникова [Наместникова 2003] в качестве важнейших векторов исследования межкультурной коммуникации также рассматривает: а) философско-социологический; б) этно-

педагогический и культурно-антропологический; в) культурологический.

В рамках настоящей работы все из перечисленных выше направлений исследования межкультурной коммуникации представляются актуальными и востребованными, что позволяет выявить характерные черты функционирования данного феномена при его взаимодействии с конфликтными и кооперативными формами интеракции. О.Ю. Левашкина [Левашкина 2005] указывает, что несмотря на достаточную теоретическую и практическую разработанность идеи межкультурной коммуникации не существует точной дефиниции анализируемого феномена в силу обсуждения и анализа последнего различными научными направлениями. Поставив во главу угла межкультурной коммуникации двух субъектов процесса общения – носителей различных культур – мы, вслед за И.В. Наместниковой [Наместникова 2003], предлагаем определять анализируемый феномен как когнитивно-коммуникативную среду, которая, по мнению автора, эксплицирует наряду с коммуникативной функцией культуры её культурно-прагматическую и аксиологическую функции и открывает возможности выделения социокультурного пространства как общего и национально-специфического, воссоздающего картину мира и самого субъекта, принадлежащего к конкретной культурной общности.

В контексте нашего исследования актуальным является взаимодействие представителей двух разных культур в политическом дискурсивном пространстве, когда на интеракцию «двух языков, двух языковых сознаний, двух лингвокультур, двух менталитетов» [Руженцева, Антонова, 2013: 12] влияет совокупность экстралингвистических факторов. В формате политического дискурса, как следует из определения данного вида общения, взаимодействие может быть не только междискурсивным, но и межличностным, межинституциональным, межъязыковым, межтекстовым. Такие формы коммуникации выделяются в упомянутой работе Н.Б. Руженцевой и Ю.А. Антоновой «Международный дискурс: модель в контексте эпохи» (Екатеринбург, 2013). Напомним, что традиционно в коммуникативистике выделяют четыре формы коммуникации: межличностная, внутригрупповая, массовая и межкультурная. Межличностная коммуникация предполагает обмен сообщениями и их трактовку двумя или несколькими субъектами при личном контакте. Внутригрупповая коммуникация представляет собой общение в различных социальных группах. Массовая коммуникация осуществляется при помощи специальных технических средств, что позволяет вовлечь в процесс общения большие группы людей. Меж-

культурная коммуникация представляет собой общение представителей двух или нескольких различных культур, в ходе которого происходит обмен информацией и культурными ценностями. Межкультурная коммуникация может происходить на различных уровнях: групповом или индивидуальном.

В политическом дискурсивном пространстве мы наблюдаем синтез реализации двух видов межкультурной коммуникации – групповой и индивидуальной, так как акторами в данном случае могут выступать как целые группы (журналистский пул на политических мероприятиях различного уровня – пресс-конференция, Прямая линия; члены Правительства, Парламента и других властных структур; читатели и слушатели, к которым обращены выступления политических лидеров), так и отдельные личности (политики, журналисты во время интервью с первыми). Анализ политического дискурсивного пространства с учётом двух видов межкультурной коммуникации позволяет нам ввести в терминологический аппарат исследования термин *межкультурное политическое пространство*, которое мы определяем как область взаимодействия субъекта, объекта и наблюдателя, представляющих разные национально-культурные сообщества, с неперменной вербализацией средствами языка, реализацией в тех или иных жанрах политической коммуникации и различной модальностью как следствия напряжённого или толерантного отношения коммуникантов друг к другу. В результате возникновения отношений различной модальности в рамках межкультурного политического пространства возможно говорить о существовании двух типов дискурса – конфликтного и кооперативного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Левашкина О.Ю. Текст как репрезентант языковой личности в межкультурной коммуникации: дис. ... канд. культурологии. – Саранск, 2005. – 170 с.

Наместникова И.В.. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: Ис. ... доктора философских наук. – М., 2003. – 330 с.

Руженцева Н.Б., Антонова Ю.А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013. – 292 с.

Лукин О. В.

Ярославль, Россия

**ЧАСТИ РЕЧИ В СИСТЕМЕ
ЗНАНИЙ ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация. Автор статьи анализирует когнитивные обоснования теории частей речи в их взаимосвязи с традиционными подходами.

В статье ставится вопрос об онтологических категориях как отражении когнитивного аппарата человека.

Ключевые слова: теория частей речи, когнитивный аппарат, когнитивные образцы, онтология, лексика, грамматика, дискурс.

Сведения об авторе: Лукин Олег Владимирович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка.

Место работы: Ярославский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 150003, г. Ярославль, пр. Ленина, д. 13/67, кв. 25.
e-mail: oloukine@mail.ru.

Lukin O. V.

Yaroslavl, Russia

**PARTS OF SPEECH IN SYSTEM
OF HUMAN KNOWLEDGE**

Abstract. The author of the article analyzes cognitive approach to the parts of speech theory in relation to traditional ones.

In the article the author highlights ontological categories as a means of reflecting the system of human cognitive categories.

Keywords: parts of speech theory, system of human cognitive categories, cognitive samples, ontology, lexicon, grammar, discourse.

About the Author: Lukin Oleg Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Language Theory.

Place of employment: Yaroslavl State Pedagogical University.

Знания о частях речи входят в качестве обязательного компонента в комплекс знаний любого человека. Как известно, К.°Поппер в этом отношении различал три «мира»: мир 1 – мир физических предметов и состояний, мир 2 – это весь мир субъективного опыта или состояний сознания, мир 3 – мир знаний в объективном смысле (см. [Eccles 1989: 127]). Знания являются фундаментом для развития дальнейших рассуждений носителя языка о своем языке, языке вообще и в определенной степени – обо всех других языках, существующих в мире. Языковые знания входят в качестве одного из компонентов в комплекс человеческих знаний вообще, причем вторым элементом этого комплекса называют внеязыковые знания – знания об окружающем мире вообще и знания о контексте, ситуации общения и адресате ([Герасимов, Петров 1988: 7]).

Языковые правила являются частью когнитивного аппарата человека, потому что язык – это наиболее характерный тип его когнитивной деятельности ([Лакофф 1988: 31]). Принято говорить, что развитие

языка значительно повысило подвижность когнитивного аппарата человека, следствием чего явилась его меньшая, чем у других живых существ, зависимость от генетически детерминированных образцов поведения и одновременно, большая зависимость от т. н. культурных образцов ([Köller 1988: 236]).

На языковом (грамматическом и лексическом) уровне действительность упрощается посредством языка, причем на каждом уровне по-разному. На лексическом уровне язык упрощает действительность тем, что суммирует индивидуальное под когнитивными образцами или понятиями: похожее объявляется в понятийном плане одинаковым и благодаря этому исключительно облегчаются мышление и вся деятельность человека. На уровне грамматики речь идет об образовании упрощенных структурных моделей: из огромного числа возможных отношений между лексическими единицами определенные от ношения в конкретном языке типизируются и стабилизируются в морфологии этого языка как его организационные и интерпретационные модели (ср. [Köller 1988: 191]).

Вышеприведенные соображения имеют большое значение хотя бы уже потому, что большинством исследователей части речи рассматриваются именно как лексико-грамматические категории. Упрощение действительности и абстрагирование от нее, классификация ее явлений по понятиям или когнитивным образцам, освобождение от многих индивидуальных черт, про исходящие на лексическом уровне, закрепляются на уровне грамматическом в форме типичных образцов отношений между собою лексических единиц (т. е. слов, следовательно, частей речи). Носителям отдельно взятого языка его система частей речи представляется как нечто данное, таким же образом предстают перед ним и лексические значения отдельных слов, система их синтаксических отношений и взаимосвязанная с первыми двумя признаками структура слова.

В. Кёллер говорит о проблеме отношений между явлениями действительности (природы) и феноменами культуры в языковых формах с точки зрения употребления языка, далекой от анализа языковых форм с позиций теории познания: в повседневном языковом употреблении мы далеки от принципиальной критики языка и грамматики. Лексические и грамматические формы, с помощью которых мы формируем и передаем наши знания, представляются им не исторически выработанными культурными формами, а нейтральными природными формами, критиковать которые с позиций теории познания бессмысленно. Критика касается чаще всего практического употребления языковой формы

с определенной целью, т. е. на уровне стилистики или аргументации, но не принципиальной когнитивной значимости языковой формы, т. е. не на уровне теории познания или на медиальном уровне ([Köller 1988, 212]).

Не случайно сравнение языка с нитью Ариадны, помогающей нам найти выход из лабиринта незнания. По мнению В. Кёллера, скрытая в грамматике и языке онтология, как правило, значительно неопределеннее, консервативнее и обладает значительно большим присутствием культурной специфики, чем изложенная в теоретических трактатах. Но именно поэтому эта онтология и является более жизнеспособной, всеохватной и антропо логически значимой (ср. [Köller 1988: 217]).

Весьма спорно, насколько наше мышление способно эмансипироваться от величин, заданных тем или иным языком, в частности, его грамматикой. Не вызывает сомнения однако то, что процессы познания в какой-то мере доверяются языку как нити Ариадны, чтобы найти первый путь из лабиринта незнания ([Köller 1988: 217]). Именно поэтому диалектике, грамматике и риторике в античные времена обучали как основам фундаментального знания раньше всех других (специальных) дисциплин.

Все люди независимо от национальности (следовательно, языка) имеют одинаковый когнитивный аппарат: это доказывает хотя бы тем фактом, что все дети практически с одинаковой легкостью естественным путем овладевают родным языком. Поэтому и можно говорить о зависимости заложенных в каждом языке когнитивных образцов от физического и социального миров, в которых живет человек, говорящий на этом языке. Будучи знаковыми системами, все языки вынуждены иметь практичную внутреннюю организацию, делающую их способными к употреблению и функционированию. Поэтому все знаковые системы должны иметь знаки названия и знаки организации или интерпретации (т. е. знаменательные и служебные части речи).

Если все люди обладают одинаковым в структурном отношении когнитивным аппаратом, то нетрудно сделать вывод, что при помощи этого когнитивного аппарата созданы похожие когнитивные образцы. Поэтому все языки должны обладать практичными когнитивными различительными образцами, с тем чтобы люди, которые на них говорят, смогли справиться с физическими и социальными условиями окружающего их мира. Чем более похожи эти условия, тем более похожими, вероятно, будут образцы, которые в них используются ([Köller 1988: 218]). Хотя бы по этой причине мы вправе ожидать (и находим на

самом деле) очень похожий набор группировок слов, именуемых частями речи, и в этом смысле части речи в чем-то универсальны, хотя универсальность частей речи не должна пониматься в духе средневековых универсальных грамматик, основанных на строении латинского языка и переносащих эти принципы на все языки мира как единый по своей сути человеческий язык. Универсальность частей речи онтологична и поэтому в некоторой степени условна.

Вполне правомерно Г.-Ю. Зассе сомневается в пригодности семантического (т. н. онтологического) критерия. Хотя его сомнение в чем-то само противоречиво: если части речи – лексические категории, то они должны характеризоваться лексически, а не онтологически, с одной стороны, и не морфологически и синтаксически, с другой. Онтологический критерий, согласно Г.-Ю. Зассе, нередко ведет к неправильным обратным выводам: если, по нашему пониманию, представлено «описание предмета», то речь должна идти об имени. Особенно эта опасность подстерегает нас, к примеру, в языках изолирующего типа, где формальные признаки не столь явно выражены (ср. [Sasse 1993: 194-195]).

Г.-Ю. Зассе считает, что вопрос о базовых онтологических категориях разработан явно недостаточно. Эта проблема непосредственно связана с вопросом универсальных семантических признаков, решение которого, в свою очередь, предполагает соответствующие результаты психолингвистики, нейролингвистики и других отраслей, находящихся на границе языкознания с другими науками. Принятие онтологических базисных категорий означало бы, что в когнитивном аппарате человека существуют ячейки для определенного количества концептных классов, однако сама постановка вопроса о существовании онтологических категорий независимо от языка еще проблематична. В то же время онтологический базис является одним из распространенных принципов классификации словарного состава всех известных языков (см. [Sasse 1993: 202]).

Для теории частей речи исключительно важны отношения лингвистики, психологии и логики, которые отражают функционирование языка в самом широком контексте и состоят в следующем:

а) каждое языковое выражение обусловлено логически, психологически и лингвистически;

б) теория говорения рассматривает язык прежде всего с точки зрения "signifié", и только потом – с точки зрения средств выражения ("signifiant");

в) взаимная обусловленность смысла и структурных языковых средств является основой грамматических отношений в высказывании;

г) единицы языка (за исключением тех, которые похожи на имена собственные и актуальные *per se*) абстрактны и виртуальны (ср. [Knobloch 1988: 3-4]).

В. Кёллер считает, что любой грамматический анализ, который охватывает только логический критерий, оставляя за скобками психологические, системно-теоретические, культурные аспекты и аспекты теории деятельности, недостаточен, так как грамматические формы организации намного объемнее логических, потому что они служат многообразным функциям. Анализ грамматических форм с точки зрения классической логики – лишь одна из многих возможностей анализа ([Köller 1988: 193]).

Важную роль в теории частей речи играет анализ проблемы “высказывание” и “ситуация”. Теория частей речи оказывается непосредственно связанной с целым комплексом проблем, к которым относятся:

(1) общие принципы концептуализации действительности и вопросы онтологии – предметной области приложения естественного языка;

(2) понятия „мир“, „ситуация“ в философском, логическом и лингвистическом аспектах, формы проявления этих понятий в языке и их эвристическая ценность как элементов метаязыка философской логики, философии языка и лингвистики;

(3) особенности восприятия и фактор знания (информированности) о действительности в формировании высказывания и его связи с ситуацией (миром);

(4) вопросы референции предложения, его компонентов и производных от него имен и конструкций;

(5) проблема истинности высказывания и вопросы тождества ([Переверзев 1998: 24]).

При таком подходе все факторы языка трактуются как “средства концептуализации мира в установлении номенклатуры, структуры и способов связи онтологических объектов”. Здесь говорится о первичной роли факторов языка как средств концептуализации мира в установлении номенклатуры, структуры и способов связи онтологических объектов и о существовании внутри языковой системы особых областей (“подсистем”, “подъязыков”, или “дискурсов”) ([Переверзев 1998: 24]). В качестве главной языковой формы выражения возможного мира рассматривается пропозиция, основу которой составляют имя и предикат (ср. „Теперь обратимся к типам оппозитивных языковых выраже-

ний, поочередно соотнося их с каждым из перечисленных типов онтологических объектов. Наш путь начнется в области пропозиций. Пропозицию (и ее костяк – имя и предикат) в разделе 1 мы рассматриваем в качестве языковой формы выражения возможного мира“ [Переверзев 1998: 32]). У. Чейф рассматривал понятийный мир человека аналогичным образом, ср.: „... весь понятийный мир человека изначально разделен на две главные сферы. Одна из них, сфера глагола, охватывает состояния и события; другая, сфера существительного, охватывает предметы“ [Чейф 1975: 114].

Понятия т. н. “прототипических частей речи”, прежде всего “прототипического имени” и “прототипического глагола” связаны с „... функцией лингвистической единицы в составе дискурса и связного текста и в меньшей степени зависит от семантических параметров“ [Тестелец 1990: 87]. Однако такой подход, связанный с понятием дискурса (в особенности противопоставление прототипического и непрототипического имени и прототипического и непрототипического глагола), не дает ответов ни на один из вопросов, задаваемых теорией частей речи. Все это, вероятно, свидетельствует в пользу того, что рассмотрение частеречной проблематики едва ли возможно в плане дискурса, как его принято понимать (ср.: „Дискурс ... – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”“ [Арутюнова 1990: 136-137]).

Дискурс не дает ответов на вопросы теории частей речи, в то время как последняя может прояснить некоторые аспекты дискурса. Распространенное мнение о том, что прототипические свойства различных частей речи зависят от той роли, которую они выполняют в дискурсе, является, на наш взгляд, одним из вариантов современных интерпретаций античных концепций, из которых и вышла традиционная теория частей речи.

Поэтому и мнение о том, будто «... в настоящий период развития лингвистики можно утверждать, что деление слов на ЧР обусловлено их отношением к лексике (словарю), грамматике (выражаемым ими морфологическим и деривационным категориям) и, главное, их отношением к речевой деятельности, дискурсу и их коммуникативным целям» [Кубрякова 2004: 231] едва ли добавляют чего бы то ни было нового в наши знания о частях речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136-137.
- Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5–11.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Языки Славянской культуры, 2004. – 555 с.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–51.
- Тестелец Я. Г. Наблюдения над семантикой оппозиций "имя/ глагол" и "существительное/ прилагательное" (к постановке проблемы) // Части речи. Теория и типология / отв. ред. В. М. Алпатов. – М.: Наука, 1990. – С. 77–95.
- Чейф У. Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
- Eccles J. C. Die Evolution des Gehirns – die Erschaffung des Selbst. – München: R. Piper GmbH & Co, 1989. – 450 S.
- Knobloch C. Sprache als Technik der Rede. Beiträge zu einer Linguistik des Sprechens. – Frankfurt/M.: Peter Lang (Theorie und Vermittlung der Sprache; Bd. 9), 1988. – 246 S.
- Köller W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 S.
- Sasse H.-J. Das Nomen – eine universale Kategorie?// Sprachtypologie und Universalienforschung. – Bd. 46, H. 4, 1993. – S. 187–221.

Матыгина Е.Б.

Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРЫ**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ****ОТНОШЕНИЙ ВО****ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ****ДИСКУРСЕ МАДЛЕН ОЛБРАЙТ****И КОНДОЛИЗЫ РАЙС**

Аннотация. В данной статье рассматриваются три метафоры, которые, согласно исследованию Джорджа Лакоффа, концептуализируют отношения США с другими странами и которые получают свою реализацию во внешнеполитическом дискурсе Мадлен Олбрайт и Кондолизы Райс, называются функции этих метафор.

Ключевые слова: Джордж Лакофф, концептуальная метафора «мировое сообщество», концептуальная метафора «национальный интерес», концептуальная метафора «состояние зрелости», Мадлен Олбрайт, Кондолиза Райс, функции метафор.

Сведения об авторе: Матыгина Екатерина Борисовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 454080, г. Челябинск, ул. Образцова, 15-34.
e-mail: katerinamatygina@mail.ru.

Matygina E.B.

Ekaterinburg, Russia

METAPHORS OF**CONCEPTUALIZATION ‘THE
USA – OTHER COUNTRIES’****RELATIONS IN MADELEINE****ALBRIGHT’S AND****CONDOLEEZZA RICE’S****FOREIGN POLICY DISCOURSE**

Abstract. In this article we consider three metaphors which according to George Lakoff’s research conceptualize the USA and other countries’ relations and which are realized in Madeleine Albright’s and Condoleezza Rice’s foreign policy discourse, the functions of the metaphors are stated.

Keywords: George Lakoff, conceptual metaphor ‘the world community’, conceptual metaphor ‘national interest’, conceptual metaphor ‘maturity’, Madeleine Albright, Condoleezza Rice, functions of the conceptual metaphors.

About the Author: Matygina Ekaterina Borisovna, Post-graduate student of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Contact information: 454080, Chelyabinsk, ul. Obraztsova, 15-34.

e-mail: katerinamatygina@mail.ru.

В нашем исследовании вслед за Джорджем Лакоффом мы выделяем три метафоры, концептуализирующие межгосударственные отношения во внешнеполитическом дискурсе США: «мировое сообщество», «национальный интерес» и «состояние зрелости». Говоря о межгосударственных отношениях, мы, прежде всего, имеем в виду отношения США с другими странами. Концептуальная метафора рассматривается нами как проекция между элементами сферы-источника и элемен-

тами сферы-магнита, в результате которой элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-магнит. Когда некий вывод делается из сферы-источника и накладывается на сферу-магнит, мы называем это «следствием» метафоры.

Концептуальная метафора «мировое сообщество»: «мировое сообщество – человеческое сообщество»

Следствия метафоры: страна/нация – человек; нации – отдельные люди; территория нации – дом человека; близлежащие страны – соседи; международные отношения – социальные взаимоотношения; страна – друг, враг или негодяй.

Madeline Albright: 'Russia can and must be a strong partner'; 'the sovereignty of its neighbors'; 'our deepening friendship with a democratic Ukraine'; 'valued ally, the Republic of Korea'; 'America... have no permanent enemies'; 'put our friends and allies on one side'; 'joining hands with Libya and Iraq'.

Condoleezza Rice: 'treated Russia not as a vanquished enemy, but as an emerging partner'; 'the United States and Europe must not allow Russia's aggression to achieve any benefit'; 'the United States and our friends and allies'; 'America's response'; 'a band of vicious terrorists tried to break the spirit of America'; 'the economic health of all nations'.

Концептуальная метафора «национальный интерес»: «национальный интерес государства – личный интерес человека»

Следствия метафоры: здоровье нации/страны - здоровье человека; военная сила и мощь страны - физическая сила человека; экономическое здоровье государства - способность человека позаботиться о себе и обеспечить себя; национальный интерес страны - богатство, процветание и хорошее вооружение.

Madeline Albright: 'our interests are to be protected around the world'; 'defend firmly our own vital interests', 'the major goal of American foreign policy - the American people are safe, secure, and prosperous'; 'able to operate within a safe, secure, and prosperous world'; 'the more democracies and market economies that exist, the better it is for Americans'; 'America's economic expansion'.

Condoleezza Rice: 'the defeat of terror and the success of freedom in those nations will serve the interests of our nation'; 'as the world's most powerful nation, the United States has a special responsibility to help make the world more secure'; 'build and maintain 21st century military forces that are beyond challenge'.

Концептуальная метафора «состояние зрелости»: «степень индустриализации страны – степень зрелости человека»

Следствия метафоры: индустриальные страны – это взрослые люди; неиндустриальные страны, страны в процессе индустриализации – «отсталые» дети.

Madeleine Albright: 'developing countries around the world offer the fastest-growing markets for American companies'; 'to act cooperatively with other leading nations'; 'a country wants to be part of the international system'; 'dead last among the industrialized nations'; 'Iran and other countries who have a proven disregard for international standards'; 'rogue states and others hostile to our interests'.

Condoleezza Rice: 'in this world, there is an imperative for nations to build a network of strong and unique ties to many influential states'; 'today's threats come... less from strong states than from weak or failed states'; 'fostering an era of good relations among the world's great powers'.

Выделенные в нашем исследовании концептуальные метафоры, описывающие область «США – другие страны» во внешнеполитическом дискурсе США, относятся к разряду антропоморфных метафор. Функциями данных метафор во внешнеполитическом дискурсе госсекретарей являются, по нашему мнению, упрощение сложных явлений и процессов между странами, формирование субъективного отношения к государствам (взгляд на проблему межгосударственных отношений с собственной позиции), и искажение реальности (затемнение многих аспектов реальности, умалчивание).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Condoleezza Rice: What the Secretary has been Saying (archive). [Electronic resource]. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/rm/index.htm>.

George Lakoff Metaphorical Thought in Foreign Policy Why Strategic Framing Matters. [Electronic resource]. URL: http://www.frameworksinstitute.org/assets/files/PDF_GII/metaphorical_thought.pdf.

Madeleine Albright: What the Secretary has been Saying (archive). [Electronic resource]. URL: <http://1997-2001.state.gov/www/statements/>

Санина Ю.К.

Екатеринбург, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
МИГРАЦИИ В РУССКОМ И
БРИТАНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
ПО ДАННЫМ МЕСТНЫХ
ПЕЧАТНЫХ СМИ 2013 ГОДА**

Аннотация. Статья посвящена анализу метафор, описывающих миграцию, на основе текстов русских и британских печатных изданий. Цель работы заключается в изучении существующих метафорических моделей, описывающих миграцию, путем определения межкультурных и специфических черт в русском и британском политическом дискурсе.

Ключевые слова: политический дискурс, метафорическая модель, метафора миграция, русский, британский, СМИ.

Сведения об авторе: Санина Юлия Константиновна, студентка УрГПУ, ИФК и МК.

Контактная информация: 8(982)6511757
e-mail: vogel_s@mail.ru.

Sanina Y.K.

Ekaterinburg, Russia

**METAPHORICAL IMAGE OF
MIGRATION IN THE RUSSIAN
AND BRITISH POLITICAL
DISCOURSE ACCORDING TO
THE LOCAL PRINT MEDIA 2013**

Abstract. The article is devoted to the analysis of metaphors describing migration in the texts of the Russian and British print media. The aim of this work is to study current metaphorical models, describing migration in the media through the identification of cross-cultural and specific features in Russian and British political discourse.

Keywords: political discourse, metaphor, metaphorical model, migration, Russian, British, media.

About the Author: Sanina Yulia Konstantinovna, student of USPU, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication.

Migration process is one of the most important problems of mankind in the modern world. The reasons for migration are famine, low level of life, epidemics, wars, political instability. For a long time migration has posed a threat to the stable development of the countries, where the migrants arrive, and it is considered to be the main problem. Unemployment, lack of money and ambiguous social status of migrants lead to negative social consequences.

Comparison of metaphors reflecting a particular social problem is very significant for the identification of the cultural component which reflects the characteristic features of a certain nation.

By the end of 2013, the authorities express concern about the trend to ever-growing number of migrants and aspiration to creation of an effective migration policy both in Russia and in the UK. However, the measures

adopted in 2013, are mostly restrictive, and, according to experts, are not enough, which is confirmed by the large number of questions connected with the problem of migration.

We studied carefully a number of publications on this topic in the Internet versions of printed mass media of Russia (Arguments and facts, Pravda, Rossiyskaya Gazeta, Izvestiya, Expert) and the UK (The Economist, The Guardian, BBC News) published in 2013. We paid special attention to publications of the last three months.

Comparing metaphorical models, we have found eight most productive of them to represent migration in the media discourse: military, criminal, ethnic, aqueous, economic, zoomorphic, medical and physiological.

The first and most noticeable is the aqueous metaphorical model which is extensively presented in Russian and British political discourse.

The concept «wave» reflects the spontaneous nature of migration processes. Also it can be used in reference to internal tensions in society in Russian political discourse. Such are examples of metaphors using the concept of «wave» in Russian political discourse: «погромная волна» – *rogrom wave* [Эксперт: в Петербурге может повториться «бирюлёвский сценарий». // АиФ. – 10 окт. 2013], «волна событий» – *the wave of events* [Что дальше? // АиФ. – 16 окт. 2013].

Metaphorical expression «*dramatic wave of migrants*» from the British press 2013 compelled our attention: «*In this week's issue, we have a piece looking at the dramatic wave of southern European migrants moving to Britain (mostly, in fact, to London)*». [Immigration: Why the minimum wage is immigration policy. // The Economist. – Nov. 14 2013].

Widely used in Russian discourse military and medical metaphorical models currently are practically absent in the British discourse.

According to the materials of Russian press 2013 set of military metaphors is presented by metaphors: «погром» – *rogrom*, «партизанские акции» – *guerrilla campaign*, «зачистка» – *topping-up* [Эксперт: в Петербурге может повториться «бирюлёвский сценарий». // АиФ. – 10 окт. 2013]; «необъявленная война» – *undeclared war*, «каратель» – the *Punisher*, «карательные отряды» – *punitive troops* [Новые скинхеды. В Петербурге появились «карательные отряды». // АиФ. – 19 нояб. 2013].

Set of medical metaphors is presented by metaphors relating to the frame «Symptoms of the disease: «латентный» – *latent* [Эксперт: в Петербурге может повториться «бирюлёвский сценарий». // АиФ. – 10 окт. 2013], «гнойник» – *abscess*, язва – *ulcer*, «воспаление внутренних органов» – *inflammation of the internal organs* [Кому мешает самостоятельность СКР? // Известия. – 16 дек. 2013].

Set of zoomorphic metaphors proved itself to be unfrequently used metaphorical model both in Russian and British political discourse.

In Russian political discourse set of zoomorphic metaphors is connected, as a rule, with the designation of corruption component of migration problem and is presented by metaphorical expressions: «львиная доля» – *lion's share* [Мигранты – польза или вред? // АиФ. – 13 дек. 2013].

Metaphorical expression from the British press 2013, in which migration is presented as unmanaged running horse, is of interest for us: «*to close the stable door after the horse has bolted*» [Nick Clegg attacks Theresa Mays illegal plan for cap on EU immigrants. // The Guardian. – Dec. 16 2013].

In Russian political discourse, unlike the British, set of natural metaphors in which we have selected two frames is the most widely presented:

Frame «*Essential elements of nature (water, earth, air, fire)*». Set of metaphors associated with the water element is considered in the framework of the traditional set of aqueous metaphors.

Frequency of the concept of «soil» should be noted in the metaphorical expressions: «*национальная почва*» – *national soil*, «*благоприятная почва для вербовки экстремистов*» – *fertile ground for recruiting extremists* [Что дальше? // АиФ. – 16 окт. 2013.].

Frame «*Natural phenomena, processes*».

Frequency of the concepts of «shadow» and «explosion» should be noted in metaphoric expressions.

The concept of «shadow» is used to refer to criminal element of the image of migration: «*вывести нелегалов из тени*» – *to get illegal immigrants out of the shadows*, «*теневые предприниматели*» – *shadow businessmen* [Мигранты – польза или вред? // АиФ. – 13 дек. 2013]; «*выйти из тени*» – *to go out of the shadows* [Кому выгодны мигранты? // АиФ. – 18 сен. 2013].

The concept of an «explosion» is used to indicate a high level of social tension: «*взрывная масса*» – *explosive mass* [Кому выгодны мигранты? // АиФ. – 18 сен. 2013]; «*это чувство приведёт к взрыву*» – *this feeling will lead to an explosion* [Осталось не больше года. Поставнин о грядущем миграционном коллапсе. // АиФ. – 13 сент. 2013].

Set of natural metaphors is not revealed in the British political discourse.

High frequency of the use of the concept «script» belonging to set of theatrical metaphors in the context of a repetition of negative experiences associated with migration problem was revealed a in the Russian press 2013 [Эксперт: в Петербурге может повториться «бирюлёвский сценарий». //

АиФ. – 10 окт. 2013.; Мигранты в столице: чем нам грозит бесконтрольный приток. // АиФ. – 26 июн. 2013].

Metaphorical expression from the press 2013 referring to the set of sports and games metaphors is of interest: «*Poles and other east Europeans have also become political footballs – with almost all national politicians playing in the same, hostile, team*». The concept of «football» characterizes East European migrants as an object of political games and speculation [Immigration: The Polish paradox. // The Economist. – Dec. 14 2013.].

It should be noted that the group of metaphors, combined scientific and technical subjects, which was called by us as «set of scientific and technical metaphors» acquired relevance in 2013 both in Russia and in the UK. There are two frames in this metaphorical model: a frame «Technical Sciences», which includes the scientific and technical terminology and theoretical bases of technical Sciences; a frame «Products of scientific and technical progress», reflecting the interconnected progressive development of science and technology due to the needs of material production growth and increasing complexity of societal needs.

Frame «Products of scientific and technical progress».

We meet often enough in the Russian press 2013 the use of the metaphor of «*rubber apartment*», emerged relatively recently [Мигранты – польза или вред? // АиФ. – 13 дек. 2013; Штрафные метры. За фиктивную регистрацию могут посадить. // Российская газета. – 16 дек. 2013.].

Some metaphorical expressions from the publications of the British print media in 2013 are of interest: «*to pull up the drawbridge*», «*one-way traffic*» and give the evaluation of measures to limit the entry of migrants into the UK.

Nick Clegg: "If we *pulled up the drawbridge* now and said to German lawyers, or Finnish engineers or Dutch accountants that they can't come to work, it would be a disaster for our economy".

The deputy prime minister also said: "It would be very unwelcome to the two million or so Brits who live and work abroad, who I don't think would thank the Conservative Party for entering into a sort of tit-for-tat race to the bottom, where everybody across the European Union starts *pulling up the drawbridge* and not allowing people to move to look for work in other parts of the European Union".

"It is not *one-way traffic* by any means," Richard Corbett, a former Labour MEP, said [14].

Based on the above, it can be argued that according to the print media, the most urgent for both Russian and British political discourse is currently the aqueous metaphorical model – a set of metaphors associated with the

water element that characterizes the image of migration as disorganized force acting in the social environment.

Relevance of scientific and technical metaphors in 2013, typical of both Russian and British political discourse is caused, first of all, by aspiration to reflect the greatest level of social tension.

Also we revealed substantial differences of metaphors, representing migration in the Russian and British political discourse.

Widely used in Russian political discourse such metaphorical models as military, medical and natural are practically absent in the British discourse at the current moment.

Therefore, we can conclude that the scope of application of metaphors, representing migration in the print media 2013, in Russian political discourse is much wider than in the UK.

Sets of zoomorphic, theatrical, sports and games metaphors showed themselves turned out to be unfrequently used metaphorical models both in Russian and the British political discourse.

BIBLOGRAPHICAL

Александров Г. Мигранты в столице: чем нам грозит бесконтрольный приток // *АиФ*. – 26 июня. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>.

Кожина Н., Трегубова Е. Осталось не больше года. Поставнин о грядущем миграционном коллапсе // *АиФ*. – 13 сент. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>.

Данилов Д. Эксперт: в Петербурге может повториться «бирюлёвский сценарий» // *АиФ*. – 10 окт. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>.

Колесников Е. Новые скинхеды. В Петербурге появились «карательные отряды» // *АиФ*. – 19 нояб. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>.

Старшинов М. Кому мешает самостоятельность СКР? // *Известия*. – 16 дек 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru>

Поставнин В. Кому выгодны мигранты? // *АиФ*. – 18 сен. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>.

Поставнин В. Мигранты – польза или вред? // *АиФ*. – 13 дек. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>.

Поставнин В. Что дальше? // *АиФ*. – 16 окт. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>

Шкель Т. Штрафные метры. За фиктивную регистрацию могут посадить // Российская газета. – 16 дек. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru>

Якубовская К. Градус растёт. Горожане считают мигрантов проблемой № 1 // АиФ. – 23 окт. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>

Immigration: The Polish paradox // The Economist. – Dec. 14 2013. [Electronic resource]. URL: <http://www.economist.com>

Immigration: Why the minimum wage is immigration policy // The Economist. – Nov. 14 2013. [Electronic resource]. URL: <http://www.economist.com>

Watt N., Wintour P. Nick Clegg attacks Theresa Mays illegal plan for cap on EU immigrants. // The Guardian. – Dec. 16 2013. [Electronic resource]. URL: <http://www.theguardian.com>

European Union migrant cap plan illegal, says Nick Clegg. // BBC News. – Dec. 16 2013. [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.co.uk>

Хабидуллина С.Б.

Тюмень, Россия

**ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ
ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЙ В ТЕКСТЕ
АННОТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛ. ЯЗ.)**

Аннотация. В последнее время возросла роль аннотации как вторичного типа научного текста (напр., при публикации статьи). Исследование основывается на том, что основой общенаучной лексики являются глаголы передачи знаний, которые не следует употреблять беспорядочно при написании аннотации на англ. языке, а принимать во внимание их прагматику, обеспечивающую наиболее "адекватное" восприятие информации при сжимаемости основного текста, сохраняя его понятность.

Ключевые слова: общенаучные глаголы, аннотация, понятийная группа, семантическая доминанта, прагматическая функция.

Сведения об авторе: Хабидуллина Сайда Биктимировна, ассистент кафедры перевода и переводоведения.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625059, г. Тюмень, ул. Мелиораторов, 1, кв. 121.
e-mail: saidakh@mail.ru.

Khabibullina S.B.

Tyumen, Russia

**THE LINGUOPRAGMATIC
ANALYSIS OF THE REPORTING
VERBS IN THE ABSTRACT (ON
THE BASIS OF THE ENGLISH
LANGUAGE)**

Abstract. Lately, a scientific abstract as a type of the scientific text has become significant for investigating, for instance, as a part of the issue of the article. This article concentrates on the theory that the basis of the scientific vocabulary is reporting verbs. The list of the most popular scientific verbs used in the abstracts is presented in English. The pragmatic function of such verbs serves more proper consideration of the information presented in the abstract.

Keywords: scientific verbs, abstract, semantic group, semantic dominant, pragmatic function.

About the Author: Khabibullina Saida Biktimirovna, Assistant of the Chair of Translation.

Place of employment: Tyumen State University.

Данная статья посвящена лингво-прагматическому анализу английских глаголов передачи знаний в тексте аннотации. Материалом исследования является научная аннотация как вторичный текст, содержащий общенаучные глаголы со значением передачи знаний. В примере текста научной аннотации из журнала "Journal of Linguistics" глаголы передачи знаний выделены:

*This paper first **provides an overview** of the various senses in which the terms "marked" and "unmarked" have been used in 20-th century lin-*

guistics. Twelve different senses related only by family resemblances, are distinguished, grouped into four larger classes: markedness as complexity, as difficulty, as abnormality, and ad multidimensional correlation. In the second part of the paper, it is argued that the term "markedness" is superfluous, because some of the concepts that it denotes are not helpful, and others are expressed by more straightforward, less ambiguous terms. In a great many cases, frequency assymetries can be shown to lead to a direct explanation of observed structural assymetries, and in other cases additional concrete, substantive factors such as phonetic difficulty and pragmatic inferences can replace reference to an abstract notion of "markedness" [Haspelmath Martin 2006: 70].

Мы проанализировали более 250 научных аннотаций, отобрали 70 глаголов с семантикой передачи научных знаний и распределили по понятийным группам.

Впервые подобное деление общенаучных глаголов со значением передачи знаний было предложено Г.И. Ахмановой, которая проанализировала 26 подобных глаголов, разделив их на четыре группы: "show", "discuss", "illustrate" и "mention". [Ахманова, Вильштейн, Глушко 1989: 107-109]. Мы выделили шесть понятийных групп глаголов, дав их краткую семантическую характеристику.

Первая понятийная группа глаголов включает в себя 27 глаголов: chart, contain a description of, demonstrate, depict, describe, detail, diagram, display, draw, exhibit, feature, give a concise presentation, illustrate, map out, outline, point out/to, plot, present, provide a full illustration of, provide an overview, publish, record, represent, reprint, reproduce, show, write.

Глаголы данной группы семантически связаны между собой и с глаголом *to show*, который можно считать семантической доминантой, ядром этой понятийной группы. Во всех случаях употребления данных глаголов в тексте аннотации смысловым стержнем является "показ", однако между ними существуют незначительные различия. Так, *display* – показ с оттенком обнаружения, *exhibit, demonstrate* – показ с последующим развертыванием проблемы, понятия и т.д. *Point out/to* имеет значение показа - четкого указания, а *present, represent, reproduce* – представление на обозрение. Глаголы *feature, illustrate, outline* употребляются для показа с целью передачи знаний в тех случаях, когда на первый план выдвигается идея наглядности. Иллюстрация может осуществляться разными способами, в частности при помощи модели, схемы, таблицы, диаграммы и т.д. Тогда, для придания большей конкретности действию, обеспечивающему наглядность, применяются такие

глаголы, как *diagram, chart, plot, map out*. Иногда используются глаголы *write, record, publish, reprint*, чтобы специально подчеркнуть письменную/печатную форму исследуемого материала.

Для детализации и разъяснения часто прибегают к визуальному представлению того, о чем сообщается, тогда глаголы *describe, depict, detail* употребляются в аннотации.

Достаточно многочисленной оказалась вторая понятийная группа – 18 глаголов, выражающих понятие "совместного обсуждения, оспаривания" с семантической доминантой **to discuss**: *account for, argue, clarify, concentrate on, debate, define, discuss, dispute, emphasize, explain, focus upon, give an account for, give a new clarity to, highlight, identify, specify, stress, underline*.

Иногда обсуждение проблемы может требовать обоснование определенных фактов, объяснения, логического развития, например, *account for, explain*. Можно отметить случаи, когда определенные глаголы употребляются для того, чтобы ясно установить, определить основные свойства, раскрыть точное значение понятия – это глаголы *clarify, specify, focus upon, emphasize, define, stress, identify*.

Общенаучные глаголы группы **to mention** указывают на краткое сообщение: *ask, dictate, introduce, mention, relate, report, say, suggest, tell*.

В семантической структуре этих глаголов в тексте научной аннотации на первый план выходит сема "сообщить что-либо". В английском языке это такие глаголы, как *relate, report, dictate, say, tell*. Как общенаучные глаголы, *suggest* и *introduce* употребляются только в одном значении "представить что-либо на рассмотрение, выдвинуть в качестве гипотезы". Глаголы *report, relate, dictate* употребляются, когда при сообщении информации ставится цель разъяснить обстоятельства, при которых происходит исследование, наблюдение или предоставить в распоряжение читающего или слушающего определенные сведения, данные.

Четвертая понятийная группа глаголов передачи знаний – **to examine** (9 глаголов) – указывает в общем на исследование – либо на тщательное теоретическое изучение: *examine, explore, scrutinize, overturn*, либо на обзорное исследование: *survey, review, trace, range across, investigate*.

Понятийные группы **to analyze** и **to assess** не являются многочисленными. Однако, глаголы, принадлежащие к **to analyze** очень распространены в тексте научной аннотации. Так, *analyze, base one's analysis upon, give a detailed analysis of, distinguish* имеют значение "проанализировать, выделить, построить на основе анализа".

Глаголы группы *to assess* (*assess, reassess, evaluate*) не являются популярными в данном типе текста, поскольку обладают дополнительным коннотативным значением (положительной или отрицательной эмоциональной окраской), что нехарактерно для научного текста.

Общим компонентом для всех вошедших в эти группы глаголов является сообщение, передача знаний. Это общее для всех глаголов значение детализируется в понятийных группах. Критерием для отнесения глагола к той или иной понятийной группе служат те семантические характеристики, которые глагол обнаруживает при наблюдении его в научном тексте.

Группы *show* и *discuss* являются самыми распространенными в тексте научной аннотации. Частотность употребления именно этих понятийных групп объясняется тем, что в общем научном тексте подчеркивается необходимость ясности, точности, определенности в передаче мысли, изложении теории, гипотезы, иллюстрации примера.

Итак, четкость, целенаправленность осуществляется в аннотации посредством глаголов передачи знаний, которые в своей семантической структуре имеют соответствующие оттенки значения. По нашему мнению, в тексте научной аннотации эта идея прослеживается через прагматическую функцию данных глаголов, которая реализуется при помощи трех основных категорий: категория информативности, категория оценочности и категория акцентности.

Таким образом, в тексте научной аннотации глаголы, функционируя в качестве основы общенаучного языка, реализуя категории информативности, акцентности и оценочности, выполняют не только лингвистическую, но и прагматическую функции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. – М.: Русский язык, 1999.
- Ахманова Г.И., Вильштейн А.М., Глушко М.М. Семантический анализ глаголов со значением передачи знаний в составе научного текста. – М: МГУ, 1989. - 195 с.
- Федоров А.В. Основные области теории перевода. – М: Высшая школа, 1983. – 240 с.
- Haspelmath Martin Against Markedness (and what to replace it with) // Journal of Linguistics. – 2006. – № 1. – С. 70-76.
- McCutcheon Marc Roget's Superthesaurus. – Writers Digest Books, 2003. – 672 с.

Чеботарев И.Г.

Волгоград, Россия

**ПОНЯТИЙНАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
ТИПАЖА «ЮРОДИВЫЙ»**

Аннотация. Внутри религиозного дискурса выделяется лингвокультурный типаж (ЛКТ) «юродивый» обладающий следующими базовыми характеристиками: 1. человек, 2. христианин, 3. аскет, 4. прорицатель, 5. обличающий несправедливость, 6. кажущийся безумным, 7. святой. Аскетизм представляет собой существенную характеристику ЛКТ «юродивый». Эпатаж является отличительной чертой коммуникативного поведения данного типажа.

Ключевые слова: *концепт, типаж, лингвокультурология, религиозный дискурс, ЛКТ, юродивый.*

Сведения об авторе: Чеботарев Иван Геннадьевич, соискатель кафедры английской филологии ВГСПУ.

Контактная информация: 400012, г. Волгоград, ул. Чапаева, д.26.
e-mail: nikolay_mr@mail.ru.

Chebotarev I.G.

Volgograd, Russia

**THE CONCEPTUAL ELEMENT
OF THE LINGUACULTURAL
TYPE «YURODIVY»
(A HOLY FOOL)**

Abstract. Within the religious discourse we can point out a linguocultural type (LCT) «yurodivy» (a holy fool) with the following basic characteristics: 1. a man, 2. a Christian, 3. an ascetic, 4. a soothsayer, 5. denouncing injustice, 6. seemingly insane 7. a saint. Asceticism is an essential characteristic of LCT «yurodivy». Epatage is the key feature of the communicative behavior of this type.

Keywords: *concept, type, linguoculturology, religious discourse, LCT, «yurodivy»*

About the Author: Chebotarev Ivan Gennadjevich, Postgraduate Student of the department of English philology of VGSPU.

Одним из ведущих направлений языкознания последних лет стало лингвокультурное моделирование языкового сознания и коммуникативного поведения. Основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт, в ряду лингвокультурных концептов выделяются лингвокультурные типажи (ЛКТ) — обобщенные типы личностей, узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева, Е.А. Ярмахова, О.В. Лутовинова, Н.Н. Панченко). Таким образом, лингвокультурный типаж – своеобразный концепт, содержащий языковую личность реальную или фикциональную. [Дмитриева 2007: 120].

Языковая личность формируется и проявляется в общении, что дает возможность рассматривать ее в рамках того или иного вида дис-

курса, где языковая личность представляет собой «срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [Карасик 2002: 100]. Так, в рамках религиозного дискурса можно выделить такие лингвокультурные типажи, как «священнослужитель», «прихожанин», «верующий», «монах», «святой», «грешник», «юродивый» и др. Согласно типологии прецедентных феноменов, предложенной В.В. Красных, данные ЛКТ относятся к типу социумно-прецедентных – известных любому среднему представителю того или иного социума и входящих в коллективное когнитивное пространство [Красных 2002: 50].

В данной статье предлагается рассмотрение понятийной составляющей ЛКТ «юродивый», который является феноменом христианской культуры, о чем свидетельствуют четко оформленные представления и оценка типажа в традиционно христианском русском коммуникативно-массовом сознании.

Итак, перейдем к рассмотрению словарных дефиниций:

«Большой толковый словарь русского языка» дает два основных значения слова «*юродивый*»: 1). Чудаковатый, помешанный; ненормальный. Ю. парень. Она больная, юродивая. 2). = Блаженный (2 зн.). < Юродивость, -и; ж. Юродивый, -ого; м. 1. В православии: обладающий даром прорицания святой подвижник, отвергший все мирские ценности, житейскую мудрость и избравший для себя особый подвиг – бесприютное нищенство. Ю. Василий босой. 2. Чудаковатый человек; дурак (2 зн.). < Юродивая, -ой; ж. [Большой толковый словарь русского языка 2000].

Согласно «Учебному словарю-минимуму по религиоведению» под ред. профессора И.Н. Яблокова: «*Юродивый* – в христианстве человек, избравший особенный путь спасения. – «Христа ради юродства». Этот способ подвижничества восходит к словам апостола Павла (1 Кор. 3:18–19). Ю. принимал на себя личину безумия перед людьми, под которой он скрывал для Бога свою духовную премудрость. Эти подвижники отказывались от общепринятых норм поведения, удобств и преимуществ общественной жизни. Находясь среди социальных низов, Ю. смирением, кротостью, любовью к ближним врачевали духовные и нравственные пороки» [Учебный словарь-минимум по религиоведению: www].

В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н.А. Абрамова приводится следующий синонимический ряд: *Юродивый, безумный, идиот, кретин, полоумный, помешанный, сумасшедший, тронутый, умалишенный, душевнобольной, маньяк; малоумный, дурачок, Божий человек, блаженный; взбалмошный, вздорный, заполошный, несуразный, неукротимый, странный, чудаковатый, экстравагантный, эксцентрический* [Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений 1999: www].

Изучив этимологию слова, М. Фасмер утверждает, что: «Юродивый от др.-русс. юродивъ, начиная с XIV в., до этого – уродивъ, т.е. "слабоумный, юродивый"» [Этимологический словарь русского языка: www]. Обратим внимание на то, что именно в разговорной речи слово «*юродивый*» приобрело отрицательно-оценочные характеристики.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля также находим номинацию «*юродивый*» – безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший; народ считает юродивых Божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предведение; Церковь же признает и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства; но в церковном же значении [Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля: www].

По определению «Большого Энциклопедического словаря»: «*Юродивые* – на Руси, аскеты, обладающие, по мнению верующих, даром прорицания. Одни из них выдавали себя за безумцев, другие страдали умственными расстройствами. Смело обличали царей, вельмож и др. В народе почитались святыми» [Большой Энциклопедический словарь 2000: www]. Однако, с позиции христианства, страдающие умственными расстройствами аскеты или подвижники не могут быть святыми, тогда как кажущиеся безумцами, взявшие на себя подвиг юродства, истинно верующие могут стать святыми. Таким образом, юродство всегда осознанно.

«Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова утверждает: «*Юродивый*» – 1. Глуповатый, чудаковатый, безумный. У каждого свой сказ про юродивого помещика. Некрасов. 2. в знач. сущ. юродивый, юродивого, м. Христианский аскет-безумец или принявший вид безумца и обладающий, по мнению верующих, даром прорицания (церк., религ.). Христа ради или во Христе юродивый. Молись за меня богу, юродивый! Пушкин» [Толковый словарь русского языка 2000: www].

«Православный энциклопедический словарь» позволяет детализировать понятийную составляющую ЛКТ. По утверждению данного

издания: *«Юродивый Христа ради – святой, избравший особенный, очень редкий и очень сложный путь спасения. Большинство юродивых отличались полным пренебрежением ко всем благам жизни - круглый год ходили босыми и почти без одежды, некоторые носили вериги. Эти подвижники не боялись говорить правду в глаза сильным мира сего даже царям, обличали людей несправедливых и забывающих правду Божию, радовали и утешали людей благочестивых и богобоязненных. За подвиги самоотречения Бог награждал их дарами мудрости и прозорливости»* [Православный энциклопедический словарь: www].

По нашему мнению, наиболее полное отражение понятийной составляющей рассматриваемого концепта приводит «Энциклопедический словарь педагога» («Основы духовной культуры») Безруковой В.С.: *«Юродивый (стар. слав. – глупый, безумный) – человек, сознательно взявший на себя подвиг изображать видимое безумие с целью достижения внутреннего смирения и показа миру, что его ценности во многом ложные. Внешне этот человек выглядит психически неполноценным, фанатично верящим в Бога. Это подвиг – быть аскетом: ходить босиком, плохо одетым, резвиться с ребятами, просить милостыню, спать на улице. Многие из юродивых обладают даром прорицания, смело обличают несправедливость, говорят «правду в глаза сильным мира сего». Православная церковь рассматривает юродство как форму протеста против безнравственного мира. Юродивые нередко объявляются людьми, отмеченными «Божьей печатью» и пользующимися особым расположением Всевышнего. Многие из них даже причисляются к лику святых»* [Безрукова 2000: www].

Приведенные дефиниции дают возможность выделить следующие конститутивные признаки лингвокультурного типажа *«юродивый»*: 1. человек, 2. христианин, 3. аскет, 4. прорицатель, 5. обличающий несправедливость, 6. кажущийся безумным, 7. святой.

Таким образом, ЛКТ *«юродивый»* представляет собой зафиксированное в языковом сознании представление о типовом поведении человека, отличающегося от других в рамках русского социума. Это отличие предполагает соотнесение поведения и привычек такого человека с усредненной нормой и проявление несоответствия: *прорицатель – безумный, душевнобольной, маньяк, идиот, кретин – святой*.

Лингвокультурный типаж *«юродивый»* отрефлексирован в текстах разных жанров (житийных, фольклорных, прозе), где представлен либо описанием реального человека, либо фикциональным персонажем, либо прототипичным описанием реального человека.

В «Русском ассоциативном словаре» (2002) даны следующие ре-

акции информантов на стимул "юродивый": человек (11), мальчик (4), нищий (4), старец (4), блаженный (3), больной (3), дурачок (2), жалость (2), калека (2), литература (2), опера (2), святой (2), убогий (2), урод (2), бегемот, благочестивый, близнец, большой, Борис Годунов, Бориска, Василий Блаженный, Вася, господин), грязный, добрый, друг, дурак, жених, Зосима, имя, инвалид, козел, копеечка, кривой, малый, молить, мужик, на площади, на Руси, на улице, начальник, не урод, ненормальный, несчастный, обезьяна, обидеть, обиженный Богом, орет, отдергивание, парень, парниша, паяц, попугай, предсказание, придурок, пророк, пусто, слабоумный, страдалец, страшный, счастливый, сын, тихо плакал, храм Василия Блаженного, церковь, чудак, юнец (1).

В этом же словаре представлены следующие данные (от реакции к стимулу), характеризующие моделируемый типаж: *юродивый* – убогий (6), блаженный, Божий (2), калека, псих (1).

Приведенные выше ассоциации и реакции показывают, что в современном русском массовом коммуникативном сознании *юродивый* представлен, прежде всего, как *старец*, *мальчик* или *нищий*, ассоциируется с обиженным Богом: *он Божий (у-богий)* и *блаженный*, может быть как *святым*, так и *ненормальным, несчастным, больным, калеккой*, и поэтому вызывает благоговение или жалость.

Анализ дефиниций показывает, что одной из основных черт ЛКТ «юродивый» является аскетизм. Аскетизм представляет собой «пренебрежение чувственным, нынешним миром, его умаление или даже отрицание ради духовного, будущего мира. В простых формах А. предполагает ограничение или подавление чувственных желаний, добровольное перенесение боли, страданий и т.п.; в более радикальных случаях он требует отказа от собственности, семьи и т.п. для обеспечения приоритета духовного над материальным, желаемого совершенного мира над реальным миром» [Философия: Энциклопедический словарь: www]. Таким образом, коммуникативное поведение юродивых определяется доминантами: мученичество и терпение. В качестве примера приведем «Сказания о преподобном старце Феофиле, иеромонахе, Христа ради юродивом подвижнике и прозорливце Киево-Печерской Лавры»: «...Когда же подошел к нему келейник Иван и, сочувствуя старцу (Феофилу) в беде, пожелал узнать о причине такого его равнодушия к скорбям, старец отвечал:

– Эх, Иване, Иване... Лучшие потерпеть несправедливость, нежели совершить ее самому. Слушай, что говорит о том слово Божие: «Горе богатым, насыщенным, хвалимым; но благо тем, которые тер-

пят всякую напраслину, побои, ограбления, насильственные утрусждения, ибо мзда их многа на небеси».

– А если терпят напрасно, за ничто, батюшка?

– Так что же из того? Нельзя противиться злomu. Грешно предаваться грусти. Мы изгнанники на земле. А изгнанникам не дивны оскорбления и обиды... Мы у Бога под епитимиею, а епитимия заключается в лишениях и трудах. Мы больны душой и телом, а больным полезны горькие лекарства...» [Зноско 2003: 141]. Приведенный пример показывает отношение к несчастьям, скорбям, унижению со стороны юродивого, который принимает несправедливое отношение к себе в качестве лекарства от Бога, которое необходимо и полезно.

Несоблюдение нормы коммуникативного поведения юродивого представлены в следующих цитациях: «...– Феофил! так говорил ему кроткий Архипастырь (митр. Филарет Киевский), – там на тебя опять пошли жалобы.

– Сильнии возсташа на мя и крепцыи взыскаша душу мою, – тихо отвечал на это блаженный, потупив глаза.

– Однако что же мне прикажешь делать с тобой?

– Дивны дела Твоя, Господи! – снова отвечал Феофил.

– Пишут, что ты разводишь суеверие, соблазняешь братию.

– Избави мя от клеветы человеческия...

– Да ты не «избавляйся», а рассуди, брат... Начальство пристает, требует наказать тебя...

– Господь прибежище мое и Спаситель мой, кого убоюся?

– Ну, смотри у меня, – заключал митрополит Филарет. Я с тобой рассчитуюсь, проказник.

– В Господе мзда моя и утешение мое у Вышнего...

На этом разговор обрывался и, поклонившись митрополиту в ноги, блаженный поспешно выходил из покоев...» [Зноско 2003: 143-144].

И далее: «... Желая однажды известить братию о весьма неудачном для нас кровопролитном сражении (в Крымской войне), он (Феофил) изранил терновником свое лицо и руки и лег под навесом сарая, истекая кровью.

– Боже мой! Что с вами случилось, батюшка? испуганно спросила Феофила случайно прибывшая в ту пору в Китаев Флоровская игуменья Агния.

– Ничего, ничего, родная... Это я сто пьявок на свое грешное тело поставил. Иди! Иди!..

– Ах, страсти какие! Зачем это, батюшка?

– *Так треба, так треба... Это моя жертва. Жертва за русских воинов, сегодня ночью за веру, царя и отечество на поле брани живот свой положивших...*» [Зноско 2003: 233-234]

В приведенных примерах подтверждаются и уточняются признаки, выделенные нами в словарных дефинициях, а именно: юродивый подвижник старец Феофил был строгим христианским аскетом, в своей кажущейся безумной речи иногда апеллировал к Священному Писанию, окружающие оценивали юродивого позитивно, испытывали к нему снисхождение и уважение.

Отметим, что слово «*юродивый*» входит в словообразовательное гнездо «юрод». Вместе с номинацией «*юродивый*» для обозначения данного ЛКТ в гнезде представлены номинации «юродивец», «юродливый», «юродствующий» [Словообразовательный словарь русского языка 1985].

Как можно заметить, языковые единицы «*юродивец*», и «*юродливый*» очень близки по значению с «*юродивым*», то есть представляют собой синонимический ряд, однако с «*юродствующим*» они могут быть прямо противоположными и составлять антонимичную пару, поэтому на наш взгляд, интересным представляется анализ оценочных характеристик, присущих «*юродивому*» и «*юродствующему*».

В качестве выводов отметим, что понятийная характеристика лингвокультурного типажа «юродивый» содержит две составляющие:

1) божественный признак – святость, прозорливость (*благочестивый, блаженный, прорицатель*) и

2) биологический (природный) – психическая и физическая неполноценность (*ненормальный, несчастный, больной, калека*).

Коммуникативное поведение ЛКТ «юродивый» разрушает принятые в социуме нормы поведения, юродивый эпатирует окружающих с целью их нравственного очищения, при этом сам испытывает как физические, так и моральные страдания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург, 2000. – 937 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://didacts.ru/dictionary/1010/word/yurodivyi>.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Большой Энциклопедический словарь. 2000. [электронный ресурс] <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/339998>.

- Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: монография. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
- Зноско В. Блаженный Феофил. Христа ради юродивый. – Киев, 2003. – 256 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
- Православный энциклопедический словарь / сост. свящ. Ярослав Шипов. – М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://akaka.al.ru/slovar/you.html>.
- Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова[и др.]. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с.
- Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. II. От стимула к реакции: более 100 000 реакций / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова[и др.]. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.
- Абрамов Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://ivanov-portal.ru/abramov4.html>.
- Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов – М.: Рус. яз., 1985. – Т.2: Словообразовательные гнезда. Р–Я. – 886 с.
- Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. [Электронный ресурс]. URL: <http://vidahl.ru/cgi-bin/dic.cgi?p=257&t=43807>.
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakova-slovar.ru/description/iurodivyi/87876>.
- Учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. профессора И.Н. Яблокова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cultes.ru/word/13600/>.
- Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/107/Аскетизм.
- Этимологический словарь русского языка. Макс Фасмер. [Электронный ресурс]. URL: <http://dicipedia.com/dic-ru-ru-Vasmer-term-17104.htm>.

УДК 81'25

Алексеева Л.М.

Пермь, Россия

ПЕРЕВОДИМЫЕ И

НЕПЕРЕВОДИМЫЕ ПИСАТЕЛИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема, актуальность которой признается далеко не всеми теоретиками перевода. Данная проблема обусловлена внеязыковой природой перевода. Обоснование проблемы переводимых и непереводимых произведений осуществляется с помощью следующих параметров: времени, авторитета, или популярности, исходной культуры, актуальности культурных принципов в принимающей культуре, субъективным характером перевода, а также с учетом издательской политики.

Ключевые слова: субъективизм перевода, переводимость в переводе, культурологическое направление, пространство перевода.

Сведения об авторе: Алексеева Лариса Михайловна, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой английской филологии. Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Контактная информация: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, к. 119.
e-mail: alm@psu.ru.

Alekseeva L.M.

Perm, Russia

TRANSLATABLE AND

UNTRANSLATABLE WRITERS

Abstract. The article deals with the issue, the importance of which is not realized by modern specialists in translation studies. This issue is stipulated by extra-linguistic nature of translation process. The issue, connected with translatability or untranslatability of literary works, is regarded with the help of the following parameters: time, the authority, or importance of the source culture, the value of its principles in the target culture, the subjective character of translation process, as well as a modern policy of publishers.

Keywords: subjectivism of translation, translatability in translation process, cultural approach in translation studies, space of translation.

About the Author: Alekseeva Larissa Mikhailovna, Doctor of Philology, Head of the Department of English Philology.

Place of employment: Perm State National Research University.

В современном переводоведении сложилась традиция исследовать определеннный круг проблем, предполагающих четкий смысл и перспективу решения. Тем не менее существуют проблемы, актуальность которых рассматривается далеко не абсолютным большинством теоретиков перевода, поскольку они обусловлены внеязыковой природой перевода. К числу таких проблем относится поставленная в данном исследовании проблема переводимых и непереводимых писателей. Ре-

шая ее, мы концентрируемся не на трудности или специфичности авторской писательской манеры, а на иных понятиях. Наши суждения не исключают следующих положений:

- истолкование художественного произведения основывается на анализе пространства произведения и позволяет изучить его в единстве функций: фиксирующих, динамических, творческих и др., лежащих в основе перевода данного произведения;
- пространство художественного произведения обладает символической функцией, транслируемой в переводе;
- освоение пространства переводчиком дает возможность изучения текста оригинала с новой точки зрения в соответствии с законами художественного познания [Алексеева 2010б: 71].

Традиционно проблема специфики перевода отдельных авторов рассматривалась в рамках двух дихотомий: *translatio/traductio* и переводимость/непереводимость в переводе [Lefevre 1992]. А.Лефевр, известный теоретик перевода, основатель культурологического направления в современном мировом переводоведении, считал понятие *traductio*, противопоставленное понятию *translatio*, основным культурообразующим переводческим компонентом, роль которого варьируется на протяжении времени. Обоснование этому он видел в том, что *traductio* позволяло создавать собственную культуру без ссылки на авторитет переводимой культуры при помощи модификации исходного текста. В качестве примера А.Лефевр приводит сказки братьев Grimm, включающие сказку «Белоснежка», которая, восходит к итальянскому устному творчеству.

В этом же смысле понятие *traductio* рассматривалось А.В.Федоровым. «Так, например, Державин в своем вольном переложении стихотворения Горация «*Beatus ille qui procul negotiis*», озаглавленном им «Похвала сельской жизни» (1798 г.), сперва более или менее близко придерживается подлинника, а потом отступает от него и переносит читателя в чисто русскую обстановку, с такими деталями, как «горшок горячих добрых щей», празднование «Петрова дня»; кроме того, он упоминает блюда современной французской кухни («устрицы», «фрикасе», «рагу»)» [Федоров 2002: 50].

Более современный пример традукции. Писатель Виктор Пелевин несколько лет занимался переводом художественных текстов. После удачно переведенных четырех книг Кастанеды он заимствовал манеру письма переводимого автора. По мнению критиков, без Кастанеды не возникло бы Пелевина [old.russ.ru/krug/20010830.html].

Проблема переводимости/непереводимости в переводе решалась главным образом с помощью понятия лакуны и других культурозависимых и этнографических компонентов текста, полагавшимися трудностями перевода [Алексеева 2010а]. Современное представление о непереводимости формирует некоторый парадокс, смысл которого в том, что, с одной стороны, переводимость, или переведенность, соотносится с естественным статусом любого текста. Об этом пишет Н.С.Автономова: «Я говорю: везде перевод, хотя и не могу согласиться с тезисом о том, что оригиналов не существует. Просто в культуре никто, ничего, нигде и никогда не сказал в первый раз» [Автономова 2008: 13]. С другой стороны, непереводимость является условием перевода. Поскольку, если известны «правила» или алгоритм перевода, то произведение, построенное по этим правилам, вряд ли можно назвать переводом, т.е. произведением, имеющим творческое начало.

В современном переводоведении статус перевода как феномена культуры изменился, если раньше он полагался знаком, имеющим значение оригинала, то сейчас он понимается в качестве знака, **указывающего** на оригинал, ибо он должен выполнять **дистанцирующую** функцию, **показывая границы своего и чужого**.

Предлагаемый нами взгляд на художественный перевод основан на понятии перевода как феномена третьего вида. Отметим, что перевод редко трактуется с помощью триад (за исключением В.Беньямина, А.Лефевра, Н.Л.Галеевой и ряда других авторов), а его трактовка как феномена третьего вида не рассматривается в переводоведении. Более привычными в методологии переводоведения является использование дихотомий: текст оригинала – текст перевода, автор – переводчик, исходная культура – принимающая культура и др.

Традиция исследования перевода с помощью триад восходит к Дж. Драйдену (1680), который рассматривал перевод как модель, включавшую три разновидности: «метафразу», дословный перевод; «парафразу», перевод, в ходе которого переводчик не теряет из поля зрения автора исходного текста, и «имитацию», понимаемую как вольный перевод. Данные модели не исключали друг друга, а предполагали внутреннее единство.

В работах А.Лефевра описаны также три исторические переводческие модели: модель Иеронима Стридонского, модель Горация и модель Ф.Шлейермахера [Lefevere 1992: 2-10]. Первая модель связана с понятиями полной эквивалентности и правильности перевода, поскольку она соотносится с переводом главного текста культуры – Библии. Вторая модель называется именем Горация. Она возникла намного

раньше первой модели, связана с устным переводом и включает понятие «верного переводчика» (*fidus interpres*), введенное самим Горацием. В соответствии с этой моделью переводчик был верен не тексту, а заказчику перевода. Верный переводчик – это тот, кому можно было верить во многих смыслах. Третья модель, разработанная Ф.Шлейермахером, основана на понятии «форенизации» перевода. Автор модели считал, что переводы с разных языков на немецкий должны читаться и звучать по-разному: читатель должен увидеть испанца в переводе с испанского и грека в переводе с греческого. В противном случае теряется идентичность оригинала, размытая в переводе.

Переводимость/непереводимость текста формируют две стороны переводческого процесса: лингвистическую и культурологическую. В своей ранней работе А. Лефевр пишет, что текст, который занимает центральное место в своей культуре, может никогда не занять такого же места в другой культуре [Lefevre 1992: 87]. Он вводит понятие «культурной решетки», помогающее прояснить свое суждение. Воспользуемся таблицей (см.таблицу), составленной Н.Л.Галеевой [Галеева 2006].

Как показывает анализ данных, расположение писателей-классиков относительно оси культуры в собственной и принимающей культурах различно. Так, в английской культуре переведенный А.С.Пушкин значительно удален от центральной оси. Это свидетельствует о роли и месте переведенных произведений в принимающей культуре. Переведенные произведения А.П.Чехова, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого оказываются соизмеримыми с принимающей культурой.

Рассмотрим факторы, лежащие в основе решения проблемы переводимых/непереводимых писателей. Главным среди них является **статус перевода** как типа текста.

Развивая идею о культурологической основе перевода, отметим, что далеко не каждое межъязыковое переложение можно назвать переводом. Поэтому проблема переводимости/непереводимости имеет онтологический характер, поскольку связана с проблемой статуса перевода. В этом смысле возникает ряд вопросов, требующих ответа: является ли подстрочник переводом (известно, что многие переводчики включают создание подстрочника в переводческий процесс)? Является ли перевод изложением чужой или своей мысли? Можно ли представить адекватный перевод М.Зоценко или перевод произведений «деревенских писателей»?

АНГЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА *Ось* РУССКАЯ КУЛЬТУРА

↓			Bible	Библия			
			Classical texts	Классические античные тексты			
	Pushkin	Austin	Shakespeare	Пушкин	Байрон	Шелли	
Lermontov			Wordsworth	Лермонтов	Некрасов		Водсворт
			Blake	Достоевский			Блейк
		Eliot	Byron	Чехов	Диккенс		
		Tolstoy	Shelly	Толстой			
			Dickens	Булгаков	Набоков		
Boulgakov	Nabokov		Chekhov	Шекспир			Элиот
Nekrasov		Burns	Dostoevsky	Бернс			

О статусе перевода размышляли теоретики перевода. А.В.Федоров полагал, что «переводы Пушкина из французских поэтов XVII-XVIII веков часто представляли собой спор с авторами подлинников: поэт сокращал, переделывал, перестраивал художественно незначительные по темам стихи Парни или эпиграммы словно бы для того, чтобы показать, как по-настоящему следует обработать ту же мысль, тот же сюжет, придав им пафос или остроту. Так, например, банальную застольную песню Парни он превратил своим переводом (даже почти не переделкой) в патетический, полный энергии, гимн жизнерадостной молодости (стихотворение «Добрый совет»)» [Федоров 2002: 53]. Проблема статуса перевода, поставленная теоретиками и практиками перевода, не находит решения в современных переводческих исследованиях. Хотя, по нашему мнению, она заслуживает рассмотрения.

Другим фактором, лежащим в основе проблемы переводимых/непереводимых произведений, является фактор **времени**. Понятие исторического времени в переводе связано с ответом на вопрос: может ли устареть перевод? С этих позиций можно наблюдать, что со временем перевод уходит или в оригинальную поэзию (например, переводы В.Жуковского, С.Маршака), или же устаревает и имеет только историческое значение.

Известный современный переводчик В.Муравьев отмечает, что перевод «Рыцарь Тогенбург» В.Жуковского лучше, чем Н.Заболоцкого,

хотя последний перевод на 100 лет старше предыдущего [old.russ.ru/krug/20010830.html].

Еще одним фактором, способствующим пониманию рассматриваемой проблемы, является **авторитет переводимой культуры**. Русская культура всегда вызывала интерес иных культур. В разные времена были переведены «Слово о полку Игореве», «Житие протопопа Аввакума» (перевод Jane Harrison and Hope Mirtlees), «Былины» (перевод L.A.Magnus and Nora K. Chadwick), «Русские народные сказки» (перевод W.R.S.Ralston). На английский язык переведены произведения русских классиков (А.С.Пушкин, И.С.Тургенев, М.Ю.Лермонтов, Н.В.Гоголь, И.А.Гончаров, А.П.Чехов, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, А.Блок, М.Цветаева, И.Бродский, Б.Пастернак, О.Мандельштам, А.Вознесенский, С.Есенин, Е.Евтушенко, Н.Заболотский, М.Булгаков, А.Платонов, Е.Зямытин, А.Солженицын, В.Пелевин).

Однако русская литература XVIII в. мало известна за рубежом. Переводы К.Батюшкова, Е.Баратынского, Вас. Жуковского опубликованы только в антологиях.

С позиции культурной ценности удачными считались переводы стихотворений Ф.Тютчева (переводчики Charles Tomlinson and Henry Gifford), перевод «Пиковой дамы» А.С.Пушкина, выполненный П.Мериме, перевод «Божественной комедии» Данте, сделанный М.Лозинским, «Илиада» Гомера в переводе Гнедича, «Потерянный рай» Дж.Мильтона в переводе Штейнберга. В отношении переводов на русский язык современные критики перевода считают, что до сих пор у русского читателя нет подлинного представления о Вальтере Скотте. Перевод «Айвенго» Е.Г.Бекетовой местами смешон, но читать его можно, а вот перевод А.С.Бобовича «Пуритан» читать нельзя [old.russ.ru/krug/20010830.html].

Современный переводчик художественной литературы В.Муравьев желает, чтобы шедевры английской прозы стали шедеврами русской литературы, на уровне Чехова или Бунина. Предлагаемые русскому читателю переводы, по его мнению, неудачны. Даже среди переводов романов Диккенса существует только один хороший перевод Иринарха Введенского, хотя к его работе тоже масса замечаний [Там же].

Авторитет переводимой культуры нашел отражение в том, что Хлебников в переводах гораздо более известен, чем Пушкин. Это объяснимо интересом других культур к своеобразию и самобытности русской культуры, в большей степени выражающейся именно в поэзии Плещеева, Хлебникова. В этом смысле данные поэты оказываются ли-

цом русской культуры, как и писатели Л.Н.Толстой и Ф.М.Достоевский, произведения которых известны интеллектуализмом и философским началом.

Проблема переводимости/непереводимости обусловлена типом переводимого языка. Переводчики отмечают соразмерность и созвучие русского и немецкого языков. «Я люблю читать переводы на немецкий, это очень гибкий язык и позволяет имитировать все, вплоть до русского звучания. Так, Целану удалось перевести Мандельштама и Цветаеву... Я консультировал перевод Заболоцкого на итальянский язык – как ни переводы, все частушки» [old.russ.ru/krug/20010830.html].

Судьба перевода зависит от **издательской политики**. Многие практикующие переводчики отмечают, что в советский период было много цензуры, но меньше халтуры [Там же]. Этому способствовала большая конкуренция, поскольку художественные переводы выпускали лишь одно-два издательства. В настоящее время художественными переводами заняты более двух сотен издательств. При этом не существует жестких и обязательных требований в отношении качества перевода. По выражению переводчиков, есть лишь «голый диктат полудикого рынка» [Там же]. В прежние времена работа талантливых переводчиков оставалась в тени. Так, переводчиков Камю или Хемингуэя могли не знать, но каждая их работа была на виду. Сейчас же переводческие работы разного уровня качества «тонут» вместе в книжном море.

Мнения в отношении качества, предъявляемого к современным переводам, единые. «Я беседовал с Александром Ивановым, руководителем “Ad Marginem”, довольно известного интеллектуального, заметьте, издательства, которое специализируется не на издании бестселлеров, а “non-fiction”, и тот заявил мне, что главное – раскрутить автора или серию, а качество перевода – дело десятое» [<http://www.russ.ru/pole/Vozmozhnost-nevozhnoznogo>].

Субъективный фактор также лежит в основе проблемы переводимости/непереводимости. Данное понятие формирует два смысла: найдется ли такой переводчик, который сделает перевод и допускает ли оригинал перевода.

Первый смысл проблемы переводимости соотносим с переводческой смелостью, предопределяющей дальнейшее проникновение в переводимое произведение. Эта черта свойственна классикам русской литературы, переведившим произведения мировой литературы. Так, А.В.Федоров отмечает: «Лермонтов коренным образом видоизменяет некоторые из переводимых им стихотворений (в частности, стихотво-

рения Гейне), устраняет одни мотивы и детали, вводит другие и оттеняет лишь некоторые характерные черты оригинала (например, в переводе из Байрона «Душа моя мрачна» он еще более усиливает пафос и трагизм, отличающие английский текст). Его переводы значительны прежде всего в русле его собственного творчества, как русские стихи, ставшие классическими. Однако, именно благодаря своим высоким художественным достоинствам, они для развития перевода сыграли плодотворную роль, являясь подтверждением и иллюстрацией того принципа, что действительность перевода в первую очередь зависит от его литературной (в данном случае — поэтической) силы как произведения русского слова» [Федоров 2002: 58].

В настоящее время большую актуальность завоевали проблемы, связанные с понятием картины мира (Языковая картина... 2006). В переводческой деятельности переводчики создают собственный индивидуальный картины мира. В этом смысле возникают вопросы: какую картину мира создает переводчик, можно ли создавать *чужую* картину мира?

Субъективизм перевода во многом обусловлен личными пристрастиями переводчика. Так, А.В.Федоров полагал, что «романтический субъективизм всего творчества Жуковского отразился и на его деятельности как переводчика, обусловив 1) выбор таких оригиналов, которые ему наиболее близки по мировоззрению и художественным особенностям, и 2) значительное переосмысление тех, которые ему менее созвучны или даже далеки от него по своей направленности» [Там же: 57].

Переводчики, вовлеченные в процесс перевода, считают, что в их работе пополам присутствуют два начала: **интуитивное и рациональное**. Если книга не волнует переводчика, то перевод не получится. Они отмечают еще один момент. Чем больше любишь переводимого автора, тем его труднее переводить. Так, М.Л.Гаспаров считал, что переводить басни Эзопа было легко, потому что слишком просты, а «Поэтику» Аристотеля трудно, потому что слишком сложна [Гаспаров 2000: 322-323]. Переводчица французской литературы Ю.Яхнина вспоминает о том, что она отказывалась переводить произведения Ф.Саган, кроме «Здравствуй, грусть», поскольку, по ее ощущениям, писательница стремительно деградировала [old.russ.ru/krug/20010830.html]. На вопрос: что делает текст интересным – Л.Мотылев, переводчик художественной литературы, отвечает: неуловимые вещи, связанные с тем, что переводчик эмоционально не остался равнодушным к произведению и передает это дальше в переводе [old.russ.ru/krug/20010830.html].

Подводя итоги, отметим следующее. Перевод представляет собой очень сложный процесс, включающий как языковые, так и внеязыковые компоненты [Lefevere, Bassnett 1998]. В данной статье мы попытались рассмотреть перевод с точки зрения его внеязыковой обусловленности. Мы обосновали проблему переводимых и непереводаемых произведений с помощью следующих параметров:

- Временем;
- Авторитетом (популярность) исходной культуры;
- Востребованностью культурных принципов в принимающей культуре;
- Издательской политикой;
- Субъективным характером перевода.

Важно то, что данные параметры изначально задают и определяют деятельность переводчика. Данные параметры формируют дополнительное пространство перевода, освоение которого составляет содержание переводческой деятельности. Все это придает комплексный характер переводческим компетенциям, освоение которых составляет цель обучения переводу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева Л.М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная филологии, 2010. – Вып.1(7). – С. 45-51.

Алексеева Л.М. Трансляции символического значения как переводческая компетенция в художественном переводе // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная филологии, 2010б. – Вып.5(11). – С. 69-75.

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с.

Галеева Н.Л. Текстовая решетка культуры как ее сущностное основание. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. 2006. – Вып. 10. – М.; Барнаул: Изд-во Алтайский гос. ун-та. – С. 59-69.

Гаспаров М.Л. Записки и выписки. – М.: НЛЮ, 2000. – 416 с.

Возможность невозможного: интервью Яна Пробштейна Центру перевода при Университете Болоньи // Русский журнал. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Vozmozhnost-nevozmozhnogo>.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): уч. пособ. для институтов и факультетов иностр. языков. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология ТРИ, 2002. – 416 с.

Языковая картина мира и системная лексикография /под ред. В.Ю. Апресяна, Ю.Д. Апресяна и др. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 910 с.

Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. L.; N.Y. : Routledge, 1992. – 169 p.

Lefevere A. Bassnett S. Introduction. Where are we in Translation Studies // Bassnett S, Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. - Clevedon etc.: Cromwell Press, 1998. – P. 1-11. [Electronic resource]. URL: old.russ.ru/krug/20010830.html.

Бортников В.И.

Екатеринбург, Россия
**К СИНТАКСИЧЕСКИМ
 ТРАНСФОРМАЦИЯМ
 ХУДОЖЕСТВЕННОГО
 ПЕРЕВОДА (БЛОК
 ВСТУПЛЕНИЯ В РУССКОМ
 «ПОТЕРЯННОМ РАЕ» 1777 Г.)¹**

Аннотация. Статья рассматривает три примера переводческих замен синтаксиса во вступлении к поэме с позиций лингвистики текста.

Ключевые слова: лингвистика текста, Мильтон, перевод, синтаксис.

Сведения об авторе: Бортников Владислав Игоревич, аспирант (10.02.01 – Русский язык), ассистент кафедры риторики и стилистики русского языка, ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках. Место работы: ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Контактная информация:

620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, к. 312;

620083, г. Екатеринбург, К-83, ул. Тургенева, 4, комн. Т-6.

e-mail: octahedron31079@mail.ru.

С тех пор, как «на лингвистическую сцену выступил текст» [Слюсарева, Теплицкая 1978: 91], для наук, задействовавших филологические методы анализа и синтеза, особую привлекательность получили текстовые исследования. Понятием о «тексте» как «системе» предусматривалось рассмотрение «подсистем», каждая из которых «характеризуется признаком, отличающим ее от других подсистем» [Бондарко 1965: 47]. Актуальность предложения в смежных с лингвистикой текста науках, – к которым, относится, в частности, и теория перевода, и сопоставительное ее направление (см., например, [Алексеева 2011]),

© Бортников В.И., 2014

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Прагматические и лингвокультурологические константы неформального русского общения», соглашение № 14-04-00398).

Bortnikov V.I.

Ekaterinburg, Russia
**ON THE SYNTACTIC
 TRANSFORMATIONS IN A
 FICTION TRANSLATION (THE
 COMPOSITIONAL SECTION OF
 THE RUSSIAN 1777 VARIANT OF
 J. MILTON'S *PARADISE LOST*)**

Abstract. The article observes three samples of the translator's transformation in the syntax of the poem from the text linguistic point.

Keywords: *textlinguistics, Milton, translation, syntax.*

About the Author: Bortnikov Vladislav Igorevich, postgraduate (PhD) student (10.02.01 – the Russian Language), Assistant of the Chair for Russian Language Rhetorics and Stylistics, Assistant of the Chair for Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia Boris N. Eltsin.

– объясняется переходом к тексту как объекту рассмотрения от объекта-предложения, т. е. фактом роста лингвистики текста из синтаксиса сложного предложения и СФЕ.

Настоящая статья посвящена примерам синтаксических модификаций, в частности переводческой инверсии, в русском варианте поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» 1777 г. (созданном В.П. Петровым). Написанный прозой [Левин 1990: 161], перевод оказался «освобожденным от ритма и рифмы» [Гаспаров 2001: 220], вследствие чего стали возможны и собственно переводческие (не диктуемые пятистопным ямбом оригинала) трансформации предложений. Гипотетически такие трансформации не объясняются в полной мере ни строем языков, на которых написаны оба текста [см. Бархударов 1975, а также Алексева 1981: 55], ни логическим вынесением в отдельную – «сильную» – позицию отдельной лексемы [Падучева 1985: 3 – 23].

Исследование посвящено композиционному блоку вступления к мильтоновской поэме – по Н.Д. Арутюновой, «интродуктивной части», создающей «основу для формирования суждения» [Арутюнова 1976: 361] (в текстовом смысле – субъектного, или персонажного, мнения, а именно речи Сатаны [Бортников 2012: 29, 42 – 48, 55]).

Инверсия, «открывающая» текст поэмы, связана с постановкой в сильную позицию субъекта-человека:

(1) ПТ-1777: Первое преслушаніе *человѣка*... [Потерянный Рай 1777: 1]

ИТ: Of Man's first *disobedience*... (I, 1)

Заметим, что абсолютное начало текста является заведомо ремой, поэтому о тема-рематической трансформации здесь и далее речь не идет. Говорить, однако, о постановке субъекта в сильную позицию (сравнительно с предикатным *disobedience* в оригинале) было бы преждевременно без анализа других примеров, кроме (1):

(2) ПТ-1777: *наподобіе голубя* разпростерши могущественныя крила... [Там же]

ИТ: with mighty wings outspread, / *Dove-like*... (I, 20 – 21) [Там же]

Вынесение *голубя* в начало синтагмы в примере (2) восполняет сильную формальную позицию начала стиха 22 в ИТ.

(3) ПТ-1777: просвѣти мракъ *души моея*, возвыси *мой низкій талант*...

ИТ: *what in me* is dark / illumine, *what is low* raise and support (I, 22 – 23) [Там же].

Сопоставительный синтаксический анализ русского и английского текстовых вариантов получает, как следствие, и выходы на практику

их сравнительно-категориального анализа [Бортников 2012: 10 – 27]. Так, пропуск тематического «я» (“me”) в ст. 23 примера (3) объясняется у Мильтона параллелизмом конструкций: «Что темно – освети, что низко – возвысь и поддержи» (наш букв. перевод без *in me*); в переводе же за счет добавления *души* и *таланта* конкретизируется концептуальное пространство поэтического «я». Качественно-количественный анализ категории темы способен, по-видимому, расширить горизонты в решении остающихся актуальными проблем оценки перевода [Багно 1986: 235; Третьякова 2013: 172].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева И.С. Переводческий стиль Каролины Павловой // Вестник Ленинградского университета. – Вып. 2. История. Язык. Литература. – 1981. – №8. – С. 55-59.
- Алексеева Л.М. Текст перевода и «текст переводчика» // Вестник ПГУ. – Сер. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 2 (14). – С. 44-52.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
- Багно В.Е. К проблеме адекватности перевода // Известия АН СССР. – Т. 45. Сер. лит. и яз. – 1986. – №3. – С. 235-245.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: ИМО, 1975. – 240 с.
- Бондарко А.В. Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке (в связи с вопросом о темпоральности) // Вопросы языкознания. – 1965. – №6. – С. 44–54.
- Бортников В.И. Категориальная идентификация варианта художественного текста: применение технологии контент-анализа к тематической цепочке в переводе «Потерянного Рая» 1777 г. – Saarbrücken: AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG.; Изд. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 154, [8] с.
- Гаспаров М. Вопреки размеру подлинника (Мильтон, Донн, Томпсон) // Альманах переводчика. – М.: РГГУ, 2001. – С. 201-221.
- Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. Исследования и материалы. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990. – 288 с.
- Потерянный Рай: поэма I. Мильтона: пер. с агл. – СПб.: ВЪ типографии при императорскомъ дворѣ, 1777. – 107 с.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
- Слюсарева Н.А., Теплицкая Н.И. Гиперсинтаксический уровень языка

и лингвистическое членение текста // Предложение и текст в семантическом аспекте: межвуз. тем. сб. – Калинин: Калининский государственный университет, 1978. – С. 91-105.

Третьякова Е.А. Аномалии в оригинальном и переводном художественном тексте // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2013. – Вып. 3. – С. 172-177.

Кушнина Л.В.

Пермь, Россия

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ГИПОТЕЗЫ:
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ И
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
ПОДХОДЫ**

Аннотация. На основе авторской теории гармонизации переводческого пространства в статье освещаются методологические аспекты исследования процесса перевода с антропоцентрических и синергетических позиций.

Ключевые слова: теория гармонизации переводческого пространства, антропоцентризм, синергетика.

Сведения об авторе: Кушнина Людмила Вениаминовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Контактная информация: 614990, г. Пермь, Комсомольский пр. 29, к. 380б.
e-mail: kushnina@yandex.ru.

Kushnina L.V.

Perm, Russia

**TRANSLATION HYPOTHESES:
ANTHROPOCENTRIC
AND SYNERGETIC
APPROACHES**

Abstract. The article is devoted to the methodological aspects of translation process on the base of anthropocentric and synergetic approaches developed in author theory of translation space harmonization.

Keywords: theory of translation space harmonization, anthropocentrism, synergetic.

About the Author: Kushnina Lyudmila Veniaminovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages, Linguistics and Intercultural Communication.

Place of employment: Perm National Research Polytechnic University.

В настоящее время отечественное переводоведение характеризуется существенными изменениями в сфере мировоззренческой парадигмы в связи с отходом от традиционного подхода к переводу как к череде переводческих трансформаций к новым подходам, рассматривающим перевод как систему транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Ключевым понятием теории перевода становится смысл, анализ которого совершается не только в рамках текста/дискурса, но, главным образом, в контексте взаимодействующих языковых/речевых личностей и культур. В свете такого подхода мы разрабатываем теорию гармонизации переводческого пространства, которая зиждется на принципах антропоцентризма и синергетики.

© Кушнина Л.В., 2014

Основные положения теории гармонизации изложены в предыдущих публикациях автора [Кушникова 2009; 2011]. В рамках данной статьи подробнее рассмотрим обозначенные выше принципы, которые в настоящее время воспринимаются в переводческом сообществе как переводческие гипотезы, что нацеливает нас на расширение аргументативной базы теории гармонизации переводческого пространства.

Начнем с общелингвистических предпосылок. Во-первых, осознание того факта, что язык, а также порождение и восприятие текста представляют собой динамичные феномены, а динамика, в свою очередь, выступает первым этапом синергетики (В. фон Гумбольдт, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, Л.Н. Мурзин, Г. Хакен и др.). Во-вторых, перевод также признается динамическим процессом, при этом противоречивая природа перевода становится источником динамизма (А.Н. Крюков, И.Э. Ключанов, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер и др.). В-третьих, движение таких систем как текст имеет нелинейный характер, и многосмыслие текстового пространства обусловлено, среди прочих факторов, синергией движения текстовых единиц, в результате чего происходит порождение новых смыслов (Г.Г. Москальчук, И.Ю. Моисеева, Н.Л. Мышкина, и др.).

Синергетические постулаты выбраны нами в качестве методологической базы для трактовки перевода как нелинейного самоорганизующегося процесса, как сложной системы транспонирования смыслов текста. В случае межъязыкового и межкультурного взаимодействия «средой обитания» текстов становится переводческое пространство, являющееся, с одной стороны, отражением текстоцентрического, с другой стороны, антропоцентрического подхода, но в своей совокупности отражающего синергетическое мировоззрение переводящей личности. Мы трактуем переводческое пространство как полевою структуру нелинейной конфигурации, ядром которой выступает содержание текста и стоящий за ним фактуальный смысл, а периферию образуют два текстовых поля (энергетическое и фатическое), где происходит порождение эмотивно-эмпатийного и культурологического смыслов и три поля субъектов переводческой коммуникации (автора, переводчика, реципиента), в которых происходит порождение модального, индивидуально-образного и рефлексивного смыслов. Все периферийные поля являются источником имплицитных смыслов, постигаемых и транслируемых переводчиком. Суть синергетического мировоззрения состоит в том, что результатом перевода является не сумма обозначенных смыслов, как эксплицитных, так и имплицитных, но их синергия, сопровождаемая порождением нового смысла, который естественным

образом проникает в принимающую культуру, обогащая ее. Самоорганизация в процессе перевода проявляется, по нашему мнению, в том, что отношения между смысловыми полями переводческого пространства носят не жесткий, детерминированный характер, а вероятностный характер. Это означает, что в каждом конкретном случае возможна различная конфигурация полей переводческого пространства, что определяется типом текста/дискурса и видом переводческой коммуникации. Так, при переводе технического текста доминируют содержательное ядро, поле автора и поле реципиента. При переводе поэтического текста доминирует энергетическое поле и пр. Но в любом случае лишь синергия смыслов всех полей переводческого пространства порождает уникальный смысл текста перевода, который вписывается в принимающую культуру. Именно синергия смыслов обеспечивает качественный, успешный, в нашем понимании, гармоничный перевод.

Проиллюстрируем на примере. В качестве материала для лингвопереводческого анализа используем фрагменты романа современной французской писательницы М. Барбери «Лакомство» [Барбери 2010] (M. Barbery «Une gourmandise» [Barbery 2000]) и его перевод на русский язык, выполненный Н. Хотинской.

Как отмечают исследователи творчества М. Барбери, она завоевала признание читателей сразу после выхода в свет романа «Лакомство», получившего несколько литературных премий. Герой повествования – знаменитый дегустатор, кулинарный критик, которому удалось безраздельно царить за величайшими столами Франции. На пороге своей смерти он перебирает в памяти лучшие вкусовые ощущения, что создает атмосферу истинного праздника вкуса.

Le toast

Тост

... C'est terrible comme je sens que je suis proche. Le pain, la brioche... il me semble que j'ai enfin emprunté la bonne voie, celle qui conduit à ma vérité. Où bien n'est-ce qu'un fourvoisement de plus, une fausse piste qui m'égare et ne me convainc que pour mieux me décevoir et rire avec sarcasme de ma déconfiture? J'essaie d'autres alternatives. Poker.

... Ужас, до чего я чувствую, что подошел совсем близкою Хлеб, сдоба...мне кажется, что я наконец-то на верном пути, что он приведет к моей истине. Или это опять ошибка, ложный след, снова лукавый морочит меня: чтобы обмануть мои надежды и язвительно посмеяться над моим разочарованием? Попробую поискать в другом направлении. Рискну.

При сопоставлении фрагментов текстов оригинала и перевода, очевидно, что их смыслы гармоничны, переводчику удалось не просто подобрать эквивалентные соответствия, но придать тексту новые смысловые оттенки, которые гармонизируют с русской культурой, с русскими реалиями. Так, в оригинале не было прямых соответствий лексемам «*лукавый морочит меня*». Выражение «*от лукавого*» в его прямом значении было бы совершенно непонятно французам. С другой стороны, последнее слово-предложение «*Poker*» (буквально: «*Покер*») переводчик заменил на слово-предложение «*Рискну*», что более приемлемо в русской культуре, несмотря на то, что глубинный смысл этих лексем в двух языках в определенных контекстах совпадает.

Мы убеждены, что ни адекватность как точное словарное соответствие, ни эквивалентность как тождественное пропозициональное соответствие не привели бы переводчика к качественному переводу, если бы он не искал гармоничных способов выражения иноязычного и инокультурного смысла, которые способны обеспечить успешное бытие текста перевода в иной языковой и культурной среде. Мы считаем, что, проникая в переводческое пространство, осознавая необходимость трансляции разнородных имплицитных смыслов, переводчик создает в своем сознании такой образ, который приближает его, с одной стороны, к образу автора текста, с другой стороны, формирует образ, понятный читателю текста. Эти образы не идентичны, они подобны, они воспринимаются естественно тем, кому адресованы. Русский читатель не будет разочарован, если переводчику удастся гармонизировать смыслы текстов оригинала и перевода, в результате чего текст перевода будет воспринят так, как будто это не перевод. Недаром великий русский поэт-переводчик С.Я. Маршак говорил о хорошем переводе: «Перевод такой, что перевода не видать». В этом нам видится высшее мастерство переводчика, в этом состоит значимость переводческого пространства. При этом мы отдаем себе отчет в том, что талантливому переводчику не нужны ни переводческие модели, ни самые виртуозные трактовки и объяснения закономерностей процесса перевода, равно как писателю или ученому не нужно объяснять, как излагать свои мысли и чувства. Речь идет о тех переводчиках, которые стремятся к овладению переводческой профессией, достижению в ней высоких результатов, обеспечению максимального взаимопонимания коммуникантов. В этом случае переводчик избирает свои аксиологические доминанты. С нашей точки зрения, достижение гармонии обусловлено, прежде всего, творческой позицией переводчика, выступающего активной языковой

личностью, которая, в своих устремлениях к качественному переводу успешно овладела гармоничным переводческим мировоззрением.

Акцентируя внимание исследователей на синергетическом характере процесса перевода, подчеркнем, что в переводческом пространстве имеет место многостороннее взаимодействие разнородных процессов: организация в понимании переводчиком эксплицитно выраженного фактуального смысла, являющаяся стабильным, инвариантным, и самоорганизация в понимании переводчиком имплицитно выраженных смыслов автора и реципиента, являющихся вариативными, лабильными. Такое взаимодействие стабильного содержания с лабильными смыслами носит креативный характер и свидетельствует о проявлении упорядоченности, возникшей из хаоса. Действительно, упорядоченный текст оригинала, подлежащий переводу, превращается сначала в сознании переводчика в «хаос», который в процессе осмысления, обдумывания, творческого поиска вновь обретает черты упорядоченности, становясь фактом другого языка и другой культуры.

Что касается антропоцентризма, в своих работах мы пришли к выводу, что переводчик, создающий вторичный текст, не может быть рассмотрен как некая вторичная языковая личность. Он сочетает в своей деятельности черты первичной и вторичной языковой личности, т.к. гармоничный текст перевода является не менее уникальным, чем текст оригинала. Более того, в процессе преобразования текста, транспонирования и гармонизации его смыслов переводчик приобретает черты элитарности, что приводит его к статусу элитарной языковой личности.

Таким образом, в современной когнитивной парадигме процесс перевода может быть проанализирован как система, имеющая свою организацию – переводческое пространство – и развивающаяся по законам гармонии как общечеловеческой универсалии культуры. Принципиальное отличие синергетической модели перевода, представленной переводческим пространством, состоит в том, что интерпретация перевода основана не на линейном представлении действий переводчика от восприятия к последовательной перекодировке и изложению текста на переводящем языке, а на полевом принципе организации переводческого пространства, где взаимодействие составляющих ядра и периферии происходит как единый, слаженный, соразмерный процесс. Снятие жестких линейных связей позволяет более объемно рассматривать взаимовлияние, как субъектов переводческой коммуникации, так и текстов двух языков и культур.

Мы заключаем, что антропоцентризм и синергия – важнейшие аспекты переводческой деятельности, которые подтверждают тот факт,

что новые переводческие гипотезы становятся переводческими реалиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кушникова Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства: монография. – Пермь, 2009. – 196 с.

Кушникова Л.В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь. – 2011. – Вып. 3 (15). – С.81-86.

Барбери М. Лакомство. – Иностранка, 2010. – 157 с.

Barbery M. Une Gourmandise, Gallimard, 2000. – 171 с.

Разумкова Н.В.

Тюмень, Россия, Цюйфу, Китай

Ван Динвэн

Цюйфу, Китай

**КИТАЙСКИЕ ВАРИАЦИИ
ЕСЕНИНСКОГО КОЛОРИТА (К
ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КОНЦЕПТА 'ЦВЕТ' В АСПЕКТЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА)**

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать специфику цветовых слов, представленных в китайских переводах стихотворений С. Есенина. Авторы отмечают, что для создания многогранного образа, особенностями которого является преобладание эмотивно-оценочного содержания, русский поэт использовал богатый лингвоспектр. Особый акцент делается на рассмотрение способов передачи цветового образа средствами китайского языка.

Ключевые слова: Сергей Есенин, концепт, цветообозначение, русский язык, китайский язык, художественный перевод

Сведения об авторе: Разумкова Надежда Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания.

Место работы: Тюменский государственный университет, Цюйфуский государственный педагогический университет.

Ван Динвэн, студентка Цюйфуского государственного педагогического университета.

Контактная информация: 625048, г. Тюмень, ул. Республики, 94, к. 180.
e-mail: 18nadezhda3@mail.ru; svetavan1994@mail.ru.

Razumkova N.V.

Tyumen, Russia, Qufu, China

Wang Jinwen

Qufu, China

**CHINESE VARIATIONS OF
YESENIN'S COLORING (TO
STUDY THE PROBLEM IN
TERMS OF CONCEPT 'COLOR'
IN THE ASPECT OF LITERARY
TRANSLATION)**

Abstract. The article attempts to analyze the specificity of color words presented in the Chinese translations by S. Yesenin's poems. The authors note to create a way, features of which are the predominance of emotion-evaluative content, Russian poet used a rich linguistic rang of color units. Particular emphasis is placed on the consideration of ways to translate a color image by means of the Chinese language.

Keywords: Sergei Yesenin, concept, color terms, Russian, Chinese, literary translation.

About the Author: Razumkova Nadezhda Vassilyevna, Candidate of Philology, Associated Professor of the Chair of Linguistics.

Place of employment: Tyumen State University, Qufu Normal University.

Wang Jinwen, student of the Qufu Normal University.

Полагаем необходимым предварить изложение статьи кратким пояснением. Рождению творческого союза 'преподаватель – студент'

предшествовало одно событие – участие юного автора во Всекитайской олимпиаде по русскому языку в октябре 2013 г. Достойной наградой успешному конкурсанту стал томик стихотворений Сергея Есенина и их переводов на китайском языке. В процессе творческого диалога русский поэт стал нашим собеседником, проводником в созданный им прекрасный мир уникальных, притягательных образов, которые требуют разгадки. Знакомство с трудами российских и китайских ученых, в частности [Выродова 2008; Гао 1999; Го 2012; Морозова 2008], помогло погрузиться в научный контекст, изучить проблемное поле есениноведения. В данных координатах избрана заявленная тема.

Проблема межъязыковых цветовых концептов и вопросы мастерства художественного перевода находятся в зоне пристального внимания ученых-филологов (для примера [Мальцева 2008; Разумкова 2012:148-152]). В нашем понимании, концепт ‘цвет’ представляет собой денотативное и коннотативное содержание колоратива во всем многообразии его ассоциативных связей. В поэтическом произведении он выступает как один из видов художественного концепта, имеющего дополнительные смысловые приращения – образный, эмоциональный, экспрессивный. Актуальность и новизна нашей работы заключается в новом объекте и предмете исследования, которые определяются поставленной целью – проследить перекодирование мира есенинских красок средствами китайского языка.

Рецепция иноязычных авторов, как известно, играет большую роль в развитии культуры и эстетического вкуса любого народа. Китайские читатели смогли по достоинству оценить музу А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова. Хорошо известно творчество русских поэтов серебряного века, основательно представленное в переводах прозы и стихов И.А. Бунина, лирики А. Блока, А. Ахматовой, Н. Гумилева, В. Маяковского, Б. Пастернака. Широкую популярность получили произведения Сергея Есенина, который еще при жизни стал явлением мировой литературы. Подтверждением тому служат многочисленные переводы его произведений.

Материалом нашего исследования стали избранные стихотворения С. Есенина, предваряемые вступительной статьей профессора Пекинского университета иностранных языков Гу Юньчу [叶赛宁 2006]. Книга структурирована следующим образом: слева располагается оригинальный текст, справа – перевод, выполненный Джан Дян Хуа.

Литературный перевод, как известно, направлен на репрезентацию ценностей иноязычной литературы в принимающей культуре. На первый план выступают такие критерии, как интеллектуально-

эмоциональная основа, ее метафорическое переосмысление, объективация авторской идеи. В художественном произведении цветовые концепты воспринимаются не всегда однозначно, их перекодирование средствами иного языка сопряжено с определенными трудностями. Проблема цветовой рецепции, по мнению исследователей, осложняется естественными различиями в восприятии цветового пространства, которые отмечаются у представителей разных лингвокультур.

При анализе материала были рассмотрены соответствия концептов, вербализованные цветовыми обозначениями (ЦО), в оригинале и тексте перевода. В этой связи сочли необходимым определить корпус колоративов, их функциональную нагруженность, языковые способы выражения и степень адекватности ЦО.

Большой художник, Есенин пленил читателей яркими и свежими образами: залитые голубизной рязанские просторы, наполненные золотом поля, нежная зелень лесной чащи. Звучность русскому пейзажу придают малиновые и кумачовые цвета, а рябиновые и алые краски делают поэтический мир четким и осязаемым. В желто-золотой гамме выдержаны автопортреты поэта. В «золототканом цветенье» виделась поэту судьба родины и собственная судьба.

Алый, голубой, розовый, золотой, белый составляют основной колорит есенинской лирики. Поэт замечал, как *горят снежинки в золотом огне* («Береза»); *выткался на озере алый свет зари* («Выткался на озере алый свет зари»), *сирени шелест голубой* («Может, поздно, может, слишком рано»); *свет от розовой иконы* («Колокольчик серебрянозвонный»); *березы в белом плачут по лесам* («Снежная равнина»). Для передачи цветовых образов поэт использует слова различных лексико-грамматических классов – прилагательные, атрибутивные глагольные формы, существительные, наречия. Спектр стихотворений вбирает номинации основных цветов и их оттенков: *Загорелась зорька красная В небе темно-голубом*, *Полоса явилась ясная В своем блеске золотом* («Восход солнца»); *А степь под пологом зеленым Кадит черемуховый дым* («За темной прядью перелесиц»); *Осень – рыжая кобыла – чешет гриву* («Осень»). Поэт употребляет полные и краткие прилагательные, семантические различия которых заключаются в том, что полные формы выражают признак безотносительный пассивный, а краткие – относительный активный: *Колесом за сини горы Солнце тихое скатилось* («Нивы сжаты»); *Я молось на алы зори* («Я пастух»). *Воздух прозрачный и синий, Выйду в цветочные чащи. Путник, в лазурь уходящий, Ты не дойдешь до пустыни* («Воздух прозрачный и си-

ний»). Поэт прибегает довольно часто к приему уточняющего описания: *Кудри черные змейно трепал ветерок* («Подражанье песне»).

Высокочастотным прототипическим референтом выступают денотаты снега, серебра, золота, меди. Например: *Белая береза Под моим окном Принакрылась снегом, Точно серебром* («Береза»); *Тихо льется с кленов листьев медь* («Не жалею, не зову, не плачу»). Колоративные существительные указывают на постоянный признак цвета: *Зелень в цвету и росе* («Сыплет черемуха снегом»).

Как показал наш анализ, в сознании переводчика колоративная парадигма есенинской лирики имеет своеобразную конфигурацию, в некоторых случаях при переводе отмечены грамматические трансформации поэтической фразы. В ходе изучения цветовой стратегии в русскоязычном тексте и способов ее передачи на китайский язык обнаружен ряд абсолютных эквивалентов в семантическом и в морфологическом плане. Прилагательные, глагольные лексемы, выявленные в стихотворных текстах, равно как и цветковые существительные, переведены соответствующими формами китайского языка.

Расхождения зачастую касаются замены имени оттенка в оригинале фокусным ЦО или его пропуском в переводе. Так, в стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу» цветообраз *на розовом коне* (*Словно я весенней гулкой ранью Проскакал на розовом коне*) в переводе утратил ЦО. Другие примеры семантических трансформаций: *седые облака* (*Плывут в страну далекую седые облака*) («Поет зима – аукает») переведены как *灰云 серые облака*; *Вот оно, мое стадо рыжее!* («Хулиган»), ‘рыжий’ передан посредством термина основного тона ‘желтый’ *黄色*; стилистически возвышенный флер образа *рдяный мак заката* («Напрасно дули ветры») представлен нейтральным ЦО ‘красный’ *红*.

Подобные отступления от оригинала, видимо, связаны с различиями в системе ЦО русского и китайского языков, поэтому их нельзя считать вольностью переводчика. Концептуализация цвета у русских и китайцев, их представления об окружающем мире сильно отличаются друг от друга, хотя народы испокон веков живут по соседству. Различия обусловлены, во-первых, иероглифической системой китайского языка. Безусловно, выбор способов моделирования концепта ‘цвет’ в китайской языковой картине мира мотивирован особенностями лексикографии и словообразования. Если в русском тексте концепт ‘красный’ репрезентируется названиями оттенков, например, алый, малиновый, багряный и др., то в китайском языке он передается базовым цветоименованием *红 hong*.

Цветовые концепты, зафиксированные в синограммах, отражают внутреннюю форму ЦО: 黑 hēi черный, 白 bái белый, 灰 huī серый, 红 hōng красный, 黄 huáng желтый, 绿 lǜ зеленый, 蓝 lán голубой и синий. Колористика китайской лингвокультуры имеет пространственно-космологическую семантику: желтый 黄 huáng – центр, сине-зеленый 青 qīng – восток, черный 黑 hēi – север, белый 白 bái – запад, красный 红 hōng – юг. Цветовые аллегории характерны только для доминирующей в этническом сознании китайцев цветовой триады красный, белый, черный [Морозова 2008].

В китайских переводах, как и в лингвокультуре в целом, концепты холодной гаммы даже не дифференцированы. Обратим внимание, что ЦО ‘синий’ и его вариант ‘голубой’ выступают постоянным фоном есенинских текстов. Поэт воспевае Россию, родной край, порой не прибегая к объекту-носителю цвета: *Несказанное, синее, нежное ... Тих мой край после бурь, после гроз* («Несказанное, синее, нежное»). Слагаемыми цветового облика родины могут быть голубоглазые девушки: *Заметался пожар голубой, Позабылись родимые дали* («Заметался пожар голубой»). ЦО ‘синий’ и ‘голубой’ переданы иероглифом 蓝色. В приведенных примерах цветовой образ формируется из разных прототипических объектов – концептуализации реки и глаз небесного цвета у любимой. Здесь необходимо отметить, что в сфере ЦО глаз отсутствие аналогий между русским и китайским языками исключительно важно в плане перевода. У китайцев глаза обычно черного цвета, в то время как, русским известно много специфических моментов цветоименования органа зрения. Ср.: *глаз злато-карий омут* («Заметался пожар голубой»), *Я в твоих глазах увидел море, полыхающее голубым огнем* («Никогда я не был на Босфоре»). Отсюда поиск средств адекватной передачи аксиологических и коннотативных свойств есенинского колорита весьма затруднен.

Предпринятый анализ локальных единиц (ЦО) в русскоязычном и переводном тексте позволяет сделать некоторые выводы относительно особенностей воплощения когнитивной деятельности автора и способов ее трансляции на ином языке. У представителей русской и китайской лингвокультур прослеживаются глубокие отличия в выборе языковых средств моделирования цвета в художественном пространстве. Отчасти, отмеченная разница объясняется влиянием стереотипных представлений переводчика, присущих его родной культуре. Проблема “переложимости” на другой язык проистекает не только из семантического разнообразия колоративной лексики, но и из морфологических,

синтаксических, деривационных дивергенций в данных языках. Думается, адекватный перенос есенинских ЦО в китайскую систему координат требует от переводчика предъявления ряда ассоциаций, пробуждаемых внутренней формой ЦО, контекстным окружением, чтобы китайский читатель мог различать краски “на русский манер”.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Выродова А.С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века (на материале С.А. Есенина и Н.М. Рубцова): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2008. – 21 с.

Гао Хайянь. Лингвострановедческий анализ русской лексики цветообозначения (на фоне китайского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1999. – 16 с.

Го Ли. Концепция природы в творчестве Есенина и Ли Бо [Электронный ресурс]. – URL: [http:// www.gramota.net/materials/1/2012/3/11.html](http://www.gramota.net/materials/1/2012/3/11.html).

Мальцева И.Г. Адекватность перевода цветовых концептов Г. Тракля на русский язык: дисс. ... канд. филол. наук / Уральск. Гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 223 с.

Морозова Т.А. Базовые цветовые лексемы китайского языка в культурно-лингвистическом аспекте // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сборник научных трудов. Вып. 6. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – С. 98-105.

Разумкова Н.В. Концепт ‘цвет’: понятийный и образный компоненты в аспекте транслятики // Проблемы когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник материалов II международной научно-практической конференции 5-7 декабря 2012 г. Псков, 2012. – С. 148-152.

叶赛宁。诗选。北京：外文出版的录音和录像，2006。(Есенин С. Избранные стихотворения. – Пекин: Издательство аудио и видеопродукции иностранных языков, 2006. – 275 с.).

Шкрабо О.Н.

Минск, Беларусь

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ТЕХНИЧЕСКОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ В СФЕРЕ
ЭЛЕКТРОНИКИ**

Аннотация. В статье раскрываются особенности перевода технической терминологии в сфере электроники, приводятся примеры перевода наиболее употребительных терминов.

Ключевые слова: перевод, электроника, технические описания, термины.

Shkrabo O.N.

Minsk, Belarus

**THE PECULIARITIES OF
TRANSLATION OF TECHNICAL
DOCUMENTATION IN
ELECTRONICS**

Abstract. The article describes the peculiarities of translation of technical terminology in the field of electronics. It also gives examples of translation for the most common terms.

Keywords: translation, electronics, datasheets, terms.

Сведения об авторе: Шкрабо Ольга Николаевна, преподаватель.

Место работы: Белорусский государственный университет.

Контактная информация: 220047, ул. Илимская 35-66.

e-mail: olga_shkrabo@tut.by.

About the Author: Shkrabo Olga Nikolaevna, instructor.

Place of employment: Belorussian State University.

Республика Беларусь, г. Минск,

Возрастающая интенсивность международных контактов, научно-технический прогресс и связанное с ним международное сотрудничество обуславливают возрастание роли перевода как средства общественно-политических, экономических, научных и культурных отношений народов.

С каждым годом все большее развитие получает электронная промышленность, в связи с чем, растет число узкоспециальной технической документации. Переводчик, как правило, сталкивается с такими образцами технических документов как спецификации (даташиты), инструкции по эксплуатации, сертификаты.

Перевод таких документов требует особой точности в переводе терминологии, соблюдении определенных стандартов оформления документов, проверки правильности и достоверности переноса числовых и символьных обозначений из текста оригинала в текст перевода.

Перевод технических описаний представляет собой один из самых трудоемких и сложных видов технического перевода, требующих наличия узкоспециальных знаний. В процессе перевода переводчик сталкивается с необходимостью вникнуть в основы работы оборудования, ознакомиться с техническими характеристиками, в некоторых

© Шкрабо О.Н., 2014

случаях из-за полисемичности терминов приходится прибегать к изучению чертежей и рисунков или к консультации специалиста в соответствующей области.

Несмотря на наличие в сфере электроники терминов, имеющих множество значений, общетехнических терминов, существует ряд терминов, имеющих строго определенные значения, отличающиеся однозначностью и независимостью от контекста. Например,

integrated circuit – интегральная схема (ИС);

channel bandwidth – ширина полосы пропускания канала; ширина полосы канала;

PC board – печатная плата;

quiescent current – ток в рабочей точке; собственный потребляемый ток;

input voltage range – диапазон входного напряжения.

Техническая документация обнаруживает и ряд грамматических особенностей, отражающихся в первую очередь на синтаксической структуре высказывания. Характерными являются двусоставные предложения с составным сказуемым, состоящим из глагола-связки и именной части:

These Devices are Pb-Free, Halogen Free/BFR Free and are RoHS Compliant. – Данные изделия не содержат свинец, галогены/бромсодержащий антипирен и соответствуют директиве RoHS.

Для технических описаний электрических изделий свойственны неполные предложения, которые на русский язык возможно перевести безличными конструкциями или вводить поясняющее подлежащее:

Designed for PCN and PCS base station applications at frequencies from 1900 to 2000 MHz. Suitable for TDMA, CDMA and multicarrier amplifier applications. – (Данный транзистор) Предназначен для применения на базовых станциях персональной сети передачи данных (PCN) и ПЭВМ на частотах от 1900 до 2000 МГц. Совместим с МДВР, МДКР и многокаскадными усилителями.

Characterized with Series Equivalent Large-Signal Impedance Parameters – (Транзистор) Характеризуется последовательными эквивалентными параметрами полного сопротивления в режиме большого сигнала.

В большом количестве используются атрибутивные группы, именные структуры, эллиптические конструкции, применение которых обусловлено стремлением к краткости и компактности изложения.

a common mode input voltage range (атрибутивная группа) -

The output voltage range also includes the negative power supply voltage. (именная структура)

Utilizing the circuit designs perfected for Quad Operational Amplifiers, these dual operational amplifiers feature low power drain (эллиптические конструкции)

Из приведенных выше примеров очевидно, что к особенностям технической документации также относится большое количество аббревиатур и сокращений, например:

PCB-Printed circuit board-Печатная плата

PPS-Positive phase sequence-Прямая последовательность (чередования) фаз

TDMA-Time Division Multiple Access-Многостанционный доступ с временным разделением каналов (МДВР)

CDMA-Code Division Multiple Access-Многостанционный доступ с кодовым разделением каналов (МДКР)

Не следует забывать и о так называемых «ложных друзьях переводчика», в роли которых чаще всего выступают интернационализмы, и о полисемичных словах. При переводе технических текстов следует особенное внимание уделять таким словам и терминам, т.к. буквальный перевод может привести к смысловому искажению или оказаться стилистически неточным. Примеры далее приведены в следующем порядке: английский термин-общеупотребительный вариант перевода-правильный вариант перевода с учетом сферы употребления.

Translator-Переводчик-Преобразователь, изолирующий трансформатор;

Current-Поток, текущий-Ток

Board-Полка, шкаф, совет-Плата

Key-Ключ-Манипулятор, ключевой сигнал

Carrier-Носильщик, переносчик-Носитель, несущий ток

Lead-Грузило, отвес-Концевые выводы, опережение по фазе

Circuit-Кругооборот, окружность-Цепь, контур, микросхема, ветвь обмотки

Рассмотрим примеры из спецификации к печатной плате [Document number: RMC43DRAH-S734]:

Accommodates .062" ± .008" [1.57 ± .20] PC board - Согласуется с печатной платой .062" ± .008" [1.57 ± .20]

Molded-in key available – В комплектации имеется цельнолитой манипулятор

3 amp current rating per contact – Номинальный режим по току на контакт – 3 ампера

30 milli ohm maximum at rated current – Максимальное сопротивление при номинальном токе – 30 милли-Ом

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: для технической документации в сфере электроники характерны двусоставные предложения с составным сказуемым, состоящим из глагола-связки и именной части, неполные предложения, в технических описаниях часто используются атрибутивные группы, именные структуры, эллиптические конструкции, аббревиатуры и сокращения; при переводе документации такого рода следует сверять перевод терминологии со словарем, следовать общим правилам теории и практики перевода и, при необходимости, консультироваться со специалистом в указанной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

Мультитран. [Электронный ресурс]. – URL: www.multitran.ru.

Technical Data. RF Power Field Effect Transistors. Document Number: MRF5S19150H. - Freescale Semiconductor. Rev. 2, 5/2006.

Specifications. 100” [2.54 mm] Contact Centers, .431” [10.95 mm] Insulator Height Dip Solder/Eyelet/Right Angle for .062”[1.57] or .031”[0.79] Mating PCB. Document number: RMC43DRAH-S734. – Sullins.

УДК 821.161.1.3 (Шмелев И.С.)

Бугакова Н.Б.

Воронеж, Россия

О НЕКОТОРЫХ

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
ОБЪЕКТИВАЦИИ ОБРАЗА ИКОНЫ
В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЕВА
«ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»**

Bugakova N.B.

Voronesh, Russia

ABOUT SOME OF THE

**INDIVIDUALLY-COPYRIGHT
PECULIARITIES OF LEXICAL
OBJECTIVIZATION OF THE
IMAGE ICON IN THE NOVEL I.S.
SHMELEV «THE PATHS OF
HEAVEN»**

Аннотация. В данном исследовании анализируются когнитивные признаки концепта «икона», выявленные нами при рассмотрении произведения И.С. Шмелева «Пути небесные», также приводятся способы вербализации исследуемого концепта.

Ключевые слова: *концепт, образ, когнитивные признаки, икона, праздник, вербализация, объективация.*

Abstract. The study analyzes the cognitive characteristics of the concept «icon», revealed by us in considering the works of I.S. Shmelev «the Paths of heaven», also provides a way verbalization of the investigated concept.

Keywords: *concept, image, cognitive characteristics, the icon of the feast, verbalization, objectification.*

Сведения об авторе: Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации.

Место работы: Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Контактная информация: 394019, г. Воронеж, ул. Машиностроителей, д. 74, кв. 8.

e-mail: ya_witch@mail.ru

About the Author: Bugakova Nadezhda Borisovna, Candidate of Philology, the senior lecturer of chair of Russian and intercultural communications.

Place of employment: the Voronezh state architecturally-building university.

Исследование языковых средств объективации концептов является одним из наиболее эффективных способов проникновения в концептосферу носителей языка с целью выявления ее специфических черт, осмысления миропонимания и поведения людей [Попова, Стернин 2001 : 21].

Концепты, репрезентированные религиозной лексикой, занимают в русской концептосфере значительное место, в связи с чем нуждаются в глубоком изучении.

© Бугакова Н.Б., 2014

Задачей данного исследования является рассмотрение способов вербализации концепта *икона* в романе И.С. Шмелева «Пути небесные».

В русском языке выделяются следующие значения лексемы *икона*: 1) живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих; 2) предмет культа, являющийся посредником между молящимся и первообразом; 3) предмет поклонения, почитающийся молящимися как святой и настраивающий на нужный лад при общении с Богом, Божьей Матерью, ангелами, святыми; 4) предмет, обладающий чудодейственными свойствами, способностью исцелять [Большой академический словарь русского языка 2007, т. 7 : 206 – 207].

Рассмотрим когнитивные признаки концепта *икона*, актуализируемого лексемой *икона* и ее синонимами в произведении И.С. Шмелева.

«...*иконы* сияли ризами, венчиками из розочек, голубыми лампадками Рождества» [Шмелев 2007, с. 190]; актуализируется когнитивный признак «изображение, украшаемое на праздник».

«С тяжелым сердцем склонилась она перед *Иконой*, стараясь собрать мысли; но не было сил молиться. Она собирала силы, твердила: «Прости, очисти... в соблазне я... дай мне силы, Пречистая!..» [Шмелев 2007, с. 186]; актуализируется когнитивный признак «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью».

«Эту комнатку попросила она себе молиться... Там стояли большие пьалы, висели душевные *иконы* – Рождества Иоанна Крестителя, Рождества Богородицы, Анастасии-Узорешительницы, и лежал коврик перед подставкой с молитвословом» [Шмелев 2007, с. 189]; актуализируется когнитивный признак «любимое изображение».

«Долго взирала на *иконы* молящим взглядом» [Шмелев 2007, с. 214]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих».

«После чая она ... помолилась глазами на *иконы* ...» [Шмелев 2007, с. 307]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих».

«Пошла в спальню, встала перед Казанской, сложила в ней мольбе ладони и с болью вспоминала, как благословляла ее матушка

Агния, как тайком пронесла она эту икону из обители, обманула матушку Виринею...» [Шмелев 2007, с. 323-324]; актуализируется когнитивный признак «изображение, осуществляющее покровительство».

Для объективации концепта **икона** автором используются также следующие лексемы: *иконная; образ; имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона; Владычица; Пречистая, ФС Страстная Матерь Божия*, а также *составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона:

- *Иконная.*

Данная лексема образована от производящего существительного «икона» при помощи суффикса «н», который придает лексеме торжественную окраску.

« - Она была *новая* для меня, *явленная*... иконная! – рассказывал восторженно Виктор Алексеевич. – Уже тогда показалось мне, что не от мира этого она» [Шмелев 2007, с. 161]; актуализируется когнитивный признак «почитается как относящаяся к миру Бога, святых».

- *Образ.* Данная лексема зафиксирована во многих словарях.

«В комнатах висели образа, разысканные в сундуках, старинные» [Шмелев 2007, с. 144]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, святого или святых».

«...она подбежала к милостынному столику, положила серебрца на блюдо, перекрестилась на образок и ... поклонилась в пояс...» [Шмелев 2007, с. 175]; актуализируется когнитивный признак «небольшое живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения».

«Ей стало страшно, и она отошла от образа» [Шмелев 2007, с. 324]; актуализируется когнитивный признак «изображение Бога, святых, внушающее страх».

- *имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона:*

«Как-то ночью он услышал, что она горько плачет, детскими всхлипами. ... Он стал утешать ее, спрашивать, что случилось. Прильнув к нему, она поведала, что ей страшно, что Господь не простит ее, что она грешница из грешниц, ... что у них даже и лампадочка не горит, а она боится без лампадочки, и Матушка-Казанская ... «во тьме висит» [Шмелев 2007, с. 140-141]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду».

«Она взглянула на него, «разумными глазами», и лихорадочно-быстро стала говорить, вполне сознательно: «Так нельзя, в темноте, без лампадки... затепли, миленький... поставь поближе ко мне на столик, благословение мое... Казанскую-Матушку» [Шмелев 2007, с. 153]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

«У Казанской не теплилась лампадка: забыла ее оправить» [Шмелев 2007, с. 306]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения».

«Эту комнатку попросила она себе молиться... Там стояли большие пяльцы, висели душевные иконы – Рождества Иоанна Крестителя, Рождества Богородицы, Анастасии-Узорешительницы, и лежал коврик перед подставкой с молитвословом» [Шмелев 2007, с. 189]; актуализируется когнитивный признак «любимое изображение».

- Лексема *Владычица*:

«Ждала только, церковь когда откроют, помолиться перед Владычицей»; актуализируется когнитивный признак «изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения» [Шмелев 2007, с. 97].

- Лексема *Пречистая*:

«С тяжелым сердцем склонилась она перед Иконой, стараясь собрать мысли; но не было сил молиться. Она собирала силы, твердила: «Прости, очисти... в соблазне я... дай мне силы, Пречистая!...» [Шмелев 2007, с. 186]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, являющееся объектом просьб».

- ФС *Страстная Матерь Божия*:

«Взглянула на Страстную Матерь Божию и подумала в сердце, будто Пречистая мне велит: «Все прими, испей» [Шмелев 2007, с. 119]; актуализируется когнитивный признак «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать».

• *Составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона:

«Обрадованный, что она говорит разумно, что, должно быть, ей стало лучше, он перенес и устроил на столике у ее постели образ Богородицы Казанской, благословение матушки Агнии...» [Шмелев 2007, с. 154]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

« - Было, конечно, глупо передавать ей пошлости, - рассказывал Виктор Алексеевич, - но я тогда этими пустяками упивался, и восторги

других от Дариньки ... были приятны мне. Помню, этот сюсюкающий бароша встретил меня тогда словами: «Она – пре-ле-стна, твоя монашка! Она – жемчужина ... с чудотворной иконы Страстной Богоматери...» [Шмелев 2007, с. 229]; актуализируется когнитивный признак «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять».

«Как всегда, к ночи, топилась лежанка, полыхала. В пламени от нее светился розовым серебром оклада образ Рождества Богородицы» [Шмелев 2007, с. 251]; актуализируется когнитивный признак «ценное изображение».

«Даринька перекрестилась на икону Казанской – благословение матушки Агнии, и с ужасом увидала, что опять не оправила лампадку» [Шмелев 2007, с. 331]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

Проведенное исследование позволило выявить и описать способы объективации образа **иконы** в романе И.С. Шмелева «Пути небесные».

В анализируемом произведении концепт **икона** актуализирует следующие когнитивные признаки:

«изображение, украшаемое на праздник»; «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью»; «любимое изображение»; «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих»; «изображение, осуществляющее покровительство»; «почитается как относящаяся к миру Бога, святых»; «живописное изображение Бога, святого или святых»; «живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения»; «изображение Бога, святых, внушающее страх»; «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду»; «живописное изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения»; «любимое изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, являющееся объектом просьб»; «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать»; «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять»; «ценное изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

Индивидуально-авторскими когнитивными признаками концепта **икона** в языковой картине мира являются следующие:

«изображение, украшаемое на праздник»; «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью»; «любимое изображение»; «изображение, осуществляющее покровительст-

во»; «почитается как относящаяся к миру Бога, святых»; «изображение Бога, святых, внушающее страх»; «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду»; «любимое изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, являющееся объектом просьб»; «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать»; «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять»; «ценное изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

Для объективации данных когнитивных признаков используются лексемы *икона, иконная, образ, образок*, лексемы - *имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона*, лексемы *Владычица, Пречистая, ФС Страстная Божия Матерь*, а также *составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Большой академический словарь русского языка: в 17 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. – М., СПб.: Наука, 2007.

Попова З.Д., Стернин И.А. К методологии лингвокогнитивного анализа // Филология и культура: материалы III Международной научной конференции. – Часть 2. – Тамбов, 2001. – С. 19-24.

Шмелев И.С. Пути небесные. – 2-е изд. – М.: Даръ, 2007. – 848 с.

УДК 821.111.1.3(Филдинг Г.)

Возмилкина В.О.

Екатеринбург, Россия

**«ИСТОРИЯ ТОМА ДЖОНСА»
Г.ФИЛДИНГА: НА ПУТИ К
СОЦИАЛЬНОМУ РОМАНУ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности просветительской идеологии в английском романе XVIII века на примере романа Г. Филдинга «История Тома Джонса». В работе обнаруживается последовательная взаимосвязь просветительских тенденций в английском романе XVIII века и принципов социального романа XIX века.

Ключевые слова: английский роман, Просвещение, социальный роман, сатира, нравственность

Vozmilkina V.O.

Yekaterinburg, Russia

**«THE HISTORY OF TOM JONES, A
FOUNDLING» BY H. FIELDING: ON
THE WAY TO SOCIAL NOVEL**

Abstract. The article considers the peculiarities of the Enlightenment ideology in the English novel of the XVIII century on the example of «The History of Tom Jones, a Foundling» by H. Fielding. The author of the article analyzes the moral principles in Fielding's novel. The correlation between the Enlightenment tendencies and the social novel of the XIX century is revealed.

Keywords: English novel, Enlightenment, social novel, satire, morality

Сведения об авторе: Возмилкина Валерия Олеговна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы.

Место учебы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к.277.

e-mail: vozmilkina@mail.ru.

About the Author: Vozmilkina Valeria Olegovna, postgraduate student of the Department of Russian and Foreign literature.

Place of study: Ural State Pedagogical University.

XVIII век в истории английской литературы сыграл важную роль в становлении жанра социального романа. М.М. Бахтин в книге «Эпос и роман» отмечал, что в XVIII веке создается новый тип романа, о котором размышлял Г. Филдинг на страницах своего произведения «История Тома Джонса» [Бахтин 2000: 200]: «...здесь испытание идеалиста и чудака приводит не к голому их разоблачению, а к становлению в них более реально мыслящих людей; жизнь здесь не только пробный камень, но и школа» [Бахтин 1975: 204].

Роман «История Тома Джонса, найденыша» (1949 г.) принадлежит литературе зрелого Просвещения, в целом стремящейся указать обществу на рациональную значимость нравственных категорий. Базирующиеся как на законодательной базе буржуазного общества, так и на религиозной (пуританской) морали нормы нравственности в Англии

© Возмилкина В.О., 2014

XVIII века, казалось бы, должны быть достаточно устойчивыми, но художественная литература вскрывает их условность, зависимость от социальной иерархии. Элемент лицемерия в оценке своих и чужих поступков свойственен членам общества и акцентируется в произведениях крупнейших английских авторов, максимально уделяющих внимание нравственным проблемам в просветительском романе, который открывал путь уже развитию романа социального.

В работе «Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи» Н.А. Соловьева указывает на значимость формирования так называемой «моральной философии» в процессе познания нравственных проблем как обществом, так и литературой.: «Шотландская школа моральной философии... оказала существенное воздействие на всю культуру XVIII в., внедрившись в сентиментальный роман, эпистолярные жанры, памфлетную войну, способствовала формированию новой эстетики и этики, инициировала создание литературы назидательно-воспитательного толка и прочно закрепила за английской литературой эпитет дидактическая [Соловьева 2008: 39]. В своем знаменитом романе о Томе Джонсе Генри Филдинг как представитель эпохи Просвещения обращается прежде всего к нравственной природе человека, заявляет о решающей силе добра в каждом из нас. В этой эстетической установке крупнейшего британского романиста XVIII века можно увидеть переключку с идеями «моральной философии». А. Шефтсбери, в частности, полагал, что «Нравственность заключена во врожденном нравственном и моральном чувстве, она отражает гармонию индивидуального и общественного, что характерно для общественных наций, какой представлялась Англия» [Соловьева 2008: 27].

В «Томе Джонсе» писатель создает комическую эпопею своего времени, а присущее или не присущее герою нравственное чувство может серьезно деформироваться под влиянием социальных установок. Деньги в романе английского романиста выполняют вполне самостоятельную роль; они встают на пути страсти и вырывают победу в этой борьбе. Деньги являются мерилем «качества» личности. Так, Черный Джордж, который был спасен Томом Джонсом от голодной смерти, не спасает его от нищеты, найдя его кошелек. Он «...питал к нему благодарность, насколько мог, и был честен, насколько вообще бывают честны люди, любящие деньги больше всего на свете» [Филдинг 1973: 264]. Отношение к деньгам возвышает благородного и опускает ниц мелкого человека. Оно как индикатор (величия или низости) сущности человека. Задачей автора становится следующий посыл: «мы, имеющие дело с частными лицами, шарящие в самых отдаленных закоулках и

раскапывающие примеры добродетели и порока в разных трущобах и глухих углах» [Филдинг 1973: 336].

По существу, Филдинг называет деньги движущей силой личных и общественных отношений. Их власть простирается на все сферы человеческой жизни, и все свои поступки герои романа так или иначе соотносят с материальной выгодой. Деньги в романе Филдинга зачастую решают судьбы героев на уровне любовных отношений: «Мысль покинуть девушку раздирала его сердце; но сознание, что он будет причиной ее гибели и нищеты, было для него, пожалуй, еще большей пыткой» [Филдинг 1973: 261].

Миссис Вестерн, тетка идеальной героини романа Софьи, рассматривала замужество «как банк, куда благоразумной женщине наиболее выгодно поместить свое состояние в расчете на самые высокие проценты, какие она вообще может получить» [Филдинг 1973: 278]. Быть счастливой женщиной, с точки зрения героев романа Филдинга, значит быть, во-первых, замужем за состоятельным человеком, а во-вторых, иметь достаточное состояние для того, чтобы, не будучи замужем, поступать, как тебе хочется. Примером может стать судьба сестры добродетельного мистера Олверти – мисс Бриджет Олверти, которая родила незаконнорожденного мальчика и скрыла это. Лишь в финале романа интрига, связанная с происхождением героя, получает полное объяснение. При этом самой героине удалось избежать общественного осуждения и при жизни, и после смерти. А незаконнорожденный Том Джонс пережил множество испытаний, но становится в результате всеми любимым, когда выясняется, что он имеет основания претендовать на состояние своего дяди.

Роман Г. Филдинга представляет собой произведение с занимательным сюжетом со множеством перипетий как в жизни главных, так и второстепенных героев. «“Том Джонс” – одна из самых знаменитых книг в английской литературе... Тут в избытке все прославившие Филдинга качества – бьющий через край юмор, вкус и жизнелюбие, душевная щедрость и тонкая наблюдательность» [Роджерс 1984: 96] – так отозвался о своеобразии книги биограф Филдинга Пэт Роджерс. Филдинг уделяет должное внимание каждому из них, развенчивая или, наоборот, подчеркивая его человеческие черты. Саркастический тон автора сопровождает героев на протяжении всего романа. И только внимательное чтение «между строк» заставляет читателей задуматься об истинном замысле автора. А заключается он не только в изображении многообразия жизни английского общества и повторении банальных «истин», которые он далеко не всегда разделяет. «Как истинный писа-

тель эпохи Просвещения... Фильдинг стремится еще и осмыслить свой успех теоретически, закрепить его в рациональной, логически выстроенной системе. Отсюда – своеобразие композиции “Тома Джонса”. Он состоит из собственно повествовательной части и вступительных глав к отдельным книгам... В них же высказывает свои нравственные взгляды, давая своеобразный комментарий к поступкам героев» [Жагарлицкий 1973: 10].

Сатира Фильдинга вскрывает известные противоречия своей эпохи. Он рассматривает богатство и бедность (причем тем грустнее становится бедность, если ею «наделен» любимый герой автора), проблему брошенных детей (на примере центральной линии – истории Тома Джонса), соотношение научного знания и собственно жизни, вопросы реализации религиозной морали непосредственно в житейских ситуациях, проблему шарлатанства врачей, которые «позволили бы все, лишь бы не потерять практики в доме» [Филдинг 1973: 319]. Автор размышляет о нормах морали, которые подвергнуты двойным стандартам: «В XVIII веке, хотя Фильдинг протестовал против этого в «Томе Джонсе», существовал двойной стандарт нравственности; это был один закон для мужчин и другой для женщин, и каждый случай казался трансляцией в область морали требований биологической природы» [Allen 1954: 158]. Лишь немногие из героев решают для себя однозначно: человеческим надо оставаться всегда, вне зависимости от жизненных неудач.

Герои Фильдинга исключительно «земные» люди, которые не прочь «съесть порядочную порцию бульона из цыпленка, или, вернее, из петуха, с фунтом копченой грудинки в придачу...» [Филдинг 1973: 321]. Их злоключения (а мы имеем в виду любимого героя автора – Тома Джонса) сопряжены с поиском своего места в жизни и ориентиров в своем внутреннем мире. А потому часто во внутренних монологах Тома обозначено столкновение нескольких позиций: «Разве мечь не запрещена Богом? Конечно, запрещена, но ее требует общество» [Филдинг 1973: 324]. Герой зачастую идет на поводу у общественных стереотипов. И это естественно, ведь он – плоть от плоти сын своего века. Не случайно в этом смысле выражение Фильдинга, символизирующее человека, который стоит на распутье между должным и божественным: «В правой руке он держал шпагу, в левой – свечу» [Филдинг 1973: 324].

На раннем этапе развития социального романа в Англии заметна морализаторская тенденция, требующая, чтобы в финале произведения зло понесло наказание. В романе Фильдинга герой Том находит дом и

семью, женится на Софье. Кроме того, в просветительском романе заметно стремление автора видеть в реальности как дурное, так и положительное, которое будет конкретизироваться, меняться уже в работах авторов следующего, XIX в., когда социальный роман продолжит свое развитие уже как роман реалистический: «в самой природе реалистического искусства... коренится тенденция к взвешенному, объективному изображению жизни» [Сидорченко 2004: 5].

Наметившиеся в XVIII веке тенденции развития английского реалистического романа продолжили свое развитие в XIX в. и нашли свое воплощение в социальных романах Ч. Диккенса, Э. Гаскелл, Ш.Бронте и др. Английский социальный роман, по мнению Б. Проскурнина, «вырос из нравоописательного и биографического романов, в Англии всегда тяготевших в своих лучших образцах к определенной социальности» [Проскурнин 2000: 26–27].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
- Бахтин М.М. Эпос и роман. – М.: Азбука, 2000. – 304 с.
- История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: учеб.пособие для студ. филол. фак. / под ред. Л.В. Сидорченко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 544 с.
- Кагарлицкий Ю.И. Великий роман и его создатель / Фильдинг Г. История Тома Джонса, найденыша. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 5–34.
- Проскурнин Б.М. Английский политический роман XIX века: очерки генезиса и эволюции. – Пермь: Изд-во Перм.ун-та, 2000. – 286 с.
- Роджерс П. Генри Филдинг. Биография / пер. с англ. В. Харитоновна. – М.: Радуга, 1984. – С. 96.
- Соловьева Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. – М.: Формула права, 2008. – 272 с.
- Фильдинг Г. История Тома Джонса, найденыша: пер. с англ. – М.: Художественная литература, 1973. – 880 с.
- Allen W. The English novel. A short critical history. – New York: E.P. Dutton & Co., 1954. – 456 p.

УДК 821.112.2(436).1 (Шницлер А.)

Дубах Т.М.

Екатеринбург, Россия

**ЯЗЫКОВОЙ СКЕПСИС В
НОВЕЛЛИСТИКЕ А.
ШНИЦЛЕРА**

Аннотация. В статье рассматривается новелла «Я» одного из выдающихся представителей литературы венского модерна А. Шницлера в контексте кризиса языка, властно заявившего о себе на рубеже веков.

Ключевые слова: кризис языка, языковой скепсис.

Сведения об авторе: Дубах Татьяна Михайловна, аспирант кафедры немецкой филологии.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 464.

e-mail: romt2@list.ru

Dubakh T.M.

Ekaterinburg, Russia

**REFLECTIONS OF THE
„LANGUAGE CRISIS” IN A.
SCHNITZLER'S NOVELS**

Abstract. The present article is focused on the Novel «I» which was written by A. Schnitzler, one of the greatest literary figures of the “Wiener Moderne”. It encloses also aspects of the so called “Sprachkrise”, i.e. the skepticism against the language as a communication medium, which developed at the end of the 19th century within the philosophic and literate community.

Keywords: language crisis, the skepticism against the language.

About the Author: Dubakh Tatiana Michailovna, postgraduate Student of the Chair of German Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Литература венского модерна, как и сама порубежная эпоха, пронизана парадигмой дезинтеграции, следствием манифестации которой явилось особое отношение к языку. Оно было неразрывно связано с осознанием индивида своего одиночества и потерянности в современном мире. Научным фундаментом такого декадентского умонстроения послужили труды австрийских философов, которые, совместно с произведениями литераторов, художников и музыкантов, составили единый апокалипсически окрашенный дискурс австрийской культуры рубежа столетий.

В работе «К критике языка» австрийский философ Ф. Маутнер назвал один из параграфов «Одиночество» и провозгласил следующее: «Одно вечно пережевываемое учение упорно прославляет язык, который якобы соединяет людей. А ведь еще не перестали звучать жалобы на то, что все муки одиночества проистекают только из человеческого языка» [цит. по: Ле Ридер 2009: 67-68]. Рассуждения Ф. Маутнера кор-

© Дубах Т.М., 2014

релируют с точкой зрения создателя «Философского трактата» и теории языковых игр Л. Витгенштейна, утверждавшего, что «всё, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чём невозможно говорить, о том следует молчать» [цит. по: Пестова 2009: 167].

Доверие к языку как средству коммуникации потеряло свою релевантность, обратившись фундаментальным скепсисом. На подобных посылах строилась драматургия М. Метерлинка, произведения Х. фон Гофманстала (одно из ярчайших произведений, предвосхищающее выводы Л. Витгенштейна, – комедия «Трудный характер») [Цветков 2003: 69] и других литераторов, называвших себя не без горькой усмешки «разыменователями мира» (Пестова).

Напечатанная из посмертного наследия новелла «Я»¹ „Ich“ (1921;?) принадлежит перу одного из выдающихся представителей группы литераторов «Молодая Вена»², явившейся, согласно И.А. Жеребину, «ключевым событием эпохи „классического модернизма“ [Жеребин 2009: 5]». Артур Шницлер известен широкой публике в первую очередь как успешно-скандальный драматург. Вместе с тем, творческое наследие великого австрийца насчитывает более пятидесяти новелл, что сигнализирует о жанровых предпочтениях автора, сделавшего современных ему жителей Вены своими героями, а столицу Австро-Венгрии со всеми культурно-историческими реалиями – фоном, где разворачиваются человеческие драмы разного толка.

В новелле «Я» А. Шницлер связывает проблему языкового скепсиса с началом психической болезни протагониста. Уже первое предложение вводит нас в проблематику новеллы: неожиданные и постепенно протекающие изменения героя. Чтобы очертить значимость и степень этих изменений до переломного эпизода в парке, Шницлер показывает нам целый список тривиально будничных занятий персонажа. Этот список взывает к переменам, потому как распорядок жизни протагониста отличается крайней заурядностью. Даже вечера, предназначенные для отдыха, организованы по одному принципу: посещение

¹ Необходимо отметить, что в некоторых деталях эта новелла вскрывает схожесть с ранним рассказом Деблина «Смерть одуванчика», где автор изображает стремительно меняющиеся ощущения обывателя и их последствия. Отличительным признаком новеллы «Я», исключая принадлежность этого произведения авторству другого писателя, является тонкая регистрация психологической составляющей и ее комбинация с проблемой кризиса языка.

² В «Молодую Вену» входили Х. фон Гофмансталь, Р. Беер-Хофманн, Л. фон Андриан, Ф. Зальтен и А. Шницлер. Роль идейного наставника данного творческого объединения взял на себя теоретик венского модерна Г. Бар. В качестве «штаба нового правления» (Жеребин) было выбрано кафе «Гринштайдль».

театра один раз в две недели (но не самые дорогие места), после чего следует ужин. «An jedem zweiten Samstag erfolgte ein Theaterbesuch, dritte Galerie, dritte oder vierte Reihe, Operette zog er vor, aber zuweilen sah man sich auch ein ernstes Stück an, ein klassisches oder eine Gesellschaftskomödie, und den Beschluß solcher Abende machte ein bescheidenes Restaurant [Schnitzler 1977: 443]».

Над жизнью героя и его семьи властвует привычка. Каждый день проходит по известной схеме. Даже проявление чувств подчинено определенному ритуалу, что приводит к полной утрате эмоциональной составляющей: «Früh um sieben Uhr stand er auf, möglichst geräuschlos, um seine Frau nicht zu stören, die gern etwas länger schlief, trank eine Tasse Kaffee, küßte den achtjährigen Buben auf die Stirn, der in die Schule mußte, und bemerkte scherzhaft seufzend zu der sechsjährigen Marie: „Ja, nächstes Jahr kommst du auch dran.“ Während er noch mit den Kleinen scherzte, pflegte seine Frau einzutreten, und es gab eine harmlose Unterhaltung, manchmal sogar recht vergnügt und immer ruhig, denn es war eine gute Ehe, ohne Mißverständnisse und ohne Unzufriedenheiten, sie hatten sich gegenseitig nichts vorzuwerfen [Schnitzler 1977: 442]».

Это короткое описание разоблачает на первый взгляд безупречно организованный брак. При более детальном рассмотрении он оказывается простым сосуществованием ничего не чувствующих друг к другу людей. Организуя совместный быт и досуг согласно царящим в обществе представлениям о хорошем браке и семье, герои безоговорочно следуют навязанной модели, что в конечном итоге приводит к возникновению некой пародии на семью.

Главный герой Хубер, чья фамилия в очередной раз олицетворяет злободневность [Ritz 2006: 62], убежден, что жизнь при любых обстоятельствах останется понятной, если исключить из нее все неожиданное. Первый посыл намечающегося переворота кроется, как это ни парадоксально, в семейной жизни. После очередного посещения театра госпожа Хубер отмечает великолепное расположение духа своего супруга, что наводит ее на мысль о том, а не «путает ли он ее с госпожой Константин, которая играла сегодня главную роль и так ему понравилась [Schnitzler 1977: 443]».

Особое значение для раскрытия сюжетной линии этого небольшого по объему произведения имеет безобидная табличка с надписью «парк», закрепленная на дереве в парке. Она как насильственное вторжение извне выбивает из равновесия мир героя, построенный лишь на привычном и знакомом. Существование этого предмета оказывает на персонажа неизгладимое впечатление, потому как, во-первых, он «уже

сто раз» был в парке и никогда не видел этой таблички, а, во-вторых, она, судя по ее виду, должна была очень долгое время висеть здесь.

Так как в жизни протагониста все подчинено четкому объяснению, ему даже не может придти в голову мысль о том, что эта табличка могла оказаться в парке без особой причины. Хуберу необходимо любое объяснение, чтобы разместить этот не поддающийся упорядочиванию феномен среди известных ему фактов. Для этого он ищет ряд совершенно абсурдных с точки зрения здравого смысла объяснений: «Vielleicht gab es Leute, die nicht so sicher waren, dass das ein Park war. [...] Denen mußte man es freilich in Erinnerung bringen, dass dies ein Park war. [...] Vielleicht gab es Leute, die es für ein Paradies gehalten hätten, wenn die Tafel dort nicht gehangen wäre. [...] Und da hätte vielleicht einer sich danach benommen - seine Kleider abgeworfen und öffentliches Ärgeris erregt. [...] Es war höchst vernünftig gewesen, die Tafel dorthin zu hängen [Schnitzler 1977: 444]».

Лишенный фантазии главный герой начинает обращаться к совершенно диким умозаключениям, чтобы найти смысл в этом пустяке. Он самостоятельно запускает в действие механизм переспроса понятий, которые казались ему до этого момента логичными. Данный процесс должен был укрепить его знания о мире, на самом же деле это все больше уводит протагониста от здравого смысла.

По иронии Хубер не задумывается над сложными или абстрактными понятиями. Он остается пойманным в мире повседневности, начиная размышлять над смыслом или бессмысленностью самых простых предметов быта и оправданностью выбора номинаций для них. Хубер приходит к выводу, что мир со всеми его предметами, является относительным феноменом. Главный герой констатирует: «заводь или пруд или маленькое озеро или море, да это зависит от того, каким его видят¹ [Schnitzler 1977: 444]».

Это подозрение окончательно разрушает тонкую грань между невротическим состоянием протагониста и началом серьезного психического расстройтва. Желая восстановить прежний порядок, персонаж как под гипнозом повторяет названия вещей, пытаясь убедить самого

¹ Здесь явно прослеживается связь с теорией эмпириокритицизма, разработанной австрийским физиком и философом Э. Махом. В работе «К анализу ощущений» он подчеркивал, что материальная субстанция так же иллюзорна, как и духовная, ибо мир обладает единством, представляя собой «комплекс ощущений», где идеи, вещи, и в том числе, образ автономного субъекта – лишь временные пучки свойств, которые возникают и вновь распадаются вопреки попыткам нашего сознания увековечить их при помощи языка [Mach 1984: 137-146].

себя в упорядоченности внешнего мира. «Это было кастрюлей для супа, это были суповые тарелки, ложки, вилка, ножи. [...] [Schnitzler 1977: 445]».

Сигналом о прогрессировании психического расстройства свидетельствует то, что Хубер начинает прикреплять к предметам, находящимся в квартире, листки с названиями. Его действия мотивированы уверенностью в том, что помимо него никто в семье не знает, чем эти предметы в действительности являются и для чего их можно использовать. С другой стороны, он сам не до конца уверен в том, что кроется под данными обозначениями, и хочет подстраховаться в этом.

Персонаж обращается к газетной статье, ибо «здесь (в газете) стояли имена [...], в отношении которых не могло возникнуть никакого сомнения [Schnitzler 1977: 446]». Однако после непродолжительного успокоения Хубер вновь начинает испытывать страх, потому как отношение между означающим и означаемым не представляется ему очевидными: «[...] [e]s war ganz sonderbar zu denken, daß eine Beziehung existierte zwischen irgendeinem Wort, das da gedruckt war, z.B.: Theater in der Josefstadt, und dem Haus, das ganz woanders in einer anderen Straße stand [Schnitzler 1977 : 446]». Хубер продолжает пребывать в замешательстве, потому как оказывается не в состоянии постичь оппозицию между фиктивной и реальной персоной. Отношения между ролью актера в театре и его личностью выводят сознание героя из равновесия. Для него эти две формы существования в рамках одного индивида отделяются друг от друга, распадаясь на части.

Финальный эпизод, закольцовывающий развитие действия в новелле, полностью исключает возможность положительного исхода: «Indessen hat die Frau den Arzt verständigt. Wie der hereintritt, tritt ihm der Kranke entgegen mit einem Zettel auf der Brust, auf dem mit großen Buchstaben steht: „Ich“ [Schnitzler 1977: 448]». Австрийский автор как будто хочет дать читателю понять, что не существует такого «волшебного средства», которое могло бы вылечить эпоху от данного недуга, равно как и надежды, что оно когда-нибудь будет создано.

Новелла «Я» является, по нашему мнению, квинтэссенцией художественно-философской рефлексии кризиса языка. Она затрагивает проблему человеческой коммуникации в совокупности с вопросами поведенческо-психологической природы. В центре внимания находится болезненная зависимость индивида от выдуманного мира, чья искусственно созданная незыблемость гарантирует четкие обозначения для своих элементов. Как только эта прочность оказывается под со-

мнением, целостность реального «Я» тотчас подлежит стремительному распаду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Жеребин А.И. Манифест австрийского модернизма // Germanistische Studien : сборник научных трудов кафедры немецкой филологии Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 3. – С. 5-15.

Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / пер. с франц. Т. Баскаковой. – СПб.: Галина Скрипит, 2009. – 714 с.

Пестова Н.В. Случайный гость из Готики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм: монография. – Екатеринбург: Урал. Гос. Пед. Ун-т, 2009. – 297 с.

Цветков Ю.Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал: монография. – М.: Издательство МИК, 2003. – 432 с.

Mach E. Antimetaphysische Bemerkungen // Die Wiener Moderne: Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910. – Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1984. – S. 137-146.

Ritz S. Der Österreich-Begriff in Schnitzlers Schaffen. Analyse seiner Erzählungen. – Wien: Praesens Verlag, 2006. – 276 S.

Schnitzler A. Ich // Entworfenes und Verworfenes. Aus dem Nachlaß. – Frankfurt am Main: Fischer Tagebuch Verlag, 1977. – S. 442-449.

Матвеева Е.П.

Тюмень, Россия

**КОНЦЕПТЫ ЦВЕТА И ЗВУКА
КАК СРЕДСТВО ДВИЖЕНИЯ
ЭМОТИВНОЙ КАТЕГОРИИ В
«СКОРБНЫХ ЭЛЕГИЯХ»
ОВИДИЯ**

Аннотация. Исследование цвета и звука у Овидия в «Скорбных элегиях»

Ключевые слова: античность, цвет и звук в поэтическом тексте, Овидий, концепт, эмотивность.

Сведения об авторе: Матвеева Евгения Павловна, студентка Тюменского Государственного Университета.

Контактная информация: 620001, г. Тюмень, ул. Уральская, 74, к. 81.
e-mail: kuznetsov@mail.ru.

Matveeva E.P

Tyumen, Russia

**CONCEPTS OF COLOR AND
SOUND AS A MEANS OF
MOVEMENT EMOTIONAL
CATEGORIES IN THE
"MOURNFUL ELEGIES" OVID**

Abstract. The study of color and sound in Ovid in "mournful elegy"

Keywords: antiquity, color and sound in the poetic text, Ovid, concept, emotive.

About the Author: Matveeva Eugenia Pavlovna, a student of Tyumen State University

В истории «золотого века» римской поэзии известен поэтический триумvirат: Вергилий, Гораций, Овидий. Величайшие поэты имели разные судьбы. У Овидия она была трагической. Остаток жизни (12 лет) он провел в маленьком греческом городе – Томы. В изгнании он написал «Печальные элегии» и «письма с Понта». Материалами для его поэтических экспериментов стала его собственная жизнь.[Гаспаров М.Л. 2000,191-211].

Поэзия Овидия оказала огромное влияние на современников и на многие поколения поэтов. В разные эпохи он являлся любимым поэтом.

В городе Констанция, недалеко от того места, где, как полагают, жил и умер Овидий, ему воздвигли памятник. [Черкасский Л.Е . 1967,С407-415].

Скорбные элегии или «Tristia» были написаны в третий период творчества автора, в период с 8 по 12 годы нашей эры. Это были первые годы ссылки.

Скорбные элегии состоят из пяти книг. В каждой книге по 10-15 элегий, в них Овидий близок к стилистике Александрийской поэзии.

Обратимся к адресатам элегий. Все элегии можно поделить на три группы: негодования, обращения к друзьям (включая жену, как самого верного друга, дочь), надежда на возвращение, обращение к Августу.

Изложение полагаем начать с объяснения популярности в современной лингвистике термина концепт.

По мнению Ю.С. Степанова, у **концепта** сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия, с другой стороны, в структуру **концепта** входит все то, что и делает **его** фактом культуры. [Аскольдов С. А., 1997, 67-78].

Теперь обратимся к использованию термина концепта в данной статье. Нас будет интересовать концепт как это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека, закрепленное в общественном опыте народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и – через ступень такого осмысления – соотносимое с другими понятиями, ближайше с ним связанными или ему противопоставляемыми. Таким образом мы будем ориентироваться на подход разработанный Д.С. Лихачевым – лингвокультурологический подход. Теперь обратимся ко второй части рассуждений о заданной теме – эмотивной категории. [Степанов Ю.С., 1997, 23-56].

Этот компонент представляет собой результат отражения эмоций в слове в процессе их вербализации и семантизации. Являясь социально обобщенным, он служит для индивидуального выражения эмоциональной оценочности объектов мира, его реализация происходит в эмоциональных ситуациях общения через эмоциональный тип речевых актов. Все это позволяет говорить об особом – эмоциональном – типе коммуникации. Рассмотрение начнем с первопричины – внеязыковой категории эмоций, которые получили различное отражение в лексико-семантической системе языка. [Аскольдов С.А., 1997, 67-78].

На основе проведенного анализа текста мы выявили наиболее повторяющиеся слова: земля, море, волна, ветер, тьма, песня, огонь, язык, конь, небо, сердце, слеза, речь, уста, ночь, воды, костер, кровь, черный, цветок, бурый, тень, тихий, вино.

В денотативной зоне наиболее частотны употребления слов с семантикой воды. Действительно море в элегиях предстает как образ полный красок: оно и бушует, и корит, и грозит и уничтожает. А самое главное оно вольное, а Овидий словно загнан в угол. Часто используются и образы волн, неба.

Когда все рабочие моменты получили освещение, переходим к главному – анализу цвета и звука.

Категория цвета представлена разнообразно. Все цветообозначения можно поделить на несколько тематических групп, в зависимости

от доминанта. Первое деление – деление по признаку выражения цвета. Цвет у Овидия выражен имплицитно (например, небеса ночи) и прямо (например, красный).

Концепты цвета: небо, море, человек, природа, свет/тьма.

Перейдем ко второй группе прямых обозначений. Прямо автор указывает на следующие цвета: красный, багровый, черный, белый.

Из всего выше перечисленного заключаем: группа прямых цветообозначений количественно меньше (вбирает всего 4 цветообозначения, в имплицитная группа представлена 46 номинациями).

Цветообозначения поделены на несколько групп (денотатив – цвет, включая все его оттенки): фиолетовый, красный, коричневый, голубой, зеленый. Перейдем к подробному рассмотрению каждой группы.

1) Самая малочисленная группа представлена фиолетовым и его оттенками. Примеры: *Мне на могилу цветов, мокрых от слез, принеси / deque tuis lacrimis umida serta dato; Рвать фиалки в местах, где их не сеял никто / rustica quae nullo nata serente venit;*

Тысячью разных цветов луговины уже занеспрели / prataque rubescunt variorum flore colorum.

2) Группа представлена цветообозначение человеческого тела (оттенки от красного бархата до телесного цвета).

Примеры: *Губы касались, дорожа /ore tremente focus; Было одно у меня имя твое на устах/ut foret amenti nomen in ore tuum; Волос не рви, перестань себе щек/ parce tamen lacerare genas; И пересохший язык мне не дают диктовать/dictandi vires siccaque lingua negat;Тело на части разъяв, куски разъятые плоти/atque ita divellit divulsaque membra per agros.*

3) Достаточно многочисленная группа. В ее состав входят цветообозначения от коричневого до персикового. Основные оттенки представлены пейзажем побережья моря, горный пейзаж.

Примеры: *Столько послали мне бед, сколько есть на побережье песчинок / teque tot adversis cumulant, quot litus harenas;terraque martoreo est candida facta gelu* Землю едва убелит мрамором зимним мороз; *Снова из почвы сырой нежные тянут ростки exit et expandit molle casitum huto;бездушные скалы dura canendo.*

4) Как было отмечено выше, много моря у Овидия. Еще бы – он пишет, что море повсюду. Он ни сколько не шутит, и нет здесь иронии: морем наполнены все его «скорби», но особенно первая книга, повторюсь, книга была написана по дороге на ссылку и этим обусловлено такое количество моря в элегиях. Далее море не пропадает, оно просто

уменьшается в количестве. Важно отметить и разницу моря Овидия – море в Томах и море родины. Море в томах жестокое, грубое, способное заковать все льдом, кажется, что сила моря способна заковать льдом и самого человека. Родные берега ласковые, пенистые, вольные, как сам Публий. В описании моря конечно мы видим синий, голубой.

Примеры: *Аргоса флот, избежав погибельных вод Кафарей/quicunque Argolica de classe Capherea fugit*; *Гоним всегда напуска прочь от эвбейских пучин/semper ab Euboicis vela retorsit aquis(воды)*; *Так же и мой челнок, потрепанный бурей жестокой/et mea cumba semel vasta percussa procella*; *Море громадами волн, небо ненастьем грозит/fluctibus hic tumidus, nubibus ille minax*; *Мгновенно кругом рассверкались молнии в тучах/quam celeri micuerunt nubile(тучи) flamma*; *Что это? Или редеть начинают набухшие тучи?/an incipiunt gravidae vanescere nubes.*

5) Группа включающая довольно много цветowych примеров. Цветовая гамма от зеленого бархата до салатогого.

Примеры: *Мне на могилу цветов, мокрых от слез, принеси / deque tuis lacrimis umida serta dato*; *Тысячью разных цветов луговины уже зацепстрели / prataque pubescunt variorum flore colorum*; *Там, где расцвет виноград, на лозе наливаются почки / quoque loco est vitis, de palmite getta movetur*; *Злаки, что были досель бороздами скрыты Цереры / herbaque, quae latuit Cerealibus obruta sulcis*; *Снова из почвы сырой нежные тянут ростки/exit et expandit molle cacumen humo*; *Там, где роши шумят, на деревьях листва зеленеет /quoque loco est arbor, turgescit in arbore ramus*; *Мне погребальный алтарь, кипарисом печальным увитый / funeris ara mihi, ferali cincta cupressu.*

Переходим к аудиальной концептосфере звука. Звуковые характеристики, которые передает Овидий, можно поделить на три группы: звуки издаваемые человеком, звуки природы и небольшая группа-умолчание и четыре единицы с нулевым звуком. В ходе анализа звукового аспекта «Тристий» мы выяснили что, звуки издаваемые человеком, количественно уступают звукам природы. Сам же Овидий в отношении себя часто использует реплики типа: «я молчу». Исходя из чего можно сделать вывод, что оказавшись в Томах автор как бы онемел, утратил способность воспринимать и воспроизводить звуки. Вокруг него оказались люди с варварской речью, которая автору не только чужда, но и пугает, как говорит сам Овидий «портит его слог». Примечательно, что звуки природы у Овидия часто агрессивны. Это обусловлено это тем, что автор описывает враждебную природу чужбины.

Звуки природы (С этой твердыни в меня грянул удар
громовой/*venit in hoc illa fulmen ab arce caput*; Крыльев шум услышав из-
далека, голубь трепещет/*terretur minimo pennae stridore Columba*; Лишь
громыхнет в облаках *te reor infesto, cum tonat*; Богу! Мгновенно кру-
гом рассверкались молнии в тучах/ *ei mihi, quam celeri micuerunt nubila
flamma!*;

Что за ужасный удар над головой прогремел! / *quantus ab
aethero personat axe fragor!*; Ветры бока кораблю потрясают с таким
грохотаньем, / *nec levius tabulae laterum feriuntur ab undis*; Слово, ядро
за ядром, город баллиста разит / *quam grave balistae moenia pulsant
opus.*), звуки издаваемые человеком (Их любопытству в ответ лишне-
го им не скажи / *quae non opus est, forte loquere, cave*; Скажет молва /
ingeniique minor; Но - несчастливцев - слова понапрасну я праздные
трачу / *verba miser frustra non proficientia perdo*; Плакала горше, чем я,
жена, меня обнимая / *uxor amans flentem flens acrius ipsa tenebat*; Лив-
нем слезы лились по неповинным щекам/*mbre per indignas usque cadente
genas*; Горьких рыданий ее всхлипы мешали словам / *quosumque as-
piceres, luctus gemitusque sonabant*; Всюду, куда ни взгляни, раздавались
рыданья и стоны / *singultu medios impediante sonos.*), тишина (И поже-
лает без слов, таясь / *carmina nec siccis perlegat ista genis*; И за стеной
городской тихо землю засып/*inque suburbano condita pone solo*; Ем-
кий сосуд не шумит / *nec simulant altos fervida musta lacus*).

Таким образом, эмоциональная палитра «Тристий» представлена на «языковом экране» звуком и цветом. Рисуя картину мира изгнанника, он как представитель классической культуры видит только бурю, разруху и ужас в его глазах. А художник слова, он использует слова со свето-цветовой семантикой темных оттенков. Начало путешествия Овидия недаром окрашено глубоким синим: начало это в море, на корабле. Перед нами глубокий синий, он почти черный, звуки раскатов, бурь буквально, оглушают читателя сквозь века и текст. Ощущение такое, что звуки раската грома не только на море и в небе, но и в душе поэта.

Путешествуя вместе с Овидием по Томам, читатель так же, как и автор испытывает душевные муки одиночества. В руках у него оказывается так же как и у поэта пепел, а в ушах тот же шум погребальных костров, в сердце – тающая надежда на спасение.

В «скорбях» больше истинного чувства, искреннего простодушия, индивидуальности и меньше холодного остроумия, чем в произведениях других периодов. Сколько ярости в описании чужого климата и чужой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о

Риме! Какие трогательные жалобы!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: антология / под ред. В. П. Нерознака. – М., 1997.

Гаспаров М. Л. Элегии и малые поэмы. – М.: Художественная литература, 1973. – 271 с.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М., 1997.

Черкасский Л. Е. Римский изгнанник и скиталец из царства Вэй: Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. -17г. н. э) и Цао Чжи (192-232г. г) // Историко-филологические исследования: сб. научных ст. к 70-летию академика Н. И Конрада. – М., 1967. – С. 407-415.

УДК 821.111.1 (Стоппард Т.)

Степанова О.В.

Екатеринбург, Россия

**ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЕВ
ПЬЕС Т. СТОППАРДА 90-Х
ГОДОВ**

Аннотация. Статья посвящена изучению персонажей пьес британского драматурга Тома Стоппарда «Аркадия», «Индийская тушь», «Открытие любви». В каждой из этих пьес герои появляются в двух хронотопах, созданных автором. В статье уделяется внимание речи, внешности персонажей, их окружению и роли в развитии сюжета.

Ключевые слова: персонаж, драма, хронотоп, Стоппард.

Сведения об авторе: Степанова Ольга Владимировна, ассистент кафедры германской филологии Института Гуманитарных Наук и Искусств (ИГНИ).

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51.
e-mail: ovsva@mail.ru.

Stepanova O.V.

Ekaterinburg, Russia

**CHARACTERS OF TOM
STOPPARD'S PLAYS OF THE
1990-S**

Abstract. The article studies characters of Tom Stoppard's plays "Arcadia", "Indian Ink", "The Invention of Love". In each of these plays characters appear in two spacio-temporal complexes created by the British playwright. Much attention in the article is given to speech and appearance of the characters as well as their environment and their role in the development of the action.

Keywords: character, drama, spacio-temporal organization, Tom Stoppard.

About the Author: Stepanova Olga Vladimirovna, lecturer of the Chair of German Philology, Institute of the Humanities and Arts.

Place of employment: Ural Federal University n.a. the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Т. Стоппард – один из наиболее известных драматургов современности. Его произведения читаются и изучаются. Он известен своим оригинальным, своеобразным, стоппардовским стилем, которому присущи игра, интеллектуальность, комизм. За создаваемыми им внешне комичными ситуациями скрываются глубокие идеи. В пьесах 90-х годов («Аркадия», 1993, «Индийская тушь», 1995, «Открытие любви», 1997) Стоппард создает своего рода коллаж, мозаику, перебирая различные философские концепции, физические и математические теории, критические исследования, постоянно меняя пространственно-временной план.

Эти пьесы объединяет принцип их построения. На сцене появляются герои двух эпох. Персонажи более позднего времени пытаются восстановить картину прошлого, подробнее узнать о происшедшем ко-

гда-то события, описать эпизод из жизни. Из отдельных фактов, предположений, гипотез, набросков, подобно мозаике, воссоздается событие. Автор изображает на сцене два хронотопа: в «Аркадии» герои разных эпох поочередно появляются в одной и той же комнате дома семьи Каверли. В «Индийской туши» ученый хочет выяснить, что произошло с известной поэтессой Флорой Кру в Индии перед ее смертью, кто был с ней рядом. Действие поочередно перемещается из Индии 30-ых годов в Англию/Индию 80-ых. Такой принцип движения от одной эпохи к другой Стоппард называет в «Аркадии» принципом челнока (shuttle). В «Открытии любви» этот прием несколько трансформируется: перед зрителями предстает то умирающий АЭХ, который представляет, что после смерти он попал в Аид, то юный Хаусмен. Постепенно появляется картина: период его учебы в Оксфорде, становление его убеждений.

Стоппард играет главными героями, не только постоянно перемещая их из одного пространства и времени в другое, но и перемежая образы когда-то реально существовавших поэтов и ученых с вымышленными персонажами. Основной конфликт разворачивается вокруг известных читателю и зрителю личностей, но загадку, связанную с ними, пытаются разгадать герои полностью вымышленные. Таким образом, с одной стороны, конфликт приковывает внимание зрителя и читателя, с другой стороны, зритель не ждет полной достоверности, он готов к игре.

Обратимся к произведениям. Место действия в «Аркадии» - комната, увидев которую, зритель не может определить, в каком периоде будет происходить действие. Стоппард подчеркивает, что каждый период, по сравнению с другим, не должен ни приобретать, ни лишаться никаких предметов: “The general appearance of the room should offend neither period” [Stoppard 1993: 15]. Поэтому роль персонажей как носителей признаков той или иной эпохи возрастает. В «Аркадии» герои являются действительно яркими представителями своей эпохи. Так, зачастую еще до того, как персонаж начинает говорить, лишь с его появлением, становится ясно, в каком пространстве-времени будет происходить действие. Например, в начале второй сцены Стоппард указывает: “The lights come up on the same room, on the same sort of morning, in the present day, as it is instantly clear from the appearance of Hannah Jarvis; and from nothing else” [Stoppard 1993: 15]. Т.е. только при появлении Ханны становится понятным, когда будет происходить действие. По обстановке нельзя определить время действия.

Героев двух изображенных эпох отличает характер их движений. Персонажи начала XIX века действуют более спокойно, размеренно; но

к концу пьесы темп заметно возрастает. Движения же героев XX века, напротив, быстры, они постепенно убыстряются к концу пьесы. В конце седьмой главы движения упорядочиваются, и герои обеих эпох кружат в вальсе. Героев – дублей трудно охарактеризовать по темпу их движений; они либо не появляются, либо их движения невыразительны.

Интересной особенностью «Аркадии» является то, что обстановка XX века дублирует обстановку XIX века. В обеих эпохах действующими лицами являются представители семьи Каверли. Двое из этой семьи: Леди Крум и Гас/Огастес – появляются на сцене или упоминаются и в XIX, и в XX веке. Стоппард наделяет этих персонажей какой-то яркой особенностью, что дублируется в разных эпохах. Но в XX веке перед нами не точная копия их предшественников, а лишь подобие. Например, леди Крум XIX века ведет наблюдение за садом, записывая все детали в “садовых тетрадах”. О леди Крум XX века (которая не появляется на сцене) мы узнаем, что она тоже увлекается историей сада. Интересен образ Гаса–Огастеса Каверли. Если во времени-пространстве XIX века этот мальчик застенчив, то в XX веке он молчалив. Гас – умственно отсталый ребенок. Гас и Огастес настолько похожи, что в седьмой сцене их легко спутать. (Напомним, что на Гасе – одежда эпохи Регентства). “Gus appears in the doorway. It takes a moment to realize that he is not Lord Augustus; perhaps not until Hannah sees him.” [Stoppard 1993: 96]. В семье Каверли (и в XIX, и в XX веке) двое детей. Сестру Огастеса зовут Томасина, сестру Гаса – Хлоя. Томасина – талантливая девочка, которая изучает античность, делает математические открытия. Хлоя талантами не наделена. Если Гас и Огастес имеют очень похожую внешность, одинаковые возраст и имя, то их сестры абсолютно отличаются друг от друга. Если говорить о двух семьях в целом, то можно заметить, что в XX веке семья Каверли теряет яркость, таланты, которые были присущи этой семье в XIX веке. Один из исследователей творчества Стоппарда, В. Михайлин, высказывает идею вырождения семьи Каверли с течением времени. Нам кажется, семья Каверли XX века – своего рода пародия на семью Каверли XIX века.

Центральным персонажем пьесы можно считать Байрона. Он соединяет две эпохи. Вокруг этого образа разворачивается конфликт в XIX веке, который становится центральным в XX веке. Образ Байрона определяет появление Бернарда и, следовательно, основные дискуссии и события XX века.

Если в «Аркадии» герои двух эпох незнакомы друг с другом, не

видят и не слышат друг друга (даже в заключительной сцене, танцую на одной площадке), то в «Индийской туши» 2 главные героини – сестры (они не только знают, но и любят друг друга). Ниточка, связывающая двух сестер, а также 2 времени-пространства (Индию 30-х годов и Англию/Индию 80-х) – это письма Флоры Кру Элеоноре.

В «Индийской туши», в отличие от «Аркадии», место действия меняется. На сцене поочередно появляются Индия 1930 года и Индия/Англия 80-х годов XX века. Основными действующими лицами в 1930 году можно назвать Флору Кру, Нирада Даса, Раджу, в 80-х – миссис Сван, Пайка, Аниша Даса. Герои 80-х с помощью писем, картинок, справочных материалов пытаются выяснить некоторые факты биографии Флоры Кру (что с ней произошло перед смертью). Письма Флоры, с одной стороны, не дают полной картины происходящего. С другой стороны, описание предметов и событий, содержащееся в письмах, более полное и детальное по сравнению с тем, что зритель видит на сцене; Флора выражает в них и собственное отношение к происходящему. Такая повествовательная форма не характерна для драматического произведения. Образ Флоры Кру несет в себе двойную функцию: драматическую и повествовательную.

Письма Флоры адресованы сестре, Нелл. Эта молодая женщина появляется лишь в конце произведения, у могилы Флоры. Нелл нельзя назвать схематичным персонажем. Прежде всего, потому, что Флора постоянно общается с ней через письма. К тому же, зрители узнают о некоторых фактах из ее жизни от Флоры и от нее самой. Кроме того, весьма отчетливо показано эмоциональное состояние Нелл. Нелл меняется и в 80-е годы предстает перед зрителями в образе Элеоноры Сван. Эта героиня появляется на сцене довольно часто, принимая активное участие в выяснении того, что произошло ранее.

Есть в пьесе еще один «общий» персонаж, встречающийся и в 1930 году, и в 80-е. Он заявлен как Раджа/политик. Один и тот же актер играет того и другого – это требование автора. В пьесе есть такой эпизод: после общения с Флорой (где он – Раджа) он немного опаздывает на встречу. Выясняется, что эта встреча должна состояться в другом хронотопе, в 80-е, где он выступает уже в роли политика. Тем не менее, он извиняется перед Пайком за опоздание. Как персонаж 30-х он довольно много мог бы рассказать о Флоре, но в 80-е это уже другой герой, и все, что он мог сделать, – это представить официальные документы о посещении Флорой Индии. Если Элеонора с течением времени меняется внешне, оставаясь тем же человеком, то внешность Раджи/политика одинакова в двух хронотопах, но меняются сами люди.

Хотя действие происходит попеременно то в Индии, то в Англии, сцена, по замыслу Стоппарда, не должна быть разделена ни по временному, ни по пространственному принципу. Обстановка, предметы, которыми пользуются персонажи, не должны меняться в течение пьесы. Интересна в связи с этим роль слуг. Они свободно передвигаются между двумя периодами, действуя в обоих: “the servants operate freely between the two periods” [Stoppard 1995: 57]. Таким образом, слуги воспринимаются (и на это есть указание автора) не как герои, а как своего рода реквизит, общий для обеих эпох.

Иногда кажется, что и главные герои двух эпох взаимодействуют, но это лишь иллюзия. Несмотря на кажущееся взаимодействие героев разных эпох, на их появление на одной сценической площадке, они не пересекаются.

В «Открытии любви» известный поэт и ученый, исследовавший античную литературу, Альфред Эдвард Хаусмен, умирая, представляет, что попал в Аид и оттуда смотрит на свою жизнь. И опять перед зрителем 2 мира: подземный и земной. Первый, кого видит главный герой, попадая в Аид, - это Харон. Они начинают беседу, которая постепенно позволяет зрителю и читателю понять, что в Хароне есть что-то земное, человеческие черты. Он не может поверить, что один и тот же человек может быть одновременно и поэтом, и ученым (оценка информации, сомнения). Харону сказали, что он должен встретить поэта и ученого; видя только Хаусмена, он предлагает подождать второго; при этом выражает беспокойство и надежду: “I hope nothing’s happened to him” [Stoppard 1997: 1]. Когда АЭХ начинает долго и пространно объяснять, почему первым, кого он хочет увидеть после смерти, является Бенджамин Холл Кеннеди, Харон, спокойно все выслушав, очень по-человечески просит Хаусмена немного помолчать: “Could you keep quiet for a bit?” [Stoppard 1997: 3]. Те, кто попадает в Аид после смерти, первоначально сохраняют земные черты. Например, первой, кого все стремятся увидеть, становится красавица Елена.

Герои земного мира, существующие в воспоминаниях и представлениях АЭХ-а, живут по земным законам, главный из которых – движение. Перед зрителем предстают и три друга, собирающиеся на пикник, и они же, обсуждающие произведения античных авторов, и их профессора, играющие в крокет, и спорящие журналисты. В течение пьесы меняется и возраст героев. Стоппард еще в начале, называя действующих лиц, указывает и их возраст: Робинсон Эллис, профессор-латинист, 45 лет; Кэтрин Хаусмен, сестра АЭХ, в возрасте 19 и 35 лет; У.Т. Стед, редактор и журналист, в возрасте 36 и 46 лет; Фрэнк Хэррис,

писатель и журналист, в возрасте 29 и около 40 лет. Это не основные персонажи пьесы. У ее главных героев возраст дан в «развитии»: Хаусмен, А.Э. Хаусмен, от 18 до 26 лет; Альфред Уильям Поллард, от 18 до 26 лет; Мозес Джон Джексон, от 19 до 27 лет. Таким образом подчеркивается подвижность, изменчивость.

Стоппард замечает, что персонажей, появляющихся на сцене только в одном из двух актов, могут играть одни и те же актеры. Это и было сделано в первой постановке спектакля на сцене Королевского Национального Театра в Лондоне 25 сентября 1997 года. Ни один из актеров не сыграл лишь одну второстепенную роль. Исключением явилась лишь Эмма Дьюхерст, исполнившая роль Кэтрин, единственную женщину в пьесе.

Главный герой является связующим звеном двух хронотопов. Хаусмен – так его называют в юности; Альфред Эдвард Хаусмен (АЭХ) – он же перед смертью. Они принадлежат, соответственно, к разным мирам. Интересно, что автор помещает умирающего АЭХ-а и юного Хаусмена на одну сценическую площадку. Поначалу Хаусмен не видит АЭХ-а. Затем их диалог все-таки происходит. Это разговор между двумя временами. Рассказывая о своем прошлом, АЭХ как бы открывает секреты будущего Хаусмена. Однако, в основном, их разговор посвящен «вечным темам», например, литературе.

В «Открытии любви» общая картина юности Хаусмена складывается из фрагментов. Действие перемещается от одного периода к другому, иногда возвращаясь в Аид. Однако здесь мы можем говорить о своего рода управлении разными пространствами-временами: их смена подчинена внутренней логике главного героя.

Среди персонажей пьес Стоппарда 90-х годов немало образов реально существовавших людей. Как правило, это люди, связанные с литературой, искусством и наукой. Их жизнь окутана тайной. В пьесах Стоппарда вокруг событий, связанных с этими личностями, разворачивается интрига.

В «Аркадии» таким героем является Байрон. Интересно, что он так и не появляется на сцене, хотя о нем так много говорят представители обеих эпох. В пьесе «Открытие любви» центральный персонаж – поэт и профессор Хаусмен. Хаусмена окружают известные ныне писатели и профессора. На страницах пьесы встречаем Дж. К. Джерома, О. Уайльда, Патера, Рескина, Хэрриса, Пэттисона, Джоуэтта, Стеда.

Естественно, Стоппард (как и любой художник) не воспроизводил документально характеры людей, живших когда-то. Прежде всего,

они – художественные образы. Однако использование их имен, попытка героев разгадать тайны, связанные с ними (в результате многое остается неразгаданным) – это оригинальный прием Стоппарда. Оригинальность в том, что эти образы постоянно ускользают. В «Аркадии» Байрон так и не предстал перед зрителями, его загадка не разгадана до конца. АЭХ, окруженный действительно когда-то существовавшими писателями и учеными, не кажется до конца правдоподобным образом, благодаря своим фантазиям об Аиде, изображению профессоров, например, бегающих за мячом. К тому же, эти воспоминания – фрагменты, обрывки. И опять истина ускользает. Стоппард играет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Stoppard T. Arcadia. – London; Boston: Faber and Faber, 1993. – 97 p.
Stoppard T. Indian Ink. – London; Boston: Faber and Faber, 1995. – 84 p.
Stoppard T. The Invention of Love. – London: Faber and Faber, 1997. – 102 p.
Hunter J. Tom Stoppard: Rozencrantz and Guildenstern Are Dead, Jumpers, Travesties, Arcadia. – London; New York, 2000. - 240 p.

Трошева Т.Б.

Краснодар, Россия

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В
РУССКИХ ПАРЕМИЯХ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ТЕМАТИКИ**

Аннотация. Объектом рассмотрения являются русские пословицы о сельскохозяйственном труде. Анализируются стилистические фигуры, на основе которых строятся пословицы.

Ключевые слова: пословица, сельскохозяйственная тематика, выразительность, стилистические фигуры.

Сведения об авторе: Трошева Татьяна Борисовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации.

Место работы: Кубанский государственный аграрный университет.

Контактная информация: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, к. 514 эд.
e-mail: trosheva2@yandex.ru.

Trosheva T.B.

Krasnodar, Russia

**STYLISTIC FIGURES
IN RUSSIAN PROVERBS
OF AGRARIAN SUBJECT
MATTER**

Abstract. The object of study are Russian proverbs about agricultural work. Stylistic figures are analysed in proverbs.

Keywords: proverb, agricultural subject matter, expressiveness, stylistic figures.

About the Author: Trosheva Tatiana Borisovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Languages and Speech Communication. Place of employment: Kuban State Agrarian University.

В качестве исследуемого материала в статье используются пословицы сельскохозяйственной тематики, что связано с работой автора в сельскохозяйственном вузе – Кубанском государственном аграрном университете.

Пословицы обычно создаются на базе особых синтаксических построений, усиливающих образно-выразительную функцию речи, – стилистических фигур, особенностью которых является наличие определенной синтагматической схемы.

Учитывая существование различных взглядов на соотношение терминов «тропы», «стилистические фигуры» и «стилистические приемы», мы считаем необходимым обозначить свою позицию, присоединившись к следующему мнению: «С точки зрения системного подхода к исследованию выразительных средств языка/речи и их терминологическому обозначению, целесообразно рассматривать понятия стилистической фигуры и тропа в качестве гипонимов (разновидностей) по отношению к родовому понятию (гиперониму) стилистического приема» [Сковородников, Копнина 2003: 452].

© Трошева Т.Б., 2014

К типичным для пословиц стилистическим фигурам относятся экспрессивный лексический повтор, антитеза, синтаксический параллелизм, эллипсис, инверсия и некоторые другие.

Экспрессивный повтор позволяет акцентировать семантически значимые элементы фразы, прояснить логику утверждения. В пословицах встречаются различные позиционные типы лексического повтора.

Анафора: Много снега на полях – много хлеба в закромах; Коза бела, коза сера, а все дух один.

Эпифора: Не земля плоха, а сеятель плох; Сколько ни думать, а лучше хлеба и соли ничего не придумать.

Симплога: Днем раньше посеешь – неделей раньше пожнешь; Вола гуцей откормишь, коня гуцей раздуешь.

Хиазм: От семени плод – от плода семя; Весной ведро воды – ложка грязи; осенью ложка воды – ведро грязи.

В последнем примере представлена антиметабола – хиазм, осложненный антитезным противопоставлением.

Встречается и многократный повтор. Его использование порождает амплификацию: *Рожь две недели зеленеет, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливают, две недели подсыхает; Много снега – много хлеба; много воды – много травы; Чей двор, того и хоромы; чей берег, того и рыба; чей конь, того и воз; чья земля, того и сено.*

Фигура контраста – антитеза – в нашем материале основана на употреблении актуальных для сельского хозяйства слов-антонимов, в том числе контекстуальных: *Трактором пахать – не лопатой копать; Когда нет лошади, и осел – скотина; Без хлебного корма лошадь на кнуте едет; Земелька черная, а хлебец белый родит; Чудно дядино гумно: хлеба нет, а колосья валяются; Пересев хуже недосева.*

В паремиях противопоставляются явления, связанные с качеством и результатами сельскохозяйственного труда, состоянием скота и т.п. В роли противоположных объектов могут выступать времена года, обуславливающие сезонность сельскохозяйственных работ: *Весна красна цветами, а осень снопами; Лето пролежишь – зимой с сумой побежишь; Осень прикажет, а весна свое скажет; Зиме и лету союза нету; Жнут порою, а жуют зимою.*

Антитеза часто служит способом реализации оценочного компонента семантики пословиц. Ценности и антиценности сельского мира представляют собой специфические модификации аксиологической пары «хорошо – плохо»: «труженик – лентяй», «работа – праздность»,

«сытый – голодный» и т.д.: *Пахарю земля – мать, а лентяю – мачеха; Отложи шаши да возьмись за паши; Сят конь – богатырь, голодный – сирота.*

Оценочные лексемы «хороший – плохой», «добрый – худой» употребляются в отношении соответствующих явлений сельской жизни: *Нет нужды, что плохое имя, было б хорошее вымя; От худого семени не жди доброго племени.*

В пословицах широко представлена особая разновидность антитезы – акроте́за, в которой утверждение усилено отрицанием смежного или противоположного понятия: *Не вымем корова молоко дает, а рылом* (удой зависит от корма); *Не печь кормит, а нива; Не шуба греет, а хлеб; Не та дорога, где медведь живет, а та, где курица скребет; Казак сам не ест, а лошадь кормит; На лошадь не плеть покупают, а обес; Погоняй коня не кнутом, а овсецом.*

Акроте́за может использоваться для логического выделения главного признака объекта. Например, она применяется в определении такого важного понятия, как «хозяин земли»: *Не тот земли хозяин, кто по ней ходит, а тот, кто соху водит; Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а кто по ней за сохой ходит.*

Акроте́за помогает афористически оформить мысль о том, что урожай оценивается по результатам его сбора, а не по началу работ или процессу выращивания: *Не тот хлеб, что в поле, а тот, что в амбаре; Не хвались, в поле едучи, а хвались, с поля везучи; Не верь гречихе на цвету, а верь закрому.*

Акроте́за употребляется также для подчеркнута контрастного противопоставления тяжелого труда аграриев легкому, беззаботному времяпрепровождению: *Землю пахать – не в дуду играть; Не пиры пировать, коли хлеб засевать; Не от вина болит спина, а от полевой рабатушки; Скотину водить – не разиня рот ходить.*

В последнем примере использован прием а п п л и к а ц и и: в качестве «строительного блока» пословицы использована еще одна устойчивая единица – фразеологизм.

Антите́за (и в том числе акроте́за) может быть усилена различного рода лексическими повторами, например: *Гляди в небо – там нет хлеба, а к земле ниже – к хлебу ближе; Не всякий хлеб пашет, да всякий его ест; Не земля плоха, а сеятель плох.*

В пословицах употребляется и аллеоте́та – вид антитезы, основанный на лексическом повторе, суть которого заключается в противопоставлении форм одного и того же слова: *Сеи до овода – будешь с хлебом, после овода – без хлеба.*

Все виды антитезы могут сочетаться с синтаксическим параллелизмом, что обусловлено краткой и часто рифмованной формой текста: *Егорий с водой, а Никола с травой* (простая антитеза); *Не потчуй лошади ёздом, а корми тестом; не гладь рукой, посылай мукой* (сложная антитеза).

Как отмечает В.П. Москвин, «антитеза, усиленная синтаксическим параллелизмом, – важнейший способ структурно-семантической организации пословиц и поговорок» [Москвин 2004: 38].

Синтаксический параллелизм – одна из наиболее частотных фигур речи, на основе которых строятся пословицы. Симметричные конструкции обычно объединены в бессоюзное сложное предложение или сложносочиненное с союзами «и», «а», «да», а также в предложения с типичными для данного жанра союзными частицами «так» и «так и»: *Май холодный – год хлеборобный; Капустка не рóдится, и огород не городится; Один с сошкой, а семеро с ложкой; Горька работа, да сладок хлеб; Пахать – так не дремать; Просо редёнько, так и кашница жидёнька.*

Встречается также вариант бессоюзных и сложносочиненных предложений со структурной неполнотой во второй части, о чем В.И. Даль говорил как о характерной для пословицы фигуре «опущения, недоговорки» – одном из образцов «прикрас риторики» [Даль 2003: 14]. Эта фигура весьма актуальна для суперлаконичного художественного текста: *Красно поле пшеном, а речь – слушаньем; Рожь кормит сплошь, а пшеница – по выбору; Весна красна цветами, а осень снопами.*

Пословица с параллельными частями может иметь и форму сложноподчиненного предложения. Типичные его модели: «Где.., там...», «Что.., то...», «Кто.., тот...», «Каково.., таково и...»: *Где пахарь плачет, там жнея скачет; Где хозяин ходит, там земля рóдит; Что летом рождается, то зимой пригождается; Что посеешь, то и пожнешь; Кто надеется на небо, тот сидит без хлеба; Кто сеет да веет, тот не обеднеет; Каково волокно, таково и полотно; Каково лето, таково и сено.*

Сходные конструкции в составе сложного предложения могут представлять собой различные структурные типы – односоставные, двусоставные, эллиптические предложения.

Односоставные предложения разных (по форме главных членов) видов: *Веретеном оденусь, сохой укроюсь; Навоз отвезем, так и хлеб привезем; Сеют – плачут, молотят – скачут; Без печки холодно, без хлеба голодно; Летом дома сидеть – зимой хлеба не иметь.* Наиболее

пригодна для выражения обобщенного значения пословиц форма глагола 2-го лица единственного числа: *Поле удобришь – урожай утrophишь; Глубже вспашешь – веселее сплянешь; Посеешь в лукошко, так и пожнешь немножко; Хоть коси, хоть броси* (брось; о плохом урожае).

Двусоставные предложения с именными сказуемыми – существительными в именительном или косвенном падежах: *Лето – припасиха, а зима – подбериха; Хлеб – батюшка, вода – матушка; Апрель с водою, май с травой; Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сережках, корова в рогоже, да всех дороже.*

Двусоставные предложения с именными сказуемыми – прилагательными: *Конь тощой – хозяин плохой; Пар поздой (поздний) – амбар пустой; Узда наборная, лошадь задорная; Петровки холодные, и год голодный.*

Двусоставные предложения с глагольными сказуемыми: *Лето собирает, а зима поедает; Хлеб вскормит, вода вспоит; Земля не уродит – никто не наградит; Придет время – прорастет и семя.*

Двусоставные эллиптические конструкции (сочетание параллелизма и эллипсиса): *Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля; Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе; Слово к ответу, а хлеб к обеду; Пот на спине – так и хлеб на столе.*

Помимо собственно синтаксического параллелизма, в пословицах обнаруживается лексико-синтаксический параллелизм (с лексическим повтором: *Днем раньше посеешь – неделей раньше пожнешь; Добрая земля – полная мошна; худая земля – пустая мошна; Нет плохой земли, есть плохие хозяева; Будет хлеб – будет и песня*), а также более редкий вариант – ритмический параллелизм (изометрия). В последнем случае конструкции равны в метрическом отношении (имеют один и тот же стихотворный размер) и по количеству слогов: *В цвету трава – косить пора; Не гони коня кнутом, а гони его овсом; Не будь тетерей, борись с потерей.*

Как отмечал В.И. Даль, «пословица большею частию является в мерном или складном виде: редко правильным метрическим стихом, т.е. со счетом долгих и коротких слогов, потому что такой размер народному языку вообще чужд.; но весьма часто в русском размере, в тоническом, как песенном, с известным числом протяжных ударений в стихе, так и сказочном, с рифмою или красным складом» [Даль 2003: 13].

В связи с анализом конструкций синтаксического параллелизма выше упоминалась фигура краткой речи – эллипсис. Характерные

для пословиц эллиптические конструкции с незамещенной позицией сказуемого представлены различными семантическими типами.

Эллиптические предложения со значением движения: *В поле – навоз, в амбар – хлеба воз.*

Предложения со значением энергичного действия: *Своего коня шлепком, чужого коня кругляком.*

Самым распространенным типом эллиптических конструкций в пословицах, как и в других речевых жанрах и стилях, являются предложения со значением бытия: *Сена по колено, овса по щетки, а воды лотки* (изобилие корма у животных); *Что у коровы на языке, то и в молоке; Корова на дворе – харч на столе; Хлеба ни куска – и в горнице тоска; На дороге грязь, так овес князь; В пашне огрехи, а на кафтане прорехи.*

Как фигура сокращения, эллипсис придает речи динамизм и лаконизм, обеспечивает четкий ритм, подчеркнутый паузами.

Особая ритмико-интонационная оформленность пословиц выражается и в использовании инверсии: *Сухой март, а май мокрый делают хлеб добрый; Без хлеба и без каши ни во что и труды наши; Лошадь молодую покупай, а за старую денег не теряй; Где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка; Где пашет сошка, там хлеба крошка.*

Материал показывает, что в пословицах используется разновидность инверсии – анатрофа, которая состоит в перестановке смежных слов. В наших примерах это постпозиция согласованного определения (*май мокрый, хлеб добрый, труды наши, лошадь молодую*), препозиция несогласованного определения в форме родительного падежа существительного (*навоза колышка, хлеба коврижка, хлеба крошка*), препозиция сказуемого (*пашет сошка*). Инверсия обусловлена требованием рифмы (ср.: *Где пашет сошка, там хлеба крошка; Сухой март, а май мокрый делают хлеб добрый*) или необходимостью логического подчеркивания элемента (*Лошадь молодую покупай, а за старую денег не теряй*).

Интересно, что типичная для фольклорных жанров постпозиция одиночного согласованного определения существенно отличается по функциям (рифмообразование или логическое выделение семантически важного слова) от того же явления в религиозных (православных) текстах, где оно также входит в число ведущих риторических фигур, но служит созданию архаически возвышенной тональности [Трошева, Павловская 2012: 25-26, 56].

Поскольку паремии принадлежат к системе жанров художественной речи, здесь широко употребляются разнообразные стилистические приемы. Вместе с тем специфика формы и семантики пословиц (краткие образные выражения с назидательным смыслом) ограничивает возможность использования здесь всего корпуса известных приемов. Так, в паремиях не встречаются анаподатон, апофазия, импоссибилия, силлепсис, тмезис, экзергазия и некоторые другие средства выразительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Эксмо: ННН, 2003. – 616 с.
- Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: терминологический словарь-справочник. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 248 с.
- Сковородников А.П., Копнина Г.А. Стилистическая фигура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 452-453.
- Трошева Т.Б., Павловская О.Е. Стилиевые признаки современного русского православного текста. – Saarbrücken (Deutschland): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 106 с.

Харлов И.Е.

Екатеринбург, Россия

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО
СЛЕНГА**

Аннотация. В статье освещается аксиология и её применение в лингвистике, исследования в области сленга и возможность применения аксиологических исследований при изучении сниженной лексики.

Ключевые слова: аксиология, теория ценностей, сленг, концепт, языковая картина мира

Сведения об авторе: Харлов Игорь Евгеньевич, ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации ИСПН УрФУ, преподаватель кафедры иностранных языков СУНЦ УрФУ, аспирант УрФУ
Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ИСПН, кафедра лингвистики.
e-mail: igorkharlov@rambler.ru.

Kharlov I.Y.

Ekaterinburg, Russia

**AXIOLOGICAL APPROACH TO
SLANG STUDIES**

Abstract. This article speaks about axiology and its implication in linguistics, about researches in slang and about the possibility of applying axiology to the study of slang.

Keywords: axiology, value theory, slang, concept, linguistic world-image

About the Author: Kharlov Igor Yevgenievich, Lecturer to the department of linguistics and professional communication in foreign languages ISPS UrFU, teacher to the department of foreign languages SESC UrFU, PhD student
Place of employment: Ural Federal University.

В настоящее время в лингвистике очень популярны исследования в области концептов, языковых картин мира и репрезентации ценностей социума в языке. Мы в данной статье посмотрим на сленг с точки зрения его ценностного потенциала и возможности применения данного подхода к изучению сленга.

Прежде всего необходимо понять, что же такое аксиология, или философия ценностей, и как она представлена в лингвистических работах.

Философия ценностей, или аксиология – раздел философии, занимающийся изучением положительной, нейтральной или отрицательной значимости любых объектов, отвлекаясь от их экзистенциальных и качественных характеристик [Ивин 2006: 3].

Как далее пишет Александр Архипович Ивин, «хотя философское исследование ценностей столь же старо, как и сама философия, понятие ценностей было введено в философию только во второй полови-

не XIX века. Аксиология как особая ветвь философии моложе всех других ее ветвей» [Ивин 2006: 3].

В целом философия ценностей предлагает исследователю посмотреть на мир и социум с позиции тех, ценностей, которые важны для этого общества и которые являются базой для функционирования этого общества.

Лингвистика тоже обратилась к исследованию выражения ценностей в языке. Всё больше и больше научных исследований в лингвистике проводится с целью выявления ценностей общества сокрытых в языковом материале, а также с целью изучения динамики изменения ценностей того или иного общества на протяжении определенного времени (об этом см. работы С.М. Толстой, Е.Л. Березович, И.Т. Вепревой, И.А. Седаковой, Ежи Бартминский и др.).

В трудах этих ученых мы видим, что, работая с лексикой определённого языка, авторы выстраивают концепты в языковых картинах мира (например, И. Ванкова *Dít a Doton v češské jazykové kartine mira*; А.Г. Ольшевская и С.Н. Савик *Особенности выражения концепта «свобода» в немецком языке*; и пр.) [Wartości 2012: 47-68, 205-222]; как ценности развиваются с течением времени (например, И.А. Седакова *Смена ценностных парадигм в России в 2011-2013 гг.: от ЧЕТСНОСТИ к СВОБОДЕ*) [Etnolingwistyka 2013: 53-67].

Если просмотреть эти работы, можно увидеть, что сленговые лексемы в них не сильно представлены. Возникает вопрос, выражает ли сленг какие-нибудь ценности того или иного социума? Если он выражает, то какие ценности, как они представлены, как они соотносятся с «базовыми» ценностями того или иного общества (например, ценностями, которые выделяются в ходе социологических и философских исследований социума). Также интересно посмотреть, как соотносятся ценности, выраженные в сленге, с ценностями, которые выражаются в нейтральной лексике?

Здесь мы подходим ко второму вопросу, а изучался ли сленг с позиции ценностного потенциала?

Если посмотреть исследования отечественных лингвистов, то можно отметить, что интерес к сленгу появляется начиная с 60-х годов XX века. Первые работы, связанные с изучением сленга, в основном пытаются ответить на вопросы о терминологическом аппарате, о месте, функциях, значении сленга и о причинах его исследования (см., например, И.Р. Гальперин «О термине “сленг”», Г.А. Судзиловский «Сленг – что это такое?», В.А. Хомяков «Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия», В.А. Хомяков «О термине

“сленг” (Из истории вопроса)» и др.).

Современные исследования собственно сленга продолжают дискутировать термин сленг, его место среди другой сниженной лексики и необходимость его изучения.

В целом, можно разделить все имеющиеся отечественные исследования сленга на три группы: исследования собственно сленга, исследования определенной области сленга, смежные исследования (такие исследования, которые напрямую не концентрируются на сленге, но затрагивают его, например, в качестве иллюстративного материала).

Таким образом, можно сделать вывод, что в отечественной лингвистике никто не обращался к сленгу как к потенциальному «носителю» ценностей, поскольку в большинстве случаев лингвистов интересовал статус сленга в лексическом составе языка.

Давайте рассмотрим зарубежных исследователей и их интересы в области сленга. Настоящим толчком к изучению сленга как такового послужила работа Э. Партриджа «Сленг сегодня и вчера». Тем не менее, изучение сленга началось раньше.

Первые подходы к изучению нестандартной лексики выражались только в составлении словарей, как отмечает М.М. Маковский, «в период, предшествовавший созданию литературного стандарта английского языка, сленг не был четко дифференцирован от прочих социальных слоев языка, мы не располагаем зафиксированными письменностью документами чисто “сленгового” характера в ранние периоды развития языка; в связи с этим приходится довольствоваться рассмотрением лексикографических работ XV века, посвященных так называемому “воровскому” словарю» [Маковский : 37].

Джули Коулман в одной из глав своей книги «Жизнь сленга» обращает наше внимание на то, что сам термин сленг возник только во второй половине XVIII века, следовательно, становится очевидным, что сленг в том понимании, которое есть у нас сейчас, раньше просто мог не существовать. Тем не менее, она задает вопрос, а разве не было сленга как языковой реалии? Здесь же она и отвечает на свой вопрос, реалия была, но вот названия у неё были разные: она приводит 13 слов, применявшихся для обозначения сленга, два из них до сих пор употребляются для обозначения специфических слов – *cant* и *flash language*. [Coleman 2012: 118-119].

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что сленг как таковой на западе стал постепенно изучаться со второй половины XVIII века.

Необходимо также отметить, что большая часть «исследований»

сленга за рубежом носит прикладной характер, отдельных монографий, как это можно наблюдать в нашей стране, очень мало, зато все словари обязательно снабжены вступительными статьями, в которых авторы пытаются опять же определить, что есть сленг, каковы его функции и место в лексической системе английского языка.

Основываясь на анализе изданных работ по сленгу и сниженной лексике, можно сделать вывод, что к подобному подходу в изучении сленга практически никто не обращался. А если и обращались, то мельком.

Нам же кажется, что изучение сленга через призму теории ценностей может показать интересные факты, которые характеризуют современное общество, особенно молодёжь, которая и является основным пользователем сленга. Показать те ценности, которые важны именно для молодого поколения, здесь и сейчас.

Отметим, что, основываясь на анализе сленговых лексем, можно увидеть, что практически все лексемы складываются в концепты, такие как *человек*, *деньги*, *жилище* и прочие.

Можно предположить, что эти концепты и являются репрезентацией основных ценностей молодёжного общества носителей сленга. Это концепты, в которых наиболее частотны разнообразные номинации, которые описывают действительность не только обобщенно, но и иногда в мельчайших деталях. Подобные акценты могут указать исследователю на то, что действительно важно для пользователя сленга.

Например, если мы посмотрим на концепт *человек*, то мы увидим, что он распадается на семантические поля, неравноценные по своему наполнению, что показывает, что один аспект для пользователей сленга является более важным, нежели другой (например, *отношения между людьми* гораздо более важно, чем *здоровье*).

Дружба как разновидность отношений между людьми, в сленге не является такой же важной ценностью, какой она предстает в литературе, общеупотребительной нейтральной лексике и социальных исследованиях.

Подводя итог, нам кажется, что исследования аксиологического потенциала сленга представляет большой интерес для изучения сниженной лексики в целом, а полученные результаты помогут сделать языковые картины мира более полными и точными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ивин А.А. Аксиология: научное издание. – М.: Высш. шк., 2006. – 390 с.
- Маковский М.М. Современный английский сленг: онтология, структура, этимология: учебное пособие. – 2-е изд., доп. – М.: КомКнига, 2005. – 168 с.
- Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013.
- Julie Coleman. The Life of Slang. – Oxford University Press, 2012. – 354 p.
- Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. Red. M.Abramowicz, J.Bartmiński, I.Bielińska-Gardziel. T.1, Lublin 2012.

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ УрГПУ основан в 1937 году. Является ведущим образовательным учреждением в области преподавания иностранных языков и повышения квалификации преподавателей вузов и учителей в Уральском регионе, а также готовит специалистов в сфере устного и письменного перевода. Лицензирован и аккредитован. Имеет давние и прочные связи с зарубежными образовательными учреждениями и центрами, многолетние традиции научного и культурного обмена с Германией, Австрией, Францией, Великобританией и США; тесно сотрудничает с факультетами иностранных языков и кафедрами С.-Петербурга, Москвы, Н.Новгорода, Н. Тагила и др. городов РФ. Имеет высокий рейтинг в научном мире.

В состав ИИЯ входят **6 специализированных кафедр**:

- английского языка,
- английской филологии и сравнительного языкознания,
- немецкой филологии,
- романских языков,
- перевода и переводоведения,
- профессионально-ориентированного языкового образования ,

а также

- 5 ресурсных языковых центра (языковое образование, немецкий, французский, испанский, австрийский),
- магистратура,
- аспирантура, докторантура,
- центр дополнительного образования,
- подготовительные курсы (уровень ЕГЭ).

Научные школы

Научные исследования в институте проводятся в рамках комплексных тем: "**Типологические аспекты функционирования и эволюции языков**", "**Оптимальные технологии обучения иностранным языкам в системе профессионального образования**". Исследования проводятся в двух направлениях: 1) сопоставительное языкознание; 2) теория и методика обучения ИЯ.

Оба направления соответствуют профилю подготовки специалистов, бакалавров, магистров. Результаты исследования реализуются в учебном процессе УрГПУ, вузов Свердловской области и Уральского региона.

К настоящему моменту сформировались несколько научных школ института:

- профессора И.А.Гиниятуллина - "Методика самостоятельной учебной деятельности"
- профессора З.И.Комаровой-«Сопоставительное терминоведение»
- профессора Н.В.Пестовой - "Сопоставительная лингвистическая поэтика"
- профессора Н.А.Пирогова - "Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание"
- профессора Н.Н.Сергеевой - "Методика обучения иностранным языкам в системе профессионального образования"
- профессора В.П.Хабирова - "Креолистика и социолингвистика"
- профессора Е.В.Шустровой – " Когнитивная лингвистика"

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики»
ПРОВОДИТСЯ ЕЖЕГОДНО В ПЕРВЫЕ ПЯТНИЦУ-СУББОТУ ФЕВРАЛЯ**

Материалы по итогам конференций размещаются в электронной библиотеке ИИЯ УрГПУ <http://ifl.uspu.ru/lib>

Мы всегда рады видеть Вас среди участников!

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ

ежегодной международной научной конференции
7 февраля 2014 года
г. Екатеринбург, Россия

Подписано в печать 07.04.14. Формат 60Ч841/16.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 500 экз.
www.uspu.ru

Оригинал-макет О. В. Быкова

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750 г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22. Тел. (34364) 2-25-03
Заказ № 2014 г.